«Новенький» – «Отелло» эпохи школ только для белых, ностальгии по оффлайн-общению и расовых трений.

ШЕКСПИР XXI ВЕК

Кавер-версия «Отелло» Уильяма Шекспира

Трейси Шевалье

НОВЕНЬКИЙ

Новенький

Трейси Шевалье

Аннотация
Трейси Шевалье. Новенький
Часть I. Перед уроками
Часть II. Первая перемена
Часть III. Обед
Часть IV. Вторая перемена
Часть V. После уроков

Аннотация

Когда в школе появляется новый мальчик, сын дипломата, учителя и ученики принимают его настороженно. Новенький, Осей, — единственный чернокожий в «белой» школе. К настороженности добавляются зависть и удивление после того, как в первый же день учебы новенький составляет необычную пару с Ди, самой популярной девочкой школы. И тогда другой мальчик, привыкший держать все под контролем, решил разрушить новый союз.

Шекспировские страсти: любовь, ревность и предательство — на школьной площадке Вашингтона.

Трейси Шевалье
Новенький

© Климовицкая И., перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Часть I. Перед уроками

Ванильное пирожное, вишенка сверху,
Скажи скорей, кто тебе по сердцу.

Ди первая увидела его. Она запомнила это удивительное чувство. За несколько волшебных секунд, когда незнакомец принадлежал только ей, мир соскочил с рельсов и уже не вернулся в привычную колею.

Школьный двор был полон. Многие приходили пораньше, чтобы поиграть в догонялки, классики или вышибалы, пока не прозвенит звонок. Сама Ди сегодня задержалась, мама отправила ее наверх переодеваться, потому что Ди запачкала пуловер, когда ела яйцо, хотя сама она и не видела никаких пятен от желтка. Часть дороги Ди бежала бегом так, что косы подпрыгивали за спиной — пока не увидела поток школьников, которые двигались в том же направлении, и успокоилась, поняв, что успевает. Она вошла во двор за минуту до первого звонка.

Уже не имело смысла присоединяться к Мими, лучшей подружке, — та прыгала через скакалку, которую крутили две девочки, и Ди сразу про-

шла к школьному крыльцу, где стоял с другими учителями мистер Брабант в ожидании учеников. Волосы у него были подстрижены коротко и ровно, отчего голова казалась квадратной, и держался он очень прямо. Говорили, что он воевал во Вьетнаме. Ди не была лучшей ученицей в классе — это звание носила зубрилка Пэтти, но Ди старалась угодить мистеру Брабанту, чем могла, и он ее выделял среди всех, и Ди знала, что ее называют любимицей учителя.

Она встала в шеренгу и оглядела двор. Ее взгляд остановился на девочках, которые прыгали через скакалку. А потом она заметила его, он неподвижно стоял возле карусели. На карусели было четверо — Иэн, Род и еще двое мальчиков из четвертого класса. Карусель кружилась так быстро, что Ди подумала — кто-нибудь из учителей непременно вмешается. Как-то раз один мальчик вылетел с карусели и сломал руку. У четвероклассников был испуганный вид, но они ничего не могли поделать, потому что Иэн очень ловко отталкивался ногой и раскручивал их все сильнее.

Мальчик, который стоял рядом с этим бешеным вращением, отличался от остальных. На нем были не просто джинсы, футболка и кроссовки,

как у всех ребят. Его наряд — расклешенные серые брюки, белая рубашка с коротким рукавом, черные ботинки — больше походил на форму учеников частных школ. Кожа у него тоже была не такая, как у всех, ее цвет напомнил Ди медведей, которых она видела в зоопарке несколько месяцев тому назад, во время школьной экскурсии. Хотя медведей называли черными, их мех на самом деле был бурым, с рыжиной на кончиках. Медведи больше спали или обнюхивали груду корма, которую вывалил в загон смотритель. Только когда Род швырнул палку, чтобы произвести впечатление на Ди, один из медведей все же обратил на посетителей внимание, ощерил желтые зубы и зарычал, так что ребята завизжали и засмеялись. Ди, однако, не последовала их примеру, она нахмурилась и отвернулась от Рода.

Новенький не смотрел на карусель, он изучал здание школы. Это была типовая окраинная школа, построенная восемь лет тому назад, и напоминала она две краснокирпичные коробки из-под обуви, без всякой фантазии составленные вместе в форме буквы «Г». Когда Ди пошла в детский сад, от стен еще пахло свежей краской. Теперь же здание напоминало поношенное платье — местами обтрепалось, разошлось по швам,

покрылось пятнами. Она знала каждый класс, каждую лестницу, каждую балясину, каждый закуток. Ей был знаком каждый метр не только их двора, но и площадки для младших классов по другую сторону здания. Ди падала с качелей, рвала колготки на горке, застревала на верхушке «джунглей»[1], потому что боялась спрыгнуть. Однажды она объявила половину двора женской территорией, и они с Мими, Бланкой и Дженнифер набрасывались на мальчиков, которые пересекали границу. Они прятались за углом у входа на спортплощадку, где учителя не могли их видеть, и мазали губы помадой, читали комиксы и играли в бутылочку. На школьном дворе прошла вся ее жизнь — смех и слезы, поражения и победы, здесь она обзавелась друзьями и немногими врагами. Это был ее мир, такой привычный, что она не подвергала его сомнению. Через месяц она его покинет и перейдет в среднюю ступень[2].

---

[1] Примечания: 1

«Джунгли» — гимнастический снаряд; устанавливается в гимнастическом зале, во дворе школы для малышей. На снаряд можно влезать и раскачиваться на нем, подобно обезьянам в джунглях. — *(Здесь и далее — прим. перев.)*

[2] Примечания: 2

Средняя ступень средней школы — с 7-го по 9-й класс, — в которой обучаются дети с 12 до 14 лет.

Сейчас кто-то новый, чужой ступил на ее территорию, это побудило Ди взглянуть на окружающее чужими глазами и внезапно понять убожество обстановки, а себя ощутить здесь посторонней. Как он.

Наконец новенький сдвинулся с места. Ступал он совсем не как медведь, неуклюжий и косолапый. Скорее как волк или — Ди пыталась припомнить каких-нибудь животных темного цвета — как пантера, большая кошка. Не важно, что за мысли крутились у него в голове — например, как нелегко быть новеньким на школьном дворе, где полно незнакомцев с другим цветом кожи, — он шел к дверям, возле которых стояли учителя, с уверенной грацией человека, прекрасно владеющего своим телом. Ди почувствовала стеснение в груди. У нее сперло дыхание.

— Ну и ну! — заметил мистер Брабант. — Мне кажется, я слышу бой барабанов.

Мисс Лоуд, учительница другого шестого класса, которая стояла рядом с ним, хихикнула:

— Миссис Дьюк сказала, откуда он?

— Из Гвинеи, кажется. Или из Нигерии? Короче, из Африки.

— Он ведь будет у вас в классе, верно? Лучше у вас, а не у меня.

Мисс Лоуд огладила ладонью юбку и коснулась сережек в ушах, словно проверяя, на месте ли они. Этот нервический жест она повторяла часто. Выглядела она безупречно, если не считать прически — стрижка боб, взбитая в виде копны. В этот день она была в ярко-зеленой юбке и желтой блузке, в ушах зеленые серьги-диски. Туфли тоже зеленые, на низком квадратном каблуке. Ди с подружками любили обсуждать наряды мисс Лоуд. Одежда молодой учительницы никак не походила на одежду ее учениц, которые носили бело-розовые футболки и расклешенные джинсы, вышитые цветочками понизу.

Мистер Брабант пожал плечами:

— Не вижу особых проблем.

— Нет, конечно, нет. — Мисс Лоуд смотрела на своего коллегу широко раскрытыми голубыми глазами, словно боялась упустить хоть крупицу исходящей от него мудрости, которая сделает ее опытнее. — Как вы полагаете, нам следует — ну, *сказать что-нибудь* детям? О том, что он — ну, я не знаю — что он *другой*? Чтобы обошлись с ним получше?

Мистер Брабант фыркнул:

— Бросьте деликатничать, Диана. Он не нуждается в особом обхождении только потому, что он

чер… что он новенький.

— Нет, но… Хотя, конечно, да.

Глаза мисс Лоуд увлажнились. Ди знала от Мими, что раз или два их учительница по-настоящему плакала в классе. За глаза ученики называли ее Плакса-Вакса.

Мистер Брабант перевел взгляд на Ди, которая стояла перед ним, откашлялся и сказал:

— Ди, ступай к девочкам. — Он указал в сторону прыгавших через скакалку. — Скажи, что я отберу у них скакалки, если будут прыгать после первого звонка.

Он был одним из немногих мужчин в школе, и хотя, казалось бы, какая разница, но Ди считала, что должна подчиняться ему беспрекословно, а при случае угождать — точно так же она вела себя с отцом, которого всегда старалась порадовать вечером после работы.

Ди поспешила к девочкам, которые продолжали прыгать. Скакалки ударялись о бетон, поэтому девочки для прочности соединили две вместе; считалку приговаривали нараспев. Ди помедлила мгновение, потому что была очередь Бланки прыгать. Бланка — лучшая прыгунья в школе, прыгает ловко, может прыгать без конца и не споткнется. Девочки старались выбрать

такие считалки, которые сбили бы Бланку, чтобы занять ее место. Бланка, разумеется, хотела прыгать как можно дольше, и этим утром ей удалось добиться, чтобы пели про ванильное пирожное:

Ванильное пирожное, вишенка сверху,
Скажи скорей, кто тебе по сердцу.
А, Б, В, Г…

Если прыгавшая не сбивалась, пока перечисляли алфавит, тогда переходили на числа от единицы до двадцати, потом на любимые цвета. Бланка сейчас проходила цвета, длинные черные кудри подпрыгивали, ноги двигались ловко, ей не мешали даже босоножки на платформе. Ди вообще не могла прыгать в такой обуви, она предпочитала белые кеды «Конверс», хоть и берегла их чистоту изо всех сил.

Ди подошла к Мими, которая крутила скакалки.

— Она уже *второй* раз проходит цвета, — прошептала та. — Покажушница.

— Мистер Би сказал, что отнимет скакалки, если вы не прекратите немедленно, — сообщила Ди.

— Хорошо. — Мими опустила руку, и один конец скакалки повис, а другой продолжал

вращаться еще несколько секунд. Ноги Бланки запутались в скакалке.

— Почему ты перестала крутить? — возмутилась она, надув губы. — Я должна была дойти до конца. И потом, мне нужно повторить алфавит, чтобы остановиться на букве «К»!

Ди с Мими сделали большие глаза и начали сматывать скакалки. Бланка была помешана на Каспере, самом популярном мальчике шестых классов. Если честно, он тоже вроде бы неровно дышал к ней, хотя они регулярно ссорились.

Ди и самой всегда нравился Каспер. Более того, они с Каспером оба понимали, что отличаются одной особенностью, — им не нужно прикладывать усилий, чтобы заводить друзей или завоевывать симпатию. Год назад Ди даже призадумалась, уж не влюбиться ли ей в Каспера, а может, и более того — ходить с ним. У Каспера привлекательное, открытое лицо и ярко-голубые глаза, от взгляда которых становится легко на душе. Однако подобное настроение продолжалось у Ди недолго. Хоть влюбиться в Каспера вполне естественно, все же она не могла воспринимать его в таком ключе. Он скорее как брат, они делают что-то сообща, смотрят в одну сторону — вперед, а не друг на друга. Касперу больше подходит девочка

взбалмошная и энергичная, вроде Бланки.

— О господи, *это* еще кто? — воскликнула Бланка. На уроках ее почти не слышно, зато во дворе она без стеснения разговаривает в полный голос.

Ди не нужно было оглядываться, чтобы догадаться, что Бланка говорит о новом мальчике.

— Он из Нигерии, — небрежно бросила она, наматывая скакалку на согнутую в локте руку.

— А ты откуда знаешь? — спросила Мими.

— Учителя говорили.

— Чернокожий в нашей школе — в голове не укладывается!

— Тсс… — Ди попыталась угомонить Бланку — боялась, что мальчик услышит.

Со скакалками под мышкой Ди вместе с Бланкой и Мими пошла к шеренге, в которую выстроились школьники. Скакалки хранились в кабинете мистера Брабанта, и Ди отвечала за них — что, она знала, вызывает ревность Бланки, так же как и ее дружба с Мими.

— Чего ты в ней находишь, она ведь чокнутая, — однажды спросила Бланка.

— Мими не чокнутая, — заступилась Ди за подругу. — Она… чуткая. Умеет чувствовать.

Бланка пожала плечами и стала напевать, показывая, что разговор закончен. Тройственный

союз — коварная комбинация, один участник всегда чувствует себя лишним.

Новый ученик стоял в конце шеренги, которая выстроилась перед мистером Брабантом. Бланка разыграла целую сцену, демонстративно отшатнувшись на своих платформах от новенького.

— И что нам теперь делать? — закричала она.

Ди поколебалась, потом сделала шаг вперед и встала за новеньким. Бланка последовала за ней и громко прошептала:

— Нет, ты только подумай! Такой в нашем классе! А ты и дотронуться до него можешь, скажи?

— Заткнись! — прошипела Ди в надежде, что он не расслышал.

Она смотрела новенькому в спину. Форма головы у него была очень красивая, череп гладкий и ровный, идеально вылепленный, как будто из глины на гончарном круге. Ди захотелось протянуть руку и дотронуться до его головы. Коротко подстриженные волосы повторяли форму черепа, как деревья повторяют очертания холма, — совсем ничего общего с гигантскими прическами в африканском стиле, популярными сейчас. Впрочем, вокруг не замечалось кого-то с афро. У них в школе не было чернокожих учеников, а в их районе — чернокожих жителей. Хотя в

Вашингтоне, Ди Си, было столько чернокожего населения, что его в шутку можно было назвать Шоколадным городом. Иногда, бывая в центре с родителями, Ди встречала чернокожих мужчин и женщин с афро, да еще видела их по телевизору, когда у Мими смотрела «Соул трэйн»[3], танцуя под «Earth, Wind and Fire» или «Джексон Файв»[4]. Ди никогда не смотрела это шоу дома: мать ей ни за что бы не разрешила смотреть, как черные люди танцуют и поют по телику. Ди влюбилась в Джермейна Джексона — из-за его застенчивой белозубой улыбки, которая нравилась ей больше его афро. Все подружки предпочитали малыша Майкла, что казалось Ди слишком банальным. Это все равно что влюбиться в первого школьного красавчика, и, видимо, поэтому она никогда

---

[3] Примечания: 3

Soul Train (*англ.*) — американская музыкальная телепередача, выходившая в эфир с 1971 по 2006 год. В последующие два года выходили ретроспективные выпуски «Лучшее на Соул-трэйн». В программе в основном выступали исполнители музыки в жанре ритм-н-блюз, соул, хип-хоп.

[4] Примечания: 4

«Джексон Файв», «Пятерка Джексон» или «Братья Джексон» — американская группа из города Гэри, штат Индиана. Братья Джеки, Тито, Джермейн, Марлон и Майкл Джексон вошли в основной состав группы. Первая в истории группа, аудитория которой в равной степени состояла из белых и черных поклонников. Существовала с 1964 по 1989 год, формально никогда не распадалась. В 2001 году все пять братьев выступили на двух шоу Майкла, посвященных 30-летию его сольной карьеры.

не рассматривала всерьез кандидатуру Каспера — в отличие от Бланки. Бланка всегда выбирала самые банальные пути.

— Ди, сегодня ты будешь опекать нашего нового ученика, — указал на нее мистер Брабант, глядя поверх вереницы голов. — Покажешь ему, где столовая, где музыкальный класс, где туалет. Объясняй все, что ему будет непонятно на уроке. Хорошо?

Бланка фыркнула и толкнула Ди, которая покраснела и кивнула. Почему мистер Брабант выбрал ее? Неужели в наказание? Вообще-то Ди ни разу не наказывали в школе, в этом не было необходимости. Уж так ее воспитывала мама.

Вокруг началось хихиканье и шушуканье.

— Откуда *он* взялся?

— Из джунглей!

— Хо-хо-хо! Ой, больно!

— Не будь придурком!

— Бедняжка Ди, ей заботиться о нем!

— Почему мистер Би выбрал ее? Обычно мальчику помогает мальчик.

— Может, из мальчиков никто бы не согласился. Я бы не согласился.

— И я!

— Да, а Ди — любимица мистера Би. Он знает,

что она не откажется.

— Хитро.

— Погодите — выходит, этот парень будет сидеть за нашими партами?

— Ха-ха! Бедный Дункан, достанется ему новый сосед. Или Пэтти.

— Я пересяду!

— Мистер Би не разрешит.

— *Все равно.*

— Мечтать не вредно, приятель.

Новенький оглянулся. Лицо у него было совсем не настороженное и не подозрительное, как ожидала Ди, а открытое и приветливое. Карие глаза блестели, как монеты, когда он с любопытством посмотрел на нее. Он поднял брови, отчего глаза стали больше, и Ди почувствовала всем телом удар, вроде того, который испытала, когда на спор прикоснулась к изгороди под током.

Она ничего не сказала, только кивнула. Он тоже кивнул в ответ, потом отвернулся и снова стал смотреть прямо перед собой. Они стояли друг за другом, притихшие, растерянные. Ди огляделась, чтобы понять, не смотрит ли кто-нибудь на них. Смотрели все. Она уставилась на дом напротив школы — дом Каспера, между прочим, — в надежде, что все кругом сообразят: в этом большом

мире есть вещи поважнее, чем мальчик, который будто заряжен электричеством, вот об этих-то вещах она сейчас и думает.

Тут она заметила за проволочной оградой школьного двора чернокожую женщину: она держалась за сетку. Маленького роста женщина казалась выше благодаря красно-желтому шарфу, намотанному вокруг головы наподобие высокого тюрбана. На ней было длинное платье из той же яркой ткани. Поверх платья — серое зимнее пальто, хотя уже начался май, и было тепло. Женщина смотрела на них.

— Моя мама считает, что я не знаю, как быть новеньким.

Ди повернулась в изумлении от того, что он заговорил. На его месте она бы язык проглотила.

— А ты уже бывал новеньким?

— Да. Три раза за шесть лет. Это моя четвертая школа.

Ди всю свою жизнь прожила в одном и том же доме, ходила в одну и ту же школу, дружила с одними и теми же людьми и привыкла к уютному чувству уверенности, которым сопровождалась ее жизнь. Она вообще не представляла себя в роли новенькой и не понимала, каково это — когда вокруг все незнакомые, хотя после перехода из

начальной школы в среднюю она пару месяцев знала только четверть школьников из своей параллели. И хотя Ди во многих смыслах переросла свою школу и созрела для перехода в новую, от одной мысли, что она окажется в окружении незнакомцев, начинало сосать под ложечкой.

В шеренге другого шестого класса, напротив, стояла Мими и, широко раскрыв глаза, наблюдала за этим разговором. Ди всегда училась с Мими в одном классе, а в последний год их развели по разным. Теперь Ди очень страдала от того, что не может общаться с Мими целый день, как раньше, а только на переменах, во дворе. Досаждало и то, что Бланка, которая училась с Ди в одном классе, буквально втиралась в ближайшие подруги — как сейчас, когда она почти повисла на Ди, положив руку ей на плечо, и глазела на новенького. Бланка не могла обходиться без физического контакта, во время разговора она прикасалась рукой к человеку, перебирала его волосы, прижималась к мальчикам, которые ей нравились.

Ди стряхнула ее руку, чтобы не отвлекаться от новенького.

— Ты из Нигерии? — спросила она, ей хотелось показать ему свою осведомленность. *У тебя другой цвет кожи, но ты не чужой, я кое-что* знаю

о тебе.

Мальчик покачал головой.

— Из Ганы, — ответил он.

— А… — Ди ничего не знала про Гану, кроме того, что она, судя по всему, находится в Африке.

Мальчик остался таким же доброжелательным, но выражение его лица словно застыло и стало менее искренним. Ди решила продемонстрировать, что знакома с африканской культурой. Она кивнула в сторону женщины у ограды:

— А на твоей маме дашики?

Она знала это слово, потому что на Рождество ее хиппующая тетушка подарила ей шаровары из ткани с рисунком в виде дашики. Чтобы доставить тетушке удовольствие, Ди надела эти штаны на рождественский ужин, и старший брат дразнил ее, что одна скатерть у них на столе, а вторую Ди напялила на себя. После ужина Ди спрятала подарок в дальний угол шкафа и больше к нему не прикасалась.

— Дашики — это рубаха, которую носят африканские мужчины, — сказал мальчик. В его голосе не было ни насмешки, ни презрения. Он просто делился информацией. — Или чернокожие американцы, когда хотят что-то доказать.

Ди кивнула, хотя не поняла, что именно до-

казать.

— Кажется, «Джексон Файв» на «Соул трэйн» в них выступали.

Мальчик улыбнулся.

— Мне помнится, Малкольм Икс[5] как-то раз появился в дашики.

На этот раз Ди показалось, что он поддразнивает ее. Ди решила, что пусть, она не против, лишь бы не этот суровый, холодный вид.

— На моей маме платье из ткани кенте[6], — пояснил он. — Ее делают у меня на родине.

— А почему на ней зимнее пальто?

— Она мерзнет везде, кроме Ганы, даже когда тепло.

— А *тебе* тоже холодно?

— Нет, я не чувствую холода. — Мальчик ответил полной, развернутой фразой, как обычно отвечала Ди с одноклассниками на уроках французского, проходивших раз в неделю.

Его акцент не был американским, хотя иногда

---

[5] Примечания: 5

Малкольм Икс — урожденный Малькольм Литтл, 1925–1965, афроамериканский исламский лидер и борец за права человека. В 1964 году разочаровался в деятельности организации «Нация ислама», лицом которой являлся, и был убит ее активистом.

[6] Примечания: 6

Кенте — у народов ашанти и эве в Западной Африке: парадное одеяние из ткани с ярким рисунком, сотканной вручную.

он вставлял американские выражения. В акценте было что-то английское. Мама у Ди любила смотреть по телевизору сериал «Вверх и вниз по лестнице»[7], выговор нового мальчика чем-то напоминал этот сериал, правда, без такой резкости и апломба, и гласные у него звучали более певуче — видимо, это африканское произношение. Законченные предложения, отсутствие сокращений, мелодия речи, тягучие гласные, все вызывало у Ди улыбку, но она сдерживалась, чтобы не показаться невежливой.

— А после уроков она тоже придет, чтобы забрать тебя? — спросила Ди.

Ее мама никогда не приходила в школу, только на родительские собрания. Она вообще не любила выходить из дома.

Мальчик снова улыбнулся.

— Я взял с нее слово, что не придет. Я знаю дорогу домой.

Ди улыбнулась в ответ.

— Да, так будет лучше. Только малышей из начальной школы приводят и забирают родители.

Прозвенел второй звонок. Учителя четвертых

---

[7] Примечания: 7

«Вверх и вниз по лестнице» — британский драматический сериал о жизни английского аристократического семейства Беллами и его прислуги, выходил в 1971–1975 годах.

классов встали во главе колонн и повели своих учеников в школу. Затем наступила очередь пятых классов и, наконец, шестых.

— Хочешь, я понесу скакалки? — предложил мальчик.

— Ой, нет, спасибо! Они не тяжелые.

На самом деле довольно тяжелые. Ни разу никто из мальчиков не предлагал ей помочь.

— Давай. — Он протянул руку, и она отдала ему скакалки.

— Как тебя зовут? — спросила она, когда их колонна тронулась с места.

— Осей.

— О… — Имя оказалось уж таким иностранным, что она не знала, за какой звук зацепиться, чтобы повторить. Все равно что пытаться вскарабкаться на абсолютно гладкую скалу.

Он улыбнулся в ответ на замешательство, к которому, похоже, привык.

— Проще звать меня Оу, — сказал он, вводя свое имя в круг привычных звуков. — Я не против. Даже моя сестра иногда так меня называет.

— Нет, я могу выговорить. О-сей. Это на твоем языке?

— Да. Значит «благородный». А тебя как зовут, скажи, пожалуйста?

— Ди. Вообще-то Даниэла, но все зовут меня просто Ди.

— Ди? Как буква алфавита?

Она кивнула. Они переглянулись, и эта перекличка букв, заменяющих им имена, рассмешила их. У Оу оказались прекрасные ровные зубы, а луч света, скользнувший по темному лицу, зажег что-то у нее внутри.

Иэн сразу же заприметил новенького, хотя вроде был увлечен тем, чтобы посильнее раскрутить карусели и заставить четвероклассников визжать. Иэн всегда обращал внимание на всех, кто ступал на его территорию. Ибо двор был его территорией. Так повелось с самого начала, когда он перешел в шестой, самый старший, класс, и в школе не осталось никого, кто мог бы подчинить его себе. Иэн много месяцев упивался своей властью. Любой новенький представлял угрозу. А *этот*, как бы сказать…

Иэн не был самым высоким в шестых классах, не был и самым быстроногим. Он не бил по мячу дальше всех, не прыгал с мячом выше всех, забрасывая его в корзину, и не подтягивался лучше всех на брусьях. На уроках он говорил мало, никогда не получал ни наклеек с золотой звездой за творческие работы, ни дипломов в конце учеб-

ного года за успехи в математике, правописании или общественной деятельности. Общественная деятельность — вот уж точно не про него. У девочек он тоже не пользовался особым успехом — эта честь принадлежала Касперу.

Иэн был самый хитрый. Самый расчетливый. Первым реагировал на новую ситуацию и обращал ее себе на пользу. Когда начиналась драка, Иэн делал ставки на победителя и следил, чтобы участники не улизнули. Он точно предсказывал, кто победит. Иногда спорил на то, сколько времени будет продолжаться драка или кто из учителей ее остановит. Часто принимал ставки конфетами, которые затем продавал, — он был равнодушен к сладкому. Иногда требовал от проигравших обеденные деньги, а в остальное время защищал младших школьников, чтобы деньги у них не отбирали, и брал за это свою долю. Ему нравилось смешивать добро и зло, держать малышей в растерянности. Недавно он уговорил родителей открыть ему банковский счет. Они не стали интересоваться, откуда у него такая уйма денег. Его братья в этом возрасте были такими же.

Когда на физкультуре класс бегал кросс по кварталу, Иэн вызывался собрать отставших.

Это давало ему возможность оценить текущую обстановку в мире — кто развозит почту, кто моет машину, кто оставил дверь в дом открытой, пока подрезает розы. Иэн рассматривал все эти обстоятельства с точки зрения выгоды, которую можно из них извлечь.

Иногда он ошибался в расчетах.

Несколько дней тому назад, например, на улице собралась гроза средь ясного неба. Иэн поднял руку, когда мисс Лоуд пыталась объяснить, что такое равнобедренный треугольник. Она измазала мелом весь свой оранжевый брючный костюм, и вид у нее был такой, словно геометрия находится за пределами ее разумения. Она прервала объяснение, удивленная, потому что Иэн редко поднимал руку.

— Да, Иэн?

— Мисс Лоуд, дождь собирается. Можно я выйду, спущу флаг?

Мисс Лоуд посмотрела в окно на сплошные черные тучи и на американский флаг, который весь день развевался перед школой.

— За флаг отвечают девочки из класса мистера Брабанта. Ты прекрасно это знаешь.

— Но они вечно забывают. А мистера Брабанта сегодня нет, им никто не напомнит. Если я сбегаю

сейчас, флаг не успеет намокнуть.

Мисс Лоуд поколебалась, потом кивнула на дверь:

— Хорошо, только быстро. И возьми с собой кого-нибудь, чтобы помог свернуть флаг.

Существовало множество правил обращения с американским флагом: его нельзя оставлять на ночь или под дождем, он никогда не должен касаться земли, к нему следует относиться с почтением. Иэн всегда с завистью смотрел из окна, как Ди и Бланка, гордясь поручением, подходят в начале и в конце дня к флагштоку. Обычно девочки действовали очень осторожно, но ему случалось замечать, что иногда они сворачивают флаг неровно и его угол касается земли. Он слышал также, что не всегда они поют патриотические песни, иной раз что-то из репертуара, который крутят по радио. Они явно хотели продлить развлечение, болтали, тянули время, хихикали.

В помощники Иэн выбрал Мими, чем очень удивил всех — мисс Лоуд, Рода, большинство других мальчиков и всех девочек, которые захихикали в кулак. Мими тоже удивилась, а к удивлению примешались испуг и смущение. До пятого класса девочки и мальчики порой играли

вместе и называли друг друга друзьями. Но последние два года все разделились по половому признаку и держались в своем лагере — если не считать моментов, которые проводили вместе украдкой, за спортплощадкой или в углу двора, где росли деревья, дававшие легкую тень в жаркий день. На прошлой неделе за спортплощадкой Иэн приобнял Мими, и его ладонь коснулась уже обозначившейся груди, но тут вмешался Род, он предложил Иэну спустить трусы и показать девочкам свое хозяйство. Мими взвизгнула вместе с другими девочками и выскользнула из-под руки Иэна — неохотно, как отметил он.

Когда она вышла вслед за ним во двор, дождь уже начался, хотя, судя по тучам, главное было впереди. Иэн старался не обращать на Мими особого внимания, сосредоточенно снимал веревку со скобы, которая крепилась к флагштоку на уровне талии. Потом начал спускать флаг и скомандовал:

— Держи края.

Мими послушалась, ухватилась за оба угла, когда они оказались на ее уровне. Иэн отцепил другие два угла от веревки, они растянули флаг между собой, как простыню. Иэн задержал взгляд на Мими на секунду дольше, чем требовалось,

она стояла неподвижно, с широко раскрытыми глазами. Глаза у нее голубые, а в прозрачной голубизне плавают темные крапинки, отчего глаза мерцают, и это мерцание выбивало его из равновесия. Кожа у нее вся в веснушках, это часто встречается у рыжеволосых — она, наверное, ирландка, пухлые губы, между ними поблескивают брекеты. Черты лица слишком уж неправильные — глаза чересчур широко посажены, рот чересчур большой, лоб чересчур высокий, — чтобы назвать ее красивой. И тем не менее было в Мими что-то притягательное. Пошел седьмой год[8], как они учились вместе, в одной школе. Однажды он произвел на нее впечатление в третьем классе, он это умел, но до недавнего времени не обращал на нее внимания. Его выбор пал на Мими, потому что он видел в ней какое-то сходство с собой — она тоже не смешивалась с ребятами во дворе. Сестры у нее, старшая и младшая, совершенно нормальные, ее лучшая подруга — всеобщая любимица Ди, а Мими все равно казалась одинокой, даже когда прыгала через скакалку или играла в классики. У нее была репутация немного «того», ей могло стать дурно в неподходящий момент,

[8] Примечания: 8
В американских школах бывает нулевой, подготовительный класс.

она мало говорила, но все замечала. Может, это его и привлекало: что она не болтает без умолку.

Он взмахнул правой рукой, давая понять, что ей нужно сложить длинную сторону еще раз, потом они загнули наверх другую сторону, флаг укоротился в три раза. Иэн опять задержал взгляд на Мими, и она покраснела.

— Сворачивай, — сказала он. — Знаешь как?

Мими кивнула и свернула свой край по диагонали так, что получился треугольник, потом еще раз и еще, с каждым разом они становились ближе. Иэн держал свой край возле груди, так что она должна была упереться в него. Когда между ними оставался один шаг и она собиралась свернуть флаг в последний раз, Иэн дернул его, и она упала ему на грудь, треугольник смялся, а он впился ей в губы. Их зубы клацнули друг о друга, Мими отдернула голову, но отскочить не могла, потому что флаг упал бы на землю.

Ее брекеты больно врезались ему в губы, но он совладал с собой, плотно прижался губами к ее губам и начал сосать. Спустя мгновение Мими ответила, тоже стала сосать, так что образовался вакуум и много слюны, но она сжимала зубы, и он не мог засунуть язык ей в рот. «*Она делала это раньше*», — сообразил он, и эта догадка ему

не понравилась. Он отстранился, хотя испытал удовольствие и даже возбуждение, признаки которого, он надеялся, заметила и она. Он взял флаг в свои руки, свернул его напоследок, и флаг стал похож на те треугольнички из бумаги, которые складывают дети и пуляют друг другу, играя в настольный футбол.

— Зря ты это делала с другими, — сказал он.

Мими выглядела немного обескураженной, даже испуганной.

— Я ничего не делала.

— Ты не умеешь врать. Ты целовалась с другими — с Филипом, с Чарли, с Дунканом и даже с Каспером.

Иэн перечислял имена наугад, полагая, что хотя бы раз попадет в цель, хотя понятия не имел, в кого нужно целиться. Мими опустила голову, дождь усилился, капли катились по ее лицу, как слезы.

— Если хочешь ходить со мной, не вздумай даже смотреть на других. Ты хочешь ходить со мной?

Мими кивнула.

— Тогда открой рот, когда будем целоваться, чтобы я мог засунуть язык.

— Вдруг выйдут девочки из класса мистера

Брабанта, они увидят нас.

— Ни фига. Я сто раз замечал — они не выходят. Флаг вечно намокает, и Ди берет его домой, чтобы высушить в сушилке. Иди сюда.

Он снова прижал губы к ее губам. Когда она открыла рот, он глубоко засунул в него язык, привалил ее к флагштоку и стал орудовать своим языком, пробовать на вкус ее зубы, щеки, язык. Он прижал бедра к ее бедрам, чтобы на этот раз она наверняка прочувствовала его.

Когда они оторвались друг от друга, оба дышали с трудом. От поцелуев он ощутил какую-то легкость и свободу. Веревка болталась под дождем. Иэн взял ее в руку, огляделся кругом, потом вручил треугольник флага Мими.

— Отойди-ка. Покажу тебе кое-что.

Обвив конец веревки вокруг ладони, он пробежал вокруг флагштока, отклоняясь так, чтобы веревка натянулась. Потом подпрыгнул, пролетел над землей и опустился. Потом опять пробежал вокруг флагштока и подпрыгнул, и так снова и снова. Он забыл про дождь, про Мими, про школу, он не чувствовал ничего, кроме ощущения полета.

Когда, потеряв ускорение, он в очередной раз опустился на землю, Мими смотрела на него,

прижимая флаг к груди. На душе у Иэна было так хорошо, что он решил проявить щедрость.

— Хочешь тоже попробовать? Давай, это здорово. — Он взял у нее флаг и протянул веревку: — Разгонись, потом подпрыгни.

Она сомневалась.

— Миссис Дьюк может увидеть. Или учителя. Нас застукают.

— Никому нет дела, — фыркнул Иэн. — Все занимаются равнобедренными треугольниками. Так хочешь или нет?

Мими наконец решилась, резко сорвалась с места, отклонилась от флагштока, закрутилась вокруг него, засмеялась, когда ноги оторвались от земли, и взлетела в воздух. Иэн никогда не видал ее более счастливой. По его лицу промелькнула улыбка, очень редкая. Когда она опустилась на землю, он снова поцеловал ее, на этот раз нежнее. Они отскочили друг от друга как раз в тот момент, когда Ди с Бланкой появились на крыльце, чтобы снять флаг. Ди скорчила смешную рожицу, она, конечно, удивилась, застав их вместе, но заметила ли она их поцелуй, Иэн не понял. Да и какое это имело значение.

— Опоздали вы, девочки, — объявил он и прошествовал с флагом под мышкой. Мими по-

следовала за ним, лицо у нее пылало.

Из-за поцелуев и полетов флаг, к несчастью, успел намокнуть, а ведь Иэн отпрашивался именно для того, чтобы это предотвратить. Мисс Лоуд пощупала свернутую треугольником тряпку, которую он положил на стол, и нахмурилась.

— А этот треугольник равнобедренный, мисс Лоуд? — спросил Иэн в надежде отвлечь ее.

— О! — Учительница прищурилась, глядя на флаг. — Не знаю. Дженнифер, отнеси флаг в класс мистера Брабанта.

— Я могу оставить флаг у себя, — предложил Иэн. — Подниму, когда закончится дождь, и сниму после уроков.

— Я бы предпочла, чтобы за флаг по-прежнему отвечал класс мистера Брабанта. А сейчас, Иэн, садись на место. Хватит беспорядков на сегодня.

Иэн проклинал себя за то, что потерял время, катаясь на веревке. Этот необдуманный порыв лишил его шанса заполучить новую привилегию — хотя он и предполагал, что мисс Лоуд в любом случае побоялась бы идти против мистера Брабанта.

Послышался первый звонок, и Иэн схватился за поручни, чтобы остановить карусель. Одного из мальчиков, которые крутились на ней, похоже,

тошнило. Иэн усмехнулся и снова раскрутил карусель.

— Десять центов за остановку, — обратился он к мальчику, тот беспомощно кивнул. Иэн уперся ногой в землю, и карусель резко остановилась.

Радуясь тому, что наконец-то отделались от Иэна, четвероклассники бросились к школе, чтобы занять место в шеренге у входа. Только один несчастный остался стоять перед Иэном, с опущенными плечами и поникшей головой.

— Гони деньги, — сказал Иэн.

Мальчик поежился, не поднимая глаз.

— У меня нет.

— Раньше надо было думать, когда сидел на карусели. — Иэн подступил вплотную к нему. — Залезай обратно. Буду крутить тебя, пока тебе не станет плохо.

— Я… я завтра заплачу. Честно.

— Завтра не годится. Надо сегодня. Чего там у тебя есть? Конфеты?

Мальчик в знак отрицания мотнул головой.

— Бейсбольные карточки?

Тот снова отрицательно потряс головой.

— Ну хоть что-нибудь есть?

Опять то же самое.

Иэн порылся в своей мысленной картотеке,

которую собрал, всматриваясь и вслушиваясь во все, что происходит вокруг.

— У тебя есть «хот вилс»[9], гони красный «камаро».

Иэн угадал, мальчик начал шарить по карманам.

— Вот, у меня есть пять центов. Я тебе отдам их сейчас, а остальное завтра или после обеда. Я могу сбегать домой в обед и взять еще пять центов.

Но Иэн уже направлялся к холщовой сумке для учебников, которую мальчик повесил на забор несколько минут назад, когда катание на карусели казалось невинным развлечением перед уроками. Иэн вытащил низкую спортивную машинку с огромными колесами, которая как раз уместилась на ладони. Она даже блестела, как новенькая, — видимо, совсем недавнее приобретение. Когда Иэн клал машинку в карман, то услышал, как мальчик пробормотал ему в спину:

— Болван.

Иэн достал машинку из кармана, бросил на землю и наступил на нее. Колеса отскочили, дверцы хрустнули, крыша вмялась, краска с капота

---

[9] Примечания: 9

Набор-конструктор для игры в гонки, куда входят машинки и детали трассы.

осыпалась.

— Опачки, — сказал Иэн и пошел прочь.

Через минуту он уже бранил себя за то, что поддался вспышке гнева и уничтожил зазря хорошую вещь, как будто ему не случалось слышать в свой адрес словечки и похлеще. Зато какое наслаждение было видеть это выражение на лице малыша — которому поплохело куда больше, чем на карусели.

В течение всего разговора Иэн не выпускал из вида новичка, который топтался в конце двора. Теперь Иэн свернул и направился прямиком к новенькому. К черненькому. Он был очень черный. Во время одной из своих информационных разведок Иэн узнал, что в шестой класс скоро придет новый ученик, но он упустил столь важную деталь, как цвет кожи. Иэн внутренне содрогнулся, когда подошел ближе и разглядел черную кожу, черные глаза, капельки пота, поблескивающие в коротко подстриженных, прилегающих к черепу волосах. «*Будь начеку*, — подумал он, — *держи друзей близко, а врагов еще ближе*». Эти слова любил повторять его отец.

— Когда звенит звонок, все должны построиться, — сказал Иэн. — Вон там. Ты будешь в классе мистера Брабанта.

— Спасибо. — Новенький кивнул.

От того, как новенький произнес это единственное слово — решительно, даже самоуверенно, с иностранным акцентом, от того, как он шел, чтобы встать в строй — словно этот двор знаком и принадлежит ему, уже только от этого у Иэна кишки свело в приступе ярости.

— Черт!

Это Род подкрался, как дворняжка. Маленький и юркий, с темными патлами до плеч. Стоило ему попсиховать, и щеки у него становились пунцовые. Как сейчас.

— Черт, что тут за херня вообще?

Закадычный друг Иэна вечно чертыхался и сквернословил, очевидно полагая, что это делает его круче. Сам Иэн никогда не сквернословил. Отец с помощью ремня давно объяснил ему, что сквернословить — исключительно отцовская прерогатива.

Иэн терпел Рода уже много лет, но ни в коей мере не считал своим другом, хотя слышал, что Род называет себя его лучшим другом, как принято у девчонок. Для Иэна Род был всего лишь подручным, он помогал поддерживать власть во дворе и стоял на стреме, пока Иэн устраивал пари, вымогал деньги у малышей или мучил их

забавы ради. Участь у Рода была самая незавидная, хозяин презирал его не меньше, чем другие. Род был слабый, жалкий, вечно ноющий. Вот и сейчас он ныл:

— Нет, ты только глянь, а? Разговаривает с ним. Нет, я бы ни за что не стал ходить с такой!

Ди, подруга Мими, встала на построении позади черного мальчика и сейчас разговаривала с ним. Иэн смотрел на них, потрясенный дерзостью Ди. Когда она отдала скакалки мальчику и они чему-то рассмеялись, Иэн даже нахмурился.

— Не нравится мне это, — буркнул он.

Ну ничего, он этим еще займется.

* * *

Мими равномерно крутила скакалку, и та ритмично постукивала о землю. Мими ощущала, как школьный двор вокруг нее пульсирует жизнью. Рядом две девочки ссорились из-за того, что классики нарисованы криво. Трое мальчиков бежали наперегонки вдоль двора, один сильно отстал перед финишем. Какая-то девочка сидела на крыльце, читала книгу. Несколько мальчиков выстроились в ряд по ту сторону школы, чтобы учителя не видели, и состязались, кто дальше пописает через решетку на дорожку за оградой.

Три девочки склонились над комиксами про Арчи и смеялись. Мальчик бросался песком из песочницы под деревьями.

Внимание Мими в этой сумятице притягивали два центра, настолько разные, что взаимно погашали друг друга. Иэн, который мучил четвероклассников на карусели. Мими знала, чем все закончится. Сама она тоже вроде как на карусели, только не знает, спрыгнуть или нет. Когда три дня назад она раскачивалась на веревке у флагштока, ей было и радостно, и страшно, как на качелях, когда взлетишь слишком высоко и запрокинешь голову назад, а глаза откроешь пошире, чтобы, падая, лучше видеть, и голова кружилась сильнее. С того самого дня она ощущала, что прикована к Иэну, и не могла решить, хочет освободиться от него или нет.

Другим центром притяжения, полностью противоположным раскрученной карусели с мальчиками, которые рисковали в любой момент вылететь из нее, был новенький. *Чернокожий* мальчик — цвет его кожи имел значение — стоял совершенно неподвижно и привлекал к себе внимание своей неподвижностью. Окажись Мими на месте новенького, она бы постоянно бродила по двору, пыталась смешаться с толпой, чтобы

оставаться незамеченной и не превратиться в легкую мишень. Хотя Мими никогда не доводилось бывать новенькой в классе, но и своей в доску она не была. Она — лучшая подруга Ди, а теперь еще и подружка Иэна, и, казалось бы, эти отношения должны придать устойчивость ее положению, но ничего подобного. У нее было такое чувство, что она дрейфует без якоря по просторам школьного двора.

Вращение и неподвижность. Движение и покой. Белое и черное. Если раньше двор был разбалансирован, то с появлением этого нового элемента он приобрел странное равновесие. Мими потрясла головой, чтобы мысли прояснились.

В этот момент рука у нее дрогнула, конец скакалки провис, и прыгавшая девочка-пятиклассница споткнулась, стала возмущаться, но Мими взглядом заставила ее замолчать. Мими понимала, что пятиклассница выбыла по ее вине, но не хотела признаваться, извиняться или объясняться, потому что ее репутация лучшей «вращательницы» скакалки пострадала бы. Девочка, которая лучше всех вращает скакалку и которая способна чувствовать. Нужно удержать эти звания за собой во что бы то ни стало, потому что это все, что у нее есть. Эти два таланта, да еще

Иэн, который на самом деле не подарок.

Пятиклашка отошла в сторону, и Мими пожалела об этом, потому что ее место заняла Бланка, самая симпатичная девочка шестых классов, которая портила себя вульгарной одеждой. Розовая футболка обтягивала так, что проступали все швы на бюстгальтере, короткая джинсовая юбка, бежевые босоножки на платформе, на черных волосах красный берет с наклеенными блестящими камушками розового цвета, на запястье полдюжины золотистых браслетов, они позванивали, когда Бланка прыгала. И прыгала, и прыгала. Бланка была лучшей прыгуньей, как Мими лучшей вращательницей. Они могли довести друг друга до полного одурения.

Мими позволяла ей прыгать, поддерживала ритм, а пока та прыгала, сама наблюдала за тем, как внимание двора постепенно переключается на чужака. Никто, в общем, не прекращал своих занятий, ну разве что на минутку где-то возникла пауза в догонялках, где-то задержка перед тем, как обратно бросить пойманный мяч, а где-то заминка посреди разговора. Потом догонялки, вышибалы, болтовня возобновились, но теперь уже краем глаза или уха все следили за новеньким. Мими чувствовала по настроению во дворе,

по состоянию его обитателей, что струны, до этого беспорядочно перепутанные, стали натягиваться и сходиться к одной точке. *Как он только умудряется выдерживать такое внимание*? — думала она.

Между этими струнами двигалась Ди, ее белокурые волосы были туго стянуты в косички, которые заплетала ей мама, убежденная, что девочку необходимо как можно дольше держать в ежовых рукавицах. Ди подошла сказать, что пора заканчивать, нужно собрать скакалки и встать в строй, рядом с новеньким. Ди могла думать только о новеньком. Мими сразу это почувствовала. Она часто угадывала.

Мими не ошиблась: Ди всего лишь мельком взглянула на них с Бланкой, перед тем как занять место рядом с новичком. Мими встала в свою шеренгу напротив, откуда хочешь не хочешь было видно Ди и мальчика. Все смотрели на них. Напряженное любопытство окружило этих двоих пульсирующим ореолом, вроде той пелены, которая дрожит перед глазами Мими, когда начинается приступ головной боли. Если честно, и сейчас в голове возникло это звенящее, сверлящее ощущение, которое предваряет головную боль, наподобие напряжения, что сгущается в

воздухе перед грозой.

Потом Ди отдала мальчику бесценные общественные скакалки, и они расхохотались, запрокинув головы, как будто вокруг никого, только они вдвоем, и больше никого для них не существует. Это было настолько поразительно — человек хохочет в первые пять минут своего пребывания в новой школе, — что Мими невольно рассмеялась тоже, от удивления, из симпатии, в подражание. И она была не одна такая — другие тоже заразились этим смехом, улыбались или даже смеялись, не в силах удержаться.

Только не Иэн. Ее парень — именно так все называли его с тех пор, как они с Мими стали парочкой, — стоял с краю и пристально глядел на Ди и на новенького с такой злобной гримасой на лице, что радость Мими сразу улетучилась.

«Я не могу больше ходить с ним, — подумала она. — *Я не могу ходить с человеком, у которого от чужого смеха делается такое лицо»*. На мгновение Мими вспомнила чувство полета у флагштока и как Иэн врывался в нее своим языком, впечатывался бедрами, она даже не подозревала, что такое ей может понравиться, и удивилась, когда ее тело откликнулось, будто в нем зажгли свет. Но она не хочет, чтобы этот свет

зажигал такой человек, как Иэн.

Она задумалась, когда лучше сообщить ему, что между ними все кончено. Может, после уроков, тогда можно сразу убежать домой, а там притвориться, что у нее приступ головной боли вроде тех, которые и правда случаются, и не пойти завтра в школу. Завтра пятница, потом выходные, и есть вероятность, что злость Иэна за три дня поутихнет. До конца года только месяц учебы, нужно продержаться до лета, летом они не будут видеться, а потом новая школа, и там он до нее не доберется.

После составления плана ей полегчало — если не считать укола ревности, когда она смотрела, как Ди с новым мальчиком идут вместе к школе, и походка у них такая, какая обычно бывает у друзей и парочек, которые даже шагают в ногу.

Да, ей стало легче. И все же перед глазами промелькнула вспышка, а железные тиски начали сдавливать голову. Они не отпустят, покуда не расплющат череп, и она поддастся боли, как испытанию, которое нужно пройти, чтобы выйти на свет, на свободу.

* * *

Осей окинул школьный двор наметанным взглядом. У него за плечами был опыт знакомства с тремя школьными дворами, и он знал, как их изучать. Каждая площадка состоит из одинаковых элементов: качели, горка, карусели, брусья, конструкция для лазания вроде «джунглей». Асфальт расчерчен для игры в мяч и вышибалы. В конце баскетбольная корзина. Свободное место для игры в классики и для прыжков через скакалку. Эта площадка отличалась двумя особенностями: пиратский корабль с мачтами и реями, по которым можно карабкаться, и песочница, окруженная деревьями.

Ну, и, конечно, дети, которые везде ведут себя одинаково. Мальчишки беспорядочно носятся туда-сюда, выплескивают энергию, которая иначе не даст им спокойно сидеть на уроках, или играют с мячом, непременно с мячом. Девочки, те прыгают в классики или через скакалку. Одиночки читают в сторонке или сидят на верхушке брусьев, пристраиваются в уголке или жмутся поближе к учителям, где безопасно. Задиры патрулируют и контролируют территорию. И в довершение картины он сам, новенький,

который стоит неподвижно посреди этих протоптанных тропинок и тоже играет свою роль.

Всматриваясь в ребят, он преследовал собственную цель: найти союзника. Человека, не похожего на остальных, говоря точнее. Еще одно черное лицо, а если такого не окажется, то хотя бы коричневое или, может, желтое. Пуэрториканец. Китаец. Араб. Кто-нибудь, не похожий на бело-розовых американцев из предместья. Но нет никого. Такие редко встречаются. А если встречаются, от них обычно мало проку. В Лондоне была одна чернокожая девочка на всю школу, родом с Ямайки, так она даже смотреть в его сторону боялась, держалась от него как можно дальше, словно они отталкивающиеся магниты. Она дорожила своим шатким благополучием и не желала присоединяться к его борьбе за место под солнцем. В нью-йоркской школе учились два китайца-близнеца, они, когда их задирали, пускали в ход приемы кунг-фу, в результате — противники в синяках, зрители в восторге. Они тоже держались на расстоянии от Осея.

Со временем Осей научился скрывать, что думает и чувствует в шкуре новенького. Дипломат у них в семье — отец, но Осей тоже своего рода дипломат, он оттачивал навыки в каждой новой

школе. Когда отец возвращался домой с новой работы и за ужином рассказывал жене и детям обо всех незнакомых людях, с которыми имел дело, о том, что не мог понять, где припарковать машину или где находится туалет, Осей мог бы заметить: «Мне не легче». Когда отец пожаловался, что все время забывает имя новой секретарши и поэтому обращается ко всем просто «мисс», Оу мог бы поделиться недавним открытием: оказывается, в викторианской Англии хозяева звали всех служанок Абигейль, чтобы не утруждать себя запоминанием их настоящих имен. Оу мог бы поведать, что тоже лихорадочно перебирает в голове имена, чтобы правильно обратиться к учителю перед классом, потому что, если сказать просто «мисс» или «сэр», ответом будут высоко поднятые брови, а класс рассмеется, и положение Осея станет еще хуже. Оу тоже каждый раз приходит на новую работу, его работа — быть новеньким, приспосабливаться — или нет, как получится. Но ничего этого Оу не говорил. Его научили уважать старших — а это значит не задавать вопросов и не вмешиваться в разговор. Если отца заинтересует, как прошел день у сына, он спросит. А поскольку отец не спрашивал, Оу помалкивал.

Сегодня состоялась очередная встреча с новым школьным двором, в котором множество глаз присматриваются к нему, с новой ватагой мальчишек, которые оценивают его. Очередной звонок, который трезвонит так, что и мертвый услышит, очередной учитель, который стоит во главе шеренги и меряет его напряженным взглядом. Все это он уже проходил, все было как обычно. Кроме нее.

Осей ощутил ее присутствие спиной, как огонь, вспыхнувший за плечами. Он обернулся, и она опустила взгляд. До этого она смотрела на его голову. Оу уже перехватывал взгляды других ребят. Похоже, самое лучшее в нем — форма черепа, он округлый и симметричный, без выступов и вмятин. Мама любила напоминать ему, что он появился на свет в результате кесарева сечения, поэтому нежная черепная кость не деформировалась при родах. «Перестань!» — обычно восклицал он, не в силах представить эту картину.

Когда Ди — как здорово, что ее тоже можно называть именем буквы — подняла глаза, огонь перекинулся на него, захватил всего. Глаза у нее золотисто-карие: как прозрачный кленовый сироп. Не голубые, которые так часто встречаются

на школьных дворах, голубые глаза у потомков англичан, шотландцев, ирландцев. Голубые глаза у немцев и скандинавов. Голубые глаза у выходцев из Северной Европы, которые переселились в Северную Америку, индейцев с карими глазами завоевали, а африканцев с черными глазами завезли, чтобы делали черную работу. Оу смотрел на нее черными глазами, а она в ответ — карими, как у средиземноморских народов, испанцев, итальянцев или греков.

Она была прекрасна — это слово обычно не используют, когда речь идет об одиннадцатилетней девочке. Чаще говорят «милая» или «хорошенькая». «Прекрасная» предъявляет слишком высокие требования, которым ребенок, как правило, не соответствует. Но Ди была именно прекрасна. Лицо как у кошки, его строение определял костяк — скулы, виски, челюсть, все линии четкие, как в оригами, хотя у большинства девочек в этом возрасте лицо напоминает мягкую подушку. Белокурые волосы заплетены во французские косы, которые веревками сбегают по спине. Оу уловил запах ее шампуня, цветочный, с резкой примесью розмарина. Это был «Хербал эссенс», шампунь, который нравился его сестре Сиси тоже, но не годился для ее африканских волос, потому что

содержал недостаточно масел. Она расстроилась из-за этого, и еще из-за этикетки, на которой блондинку с белой кожей и длинными волосами окружали розовые цветы и зеленые листья. Но все равно купила бутылку, просто чтобы нюхать.

Красота этой девочки, которая стояла позади него, была не только внешней. Ему казалось, что девочку изнутри подсвечивает то, что у детей отсутствует или прячется очень глубоко — душа. Он подумал, что не найдется ни одного человека, способного ненавидеть ее, а это большая редкость в нашем мире. Она явилась, чтобы сделать мир лучше. И она уже сделала этот мир лучше для него: заговорила с ним, посмеялась вместе, признала его. И не важно, что другие школьники глядели на них во все глаза и потешались. Оу смотрел только на Ди и не обращал внимания на других.

Когда они шли в его новый класс, Осей решил, что Ди можно попросить о помощи, дело было пустяковое, но крайне тревожило его — а казалось бы, мелочь, по сравнению с тем важнейшим и непреодолимым обстоятельством, что он единственный чернокожий в школе, где учатся только белые.

— Скажи, пожалуйста, у тебя есть пенал? —

спросил он.

Ди посмотрела озадаченно:

— Да, в парте. А что? У тебя нету?

— У меня есть, но…

Он зажал скакалки под мышкой и расстегнул свой портфель, ничем, слава богу, не выделяющийся темно-синий рюкзак, который сопровождал его из школы в школу, не привлекая внимания. Чего нельзя было сказать о пенале, который он показал Ди, вытащив из рюкзака только краешек, чтобы никто больше не увидел. Прямоугольная коробка из розовой пластмассы, усеянная красными пупырчатыми ягодами клубники, которые выступали над розовой поверхностью, как огромная азбука Брайля. Оу не смог найти свой пенал, потому что ящики с вещами не успели разобрать после переезда, и мать настояла, чтобы он взял пенал с клубниками, который носила Сиси, пока не выросла. Когда Оу спросил мать, почему она решила, что мальчику подходит розовый пенал с клубничками, она моргнула и ответила: «Осей, школьнику нужно куда-то класть ручки. Не могу же я допустить, чтобы мой сын пошел в школу без ручек».

Он не смел спорить с матерью и не смел сопротивляться, когда она собственноручно положила

в рюкзак пенал, а также носовой платок, которым он точно не воспользуется, бутерброд, который он вряд ли съест, и банку кока-колы, которую, скорее всего, в школе не разрешат выпить. В рюкзаке не было ничего полезного, и все же он перекинул его через плечо и пошел с ним в школу. Ему не удалось припрятать пенал по дороге, как он надеялся, потому что мать провожала его до самых ворот, несмотря на все мольбы отпустить одного. Спасибо уж и за то, что не вошла с ним в школьный двор, хотя за оградой стоять осталась и смотрела, пока он не скрылся в здании школы. Больше никто из родителей так себя не вел — в шестом классе уж точно.

Глаза у Ди полезли на лоб при виде розового чуда. Она не выхватила его из портфеля, не стала размахивать им в воздухе, выставляя Осея на смех перед всеми. Она наклонилась и коснулась пальцем одной из ягод, провела по ее выпуклой поверхности и обвела ее контуры в точности, как делала Сиси — та задумчиво поглаживала ягоды, пока учила уроки за столом на кухне. Это было до того, как она стала уносить домашнее задание в свою комнату, закрывать за собой дверь и включать радио. Сейчас Осей не знал, где она делает уроки — и делает ли их вообще.

— Это пенал моей сестры, — объяснил он. — Но он ей больше не нужен. Она перешла в старшую школу. Десятый класс. Они не носят пеналов. Я не смог найти свой, вот и пришлось взять этот.

Он замолчал, задумался о сестре. Сиси всегда подставляла ему плечо, когда они были младше, защищала, когда они учились в одной школе, выслушивала его жалобы на выходки одноклассников, уверяла, что будет легче, когда он подрастет. Они условились между собой ничего не рассказывать родителям и выручать друг друга, когда приходилось врать — куда исчез портфель, отчего рубашка залита чернилами или губы разбиты в кровь, а однажды у Сиси выстригли прядь волос, заплетенных в дреды. (Тогда Осею пришлось взять вину на себя, и отец его выпорол. Осей даже не пикнул.)

Но Сиси перешла на старшую ступень, теперь они учились в разных школах, и она стала отдаляться от брата и родителей. Вместо того чтобы после уроков валять дурака с Осеем, она запиралась у себя в комнате и часами висела на телефоне, вела тупые разговоры с подружками, хотя провела с ними целый день в школе и только что рассталась.

Оу знал, что разговоры у них тупые, потому

что иногда подслушивал по параллельному телефону, пока не надоедала болтовня про телевизионные шоу и парней из школы, про то, кто в кого втрескался, и про шмотки, которые хочется купить. За обедом Сиси отвечала на вопросы родителей так, чтобы не рассердить их, а больше старалась держать язык за зубами — в принципе самая безопасная линия поведения, учитывая характер отца.

Сиси третировала Осея, глядя сверху вниз, как это прекрасно умеют девочки-подростки. Его это ранило. Он перестал рассказывать ей, что происходит в школе, сам выпутывался из разных историй — в Риме ему порвали рубашку, а в Нью-Йорке так толкнули, что он ободрал все коленки. Не делился он и тем хорошим, что иногда случалось: стоя на воротах, он не пропустил ни одного мяча, или как-то с ним заговорила девочка, а то учитель вдруг похвалил за доклад про «Миссис Фрисби и крысы из НИПЗ»[10]. Осей полагал, что все это Сиси больше не интересно. И читала она не «Египетские игры», или «Ветер в ивах», или «Складку времени», а книжки для подростков

[10] Примечания: 10

Книга «Миссис Фрисби и крысы из НИПЗ» написана в 1971 году американским писателем Робертом О'Брайеном (1918–1973). По ней в 1982 году снят анимационный фильм об антропоморфных крысах.

— вроде «Спросите Алису» или про жизнь чернокожих — «Невидимку» Ральфа Эллисона, «И пришло разрушение» Чинуа Ачебе или «Я знаю, почему поет птичка в клетке» Майи Анджелу.

Мать философски относилась к изменениям, которые происходили с Сиси: «Осей, твоя сестра взрослеет, — успокаивала она сына. — Ей не хочется, чтобы сейчас возле нее крутился маленький брат. Но поверь, она по-прежнему любит тебя. Когда станет старше, она сумеет тебе это показать. Наберись терпения и жди, она вернется».

На второй год их жизни в Нью-Йорке, когда Сиси исполнилось пятнадцать лет, она еще больше отдалилась вплоть до того, что ему приходилось напоминать себе, что у него есть сестра. Она побросала одну за другой своих белых подружек и в результате осталась в одиночестве, потому что в школе учились сплошь одни белые. Она завела дружбу с чернокожими ребятами, с которыми познакомилась невесть где, подражала американскому акценту, пересыпала речь жаргоном. Стала говорить «ништяк!». Говорила «ну ты борзый», чтобы выразить неодобрение. В тот день, когда она назвала белых «хонки»[11] — правда,

[11] Примечания: 11

Презрительное наименование, которым чернокожие люди обозначают белых.

все же за спиной у родителей, — Осей понял, что их пути окончательно разошлись.

Этот бунт рассерженной черной девочки продолжался месяц или два, потом он стал принимать более изощренные формы, но они пугали Осея не меньше. Отбросив американский сленг, она перешла на певучий ганский акцент, который они с Осеем усвоили с раннего детства. Стала носить яркие балахоны из ткани кенте — к великой радости матери. Однако радости у миссис Кокоте сильно поубавилось, когда Сиси ради прически в стиле афро так отрастила волосы, что голова клонилась под их тяжестью. Когда мать распекала ее, Сиси смеялась и обнимала мать: «*Маама*, ты должна радоваться, что я позволяю волосам расти свободно, как задумал для африканцев бог».

Она стала чаще отлучаться после школы и по выходным. Осей пошпионил за ней и убедился, что она врет родителем насчет того, куда идет и с кем. Однажды он преследовал ее до Центрального парка, где она встречалась с другими чернокожими подростками, которых Осей не знал. Все были одеты, как Сиси, кто в дашики, кто в балахонах из кенте, у всех на голове огромные афро. Он стоял далеко и не слышал, о чем они говорят, но,

насколько мог судить по подслушанным раньше телефонным разговорам, все они были американцами, которые выбрали себе новые африканские имена: Вакуна, Малайка или Ашанти, они поминали в разговорах Малькольма Икса, Маркуса Гарвея, «Черных пантер», лозунги вроде «Власть — черным»[12] или «Черное прекрасно»[13] и еще использовали выражения, которых он не понимал: «превосходство белых», «панафриканизм», «встроенный расизм». Осей видел, как Сиси поднимает кулак в приветствии «власть — черным», когда кто-нибудь приходил или уходил. Этот жест был ему знаком по плакату, который она повесила у себя в комнате: спортсмены Томми Смит и Джон Карлос с поднятыми кулаками на Олимпийских играх 1968 года в Мехико. Осей расстроился. Сиси пятнадцать лет — не слишком ли рано идти в революционерки? Он тосковал по тем временам, когда они были близки, вдвоем играли в карты или разучивали танцы из «Соул трэйн».

---

[12] Примечания: 12

Лозунг негритянского движения в США, требующего большего участия черного населения в политической и культурной жизни страны.

[13] Примечания: 13

Лозунг движения в защиту гражданских прав негров. Широко использовался афроамериканцами радикальных направлений и был подхвачен прессой. Выражение, видимо, заимствовано из Ветхого Завета. В Песни Песней царя Соломона, Псалом I, 4, говорится: «Черна я, но красива».

Он тосковал даже по ее мрачному подростковому молчанию. Лишь бы не слышать этих новых разговоров про угнетателей и угнетенных.

В тот день Оу покинул Центральный парк, не выдав себя. Он ничего не сказал Сиси. Не рассказал и родителям, чем занимается сестра. Мистер и миссис Кокоте пребывали в счастливом неведении относительно новых увлечений дочери.

В свое время, перед переездом в Вашингтон, мать заставила Осея сходить в парикмахерскую, и он лишился своего афро. Он гордился прической, носил с собой в заднем кармане брюк гребень повсюду, куда бы ни пошел, чтобы при случае причесаться и держать голову в порядке. Обычно Осей не спорил с родителями, но против стрижки он возражал отчаянно. «Ну почему?» — вопрошал он.

— В этом доме придают слишком много значения волосам, — с намеком обронила мать. — Так будет лучше для первого знакомства.

Оу продолжал возражать, и тогда вмешался отец.

— Сын, делай, как велит мать, и не задавай вопросов, почему она так решила. Она знает, что говорит.

Эти слова положили конец спору и его при-

ческе.

— Бедный братик, — сказала Сиси, когда увидела его после парикмахерской, и усмехнулась:

— Ты похож на стриженую овцу.

Ее собственная афроприческа осталась в целости и сохранности.

Когда Осей вошел в класс вместе с Ди, учитель оттолкнул другого школьника, и у них не оставалось иного выбора, как сесть за одну парту. Парты были расставлены по четыре, квадратом. Это решение учителя, похоже, удивило всех, потому что Оу услышал, как по классу пробежал шепот, но затих, когда учитель прочистил горло и заговорил.

— У тебя есть ручки, карандаши, линейка и резинка? — спросил он у новенького.

Осей застыл, не желая вынимать розово-клубничный пенал, потому что ясно предвидел, какая травля тут начнется, но понятия не имел, как ему поступить. Зато Ди быстро сообразила.

Засунув руку в парту, она достала свой пенал, положила себе на колени и незаметно под столом передала Осею.

— Да, мистер…

— Мистер Брабант, — шепотом подсказала Ди.

— Мистер Брабант. — Осей протянул пенал.

Пенал был белый — сам Оу не выбрал бы этот цвет — но хотя бы не розовый, что уже хорошо. На крышке Снупи, пес из комиксов про Чарли Брауна, он сидел на своей красной будке за пишущей машинкой. Снупи Осея вполне устраивал, он любил его больше, чем несчастного Чарли Брауна или зазнайку Люси. Разумный Линус тоже сгодился бы или Шредер, который играл на пианино. Но Снупи даже предпочтительней всех: как-никак не белый, шерстка в черных пятнах.

В другом конце класса одна девочка — очень хорошенькая, но изуродованная нелепой попыткой принарядиться — широко открыла рот, сразу узнав пенал своей подруги Ди.

Однако мистер Брабант был не из тех учителей, которые помнят, какой пенал у кого из учеников. Он просто кивнул и начал перекличку. Фамилия у Ди была Бенедетти. Оу не ошибся — итальянка. У остальных были обычные американские фамилии: Купер, Браун, Смит, Тейлор. Эмигрантских фамилий встречалось тоже немало: Фернандес, Коревски, Гансен, О'Коннор. Однако даже на фоне этого разнообразия его имя — Осей Кокоте, поставленное учителем в конец списка, — звучало необычно.

Когда учитель отвернулся, Осей вытряхнул в

парту содержимое своего клубничного пенала, а Ди вернул ее пенал.

— Держи, — прошептал он и положил белый пенал ей на колени.

— О, — выдохнула Ди. — Может, не стоит?

— Стоит.

— Давай сделаем так! — Ди улыбнулась и стала перекладывать свои принадлежности в клубничный пенал. Пустой пенал со Снупи протянула Осею.

— Меняемся, и по рукам!

— Зачем тебе это?

— Я так хочу. Мне он нравится. — Ди сжимала пенал сестры Осея и протягивала ему свой. — Хочу такой.

Осей взял пенал со Снупи. Девочка, которая сидела через проход от Ди, с прямыми волосами мышиного цвета, аккуратно подстриженные пряди которых закрывали ей лоб, в сарафане из шотландки, как завороженная смотрела на их сделку, не в силах скрыть неодобрение. Оу пристально посмотрел на нее, после чего она отвела глаза и покраснела.

— Это Пэтти, — сказала Ди. — А это Дункан.

Она кивнула в сторону коренастого мальчика, который сидел через проход от Осея, он

переглядывался с одноклассниками и с трудом сдерживал смех. Оу смотрел на него, пока тот не почувствовал его взгляд, и когда их глаза встретились, Дункан перестал улыбаться.

Осей сложил свои письменные принадлежности в пенал Ди, хотя сейчас, после обмена, ему было немного жаль расстаться с вещью, которая принадлежала сестре. Клубничный пенал сопровождал их в странствиях по городам и был неотъемлемой частью запечатлевшейся в памяти картины, всегда одинаковой: кухня, стол, Сиси делает уроки. Во время летних каникул сестра брала пенал с собой в Гану, где он становился предметом вожделения дочек повара, с которыми она играла. По идее, пенал должен был перейти к ним, хотя, возможно, они уже выросли и больше не интересуются подобными вещами. Короче, Осей почувствовал, что он лишился частицы семейной истории.

Ди поглаживала пальцами каждую ягоду, как это делала Сиси. Осею было приятно видеть это. И когда она повернула к нему приветливое лицо и улыбнулась ему, тот свет, который он ощутил в ней с первого взгляда, вспыхнул снова.

Часть II. Первая перемена

Оу и Ди сидели позади,
Целовались, обнимались,
Влюбились, поженились,
Детки народились.

Бланка прямиком направилась к Мими, едва та вышла во двор на перемене. Голова у Мими все еще гудела после иксов и игреков, с которыми их знакомила мисс Лоуд этим утром. «В принципе по программе изучение алгебры начинается в восьмом классе, — объявила она. — Но математика седьмого класса содержит некоторые элементы алгебры, и я не хочу, чтобы мои ученики выглядели бледно, когда из нашей школы перейдут в новую. Кроме того, мистер Брабант уже начал давать своему классу уравнения. Вы же не хотите отставать от них».

Мисс Лоуд крайне болезненно относилась к тому, что другой шестой класс, с более опытным учителем и такими способными детьми, как Пэтти, Каспер, Ди, учится лучше, чем ее класс. На это Мими могла бы сказать ей, что в классе ми-

стера Брабанта на каждую Пэтти приходится своя Бланка: Бланка, с ее обтягивающими футболками и губами, красными от леденцов, которые она украдкой сосет во время уроков. От ее дыхания повеяло запахом синтетического вишневого красителя, когда она схватила Мими и закричала:

— Ди отдала свой пенал новенькому — я своими глазами видела!

— Какой? Со Снупи? — Как многие девочки, Мими прекрасно помнила гардероб и содержимое портфеля своих подружек, особенно если это касалось вещей, которые ей самой хотелось: у Бланки туфли в горошек с перепонкой, у Ди кулон с совой, у старшей сестры блестящий красный плащ. Она помнила, у кого коробочка для завтраков с наклейкой «Семья Партриджей»[14], у кого карандаш с ластиком в виде тролля, у кого значок с улыбающейся рожицей. Конечно, она знала, какой пенал у Ди и что на нем нарисован Снупи. Точно так же, как Ди знала, что у Мими пенал в виде сумочки, сшит из старых джинсов, с кармашком снаружи, и в нем Мими хранит

[14] Примечания: 14

«Семья Партриджей» — американский телевизионный музыкальный ситком, который транслировался четыре сезона с 25 сентября 1970-го по 23 марта 1974 года. Члены семьи Партриджей играют вместе как рок-группа и вместе путешествуют по стране.

зеленые спасательные круги «Лайфсэйверс»[15].

— Я глазам своим не поверила! — Бланка положила руку на плечо Мими, словно они были лучшие подруги. Она всегда претендовала на близость, которой другие не чувствовали.

Мими высвободилась из-под руки Бланки.

— А как же Ди будет без пенала?

Бланка пожала плечами.

— Понятия не имею. Они сидят вместе и болтают всю дорогу! Клянусь, они пожимают друг другу руки под партой.

— Ты скакалки принесла?

— Ди принесет. Давай подождем на корабле.

Пиратский корабль был сделан из дерева, в кабину можно залезть, а палуба накренилась, как будто под штормовым ветром. Наверху высокой мачты — перекладина, туда можно забраться либо по реям, либо по веревочной лестнице. Корабль построили в честь миссис Хантер, которая двадцать пять лет проработала директором школы, а несколько лет назад вышла на пенсию. Девочки любили лежать рядышком на наклон-

---

[15] Примечания: 15

«Лайфсэйверс» — товарный знак леденцов в виде миниатюрных спасательных кругов производства компании «Плантерс-Лайфсэйверс». Один из рекламных лозунгов: «Без спасательного круга — никуда» Выпускаются с 1912 года.

ной палубе, задрав ноги на крышу кабины, и соревноваться, у кого получится надуть самый большой пузырь из жвачки. В классе жевать жвачку запрещалось, поэтому все дожидались перемены, тогда залезали на корабль и набивали рты кусочками «Биг Бадди», розовыми, красными и малиновыми. Только Мими не могла себе этого позволить, потому что жвачка застревала в брэкетах.

Двое четвероклашек карабкались по реям, но, едва завидев Мими и Бланку, спрыгнули. Мими вздохнула, устроившись на палубе.

— В следующем году мы будем самыми младшими во дворе, — сказала она, закрыла глаза и подставила лицо солнцу. — Да в том дворе и заняться-то нечем. У старших классов ни качелей, ни горки, ни корабля. Уверена, у них даже и скакалок-то нет.

— Это точно. Но я все равно хочу перейти туда. — Бланка закинула в рот жвачку и вытянула длинные голые ноги. — Меня уже тошнит от этой школы. Мне нужны новые люди.

Мими улыбнулась, глаза оставались закрытыми.

— Новые мальчики, хочешь сказать.

— Это *Ди* нужен новый мальчик. Лично я не

уверена, что мне он нужен. — Бланка сказала таким тоном, словно пожелай она — и сразу заполучила бы его.

— Почему же? Ты ведь его совсем не знаешь.

— Ну, не знаю… но все-таки странно это…

Мими открыла глаза и посмотрела на Бланку.

— Что странно? — Ее позабавило смущение Бланки.

— Ну, например, какие у него волосы на ощупь? Может, жирные — или как?

Мими пожала плечами.

— Какая разница? Ты, что ли, трогаешь волосы Каспера?

Бланка весь год то ссорилась, то мирилась с Каспером. Мими не знала, в какой стадии их отношения находятся сейчас. Все зависит от того, насколько сильно Бланка успела допечь Каспера своим вниманием. Хотя, когда между ними воцарялся мир, было видно, что они симпатизируют друг другу куда больше, чем все прочие «парочки» в их школе, которые пытаются ходить вместе. Несомненно, их отношения были более настоящими, чем у Мими с Иэном.

— Нет, все же он не такой. — Бланка выдувала розовый пузырь, пока он не лопнул на ее пухлых губах.

— Может, он считает *тебя* не такой.

— Я очень даже такая! Сама ты не такая!

Их перепалка могла бы разгореться, но тут подошла Ди, и внимание переключилось на нее.

— Где скакалки? — спросила Бланка.

— Ой, а я забыла. — Вид у Ди был отсутствующий, как будто со сна.

Бланка рассмеялась:

— Надо же, забыла! Кое-кто влюбииииился!

Мими посмотрела в сторону участка с ровным асфальтом, который предназначался для любительниц скакалки. Там было занято, две троицы просто прыгали через скакалку, и еще трое затеяли дабл-датч[16]. Две компании из трех состояли из пятиклашек, их не стоило труда прогнать, была бы охота. Но Ди расположилась на корабле, а ни Мими, ни Бланка не горели желанием идти в класс за скакалками.

— Простите, что задержалась, — сказала Ди. — Я показывала Осею, где туалет для мальчиков.

— Осею? — переспросила Мими.

— Новенькому. Он сказал, что его можно звать Оу. Я сегодня помогаю ему. Хотя на самом деле он не очень в этом нуждается — привык менять

---

[16] Примечания: 16

Игра, при которой две длинные скакалки вращают в противоположных направлениях, чтобы они ритмично перекрещивались.

школы. За шесть лет поучился в трех разных школах.

— Какой он?

— Очень славный. Честное слово. И умный. Он из Ганы, между прочим. Я не сразу разобралась. Вы слышали, какой у него акцент? Правда, здорово? Я готова его слушать целый день.

Влюбилась не на шутку, — подумала Мими.

— Как его занесло к нам, в округ Колумбия?

— Отец дипломат, получил назначение в посольство.

— А чего его вдруг сейчас-то в школу послали? Учебный год кончается через месяц. Зачем идти в новую школу на месяц, вся эта морока, если в сентябре все начинать сначала в другой школе?

— Он сказал, так решили родители: нужно поучиться здесь хоть несколько недель и познакомиться с ребятами, ведь с кем-то он пойдет на следующую ступень.

— Глупость какая, — перебила Бланка. — Кому понравится быть новеньким два раза подряд?

Но она уже потеряла интерес к разговору, ее глаза следили за Каспером, который с большим красным мячом проходил мимо корабля.

— Каспер, не хочешь к нам?

Каспер улыбнулся им, обаятельная улыбка, вол-

нистые волосы длиной до плеч, небесно-голубые глаза — все это делало его намного привлекательнее прочих мальчиков во дворе.

— Не могу, мы играем в кикбол[17]. Увидимся позже.

— Желаю победы твоей команде!

Мими посмотрела на Ди, она хотела обменяться с ней многозначительными взглядами по поводу того, как глупо ведет себя Бланка. Но Ди смотрела в другую сторону, на крыльцо школы.

— Надеюсь, Осей не заблудится. А то поздно выйдет и не поиграет в кикбол.

Мими скорчила гримасу. Теперь все, что Ди говорит и делает, будет связано с новеньким, она будет поминать его при каждом случае, чтобы лишний раз произнести его имя, насладиться особым звучанием, к которому все остальные равнодушны. Это тоже часть удовольствия, недоступного другим. Даже Мими ненадолго попалась на эту удочку и после событий у флагштока произносила имя Иэна чаще обычного.

Появился Оу, и, проходя мимо корабля, он, как в замедленной съемке, повернул голову и улыбнулся Ди, будто она единственная девочка

---

[17] Примечания: 17

Неформальная игра, которая сочетает элементы бейсбола и американского футбола.

во дворе. У Мими возникло острое чувство своей ненужности, словно она стоит за оградой прекрасного сада, откуда ее изгнали. Ей захотелось зашипеть по-кошачьи. *Я должна относиться к нему хорошо*, — увещевала она себя. — *Ди ведь моя подруга, даже если теперь она станет проводить все время с ним*.

Мими перевела взгляд на мальчиков, которые роились, как пчелы, вокруг Иэна и Каспера в углу двора. Кикбол — одна из немногих игр, в которые играли и мальчики, и девочки, но существовало неписаное правило, его железно соблюдали. Утренняя перемена — время, когда играли только мальчики, а днем могли участвовать и девочки.

— Готова спорить, Иэн позовет Оу в свою команду, — сказала Мими.

Произнося имя Иэна, она не испытала того наслаждения, которое явно получала Ди, когда произносила имя новенького. Мими с Иэном ходили вместе всего три дня, а Мими уже решила, что с ним нужно порвать. Засосало под ложечкой, когда она вспомнила про свое намерение объясниться с ним после уроков. Он из тех людей, которые не прощают обиды, такие способны годами ждать случая, чтобы отомстить. Она вдруг засомневалась, что у нее хватит духу поговорить

с ним. Лучше подождать, пока она надоест ему и он сам ее бросит, только непонятно, как долго потребуется ждать.

Из этой истории с Иэном вышла только одна хорошая вещь. Мими до сих пор помнила то чувство полета, которое заполнило ее, когда она раскачивалась на веревке у флагштока. Не важно, какие еще чувства она испытает по вине Иэна, он подарил ей это мгновение свободы.

— Скорее Каспер позовет Осея в свою команду, — сказала Ди.

— Что ли будем вот так сидеть и глазеть, как мальчишки играют? — возмутилась Бланка. — Вот тоска-то! Пойду лучше посмотрю на дабл-датч.

Она спрыгнула с корабля и пошла в зону для прыганья. Бланке всегда удавалось втереться в игру. Скорее всего, следующая очередь будет ее. Мими смотрела на нее и завидовала.

— Правда же, у Оу голова самой красивой формы? — заговорила Ди. — А его глаза — когда он смотрит на тебя, он действительно *смотрит*, ты понимаешь, о чем я?

— Не заметила ничего такого.

Если говорить по правде, то Мими заметила.

— Бланка сказала, ты отдала ему своего Снупи.

— Да, мы поменялись. А он дал мне розовый пенал с клубничками. Такой хорошенький, тебе точно понравится. Очень щедро с его стороны.

Мими хотела уточнить, что в этой сделке не видит особой щедрости с его стороны, ведь он получил вещь взамен своей, но удержалась. Она встала на ноги. Смотреть, как играют в дабл-датч, было уж точно интереснее, чем слушать разглагольствования Ди про нового мальчика.

— Не уходи. — Ди взяла Мими за руку. — Тебе понравится Оу, я не сомневаюсь. Сегодня на географии задали написать на контурных картах названия столиц, и я вызвалась выполнять задание вместе с ним. Он все сделал так быстро, и без единой ошибки. Ты знаешь, что он жил в Риме?

И в Лондоне. И еще в Аккре, это в Гане. А теперь здесь. Он пожил в четырех столицах! Плюс Нью-Йорк.

— Он говорит по-итальянски? — помимо воли заинтересовалась Мими.

— Я не спрашивала, но спрошу, если хочешь. Я так рада, что он пришел. Мне ни один мальчик еще не нравился так, как он.

— Ди, он же черный. — От досады Мими выразилась грубее, чем собиралась, но ей хотелось отрезвить подругу — и немного наказать за то,

что та променяла ее на мальчика.

— Ну и что? — фыркнула Ди.

— А то… по-твоему, это ничего не значит?

— А что это может значить?

— Это значит, что он другой. Не такой, как мы.

Мими не вполне понимала, зачем говорит это, не была даже уверена, что сама так думает. Она прекрасно осознавала, что ее слова мало чем отличаются от того, что говорила Бланка несколько минут тому назад. Но она не отступилась, она хотела предостеречь подругу, потому что предчувствовала недоброе:

— Над тобой будут смеяться. «Встречается с обезьяной» — так будут говорить. Не *я*, конечно, а другие.

Ди уставилась на нее.

— Ты серьезно? Это все, что ты хочешь сказать о нем? Ты хочешь сказать мне, что он другой и с ним нельзя дружить?

— Нет, я… забудь, что я сказала. Я твоя лучшая подруга, я просто не хочу, чтобы тебе делали больно — не *он*, а…

— Мими, его зовут Осей. Почему ты не называешь его по имени?

— Хорошо, *Осей*. Кажется, сам он неплохой. Но ты получишь кучу проблем, если будешь ходить

с ним. И что скажет твоя мама? С ней случится припадок!

Ди побледнела при упоминании о матери, но ответила с вызовом.

— Мне все равно, что думают другие — и моя мама тоже. Мне и нравится он, потому что он не такой.

Мальчики тем временем поделились на команды и начали играть в кикбол. Ди не сводила глаз с Оу, который стоял возле поля.

— Знаешь, — добавила она. — Я тоже могла бы кое-что сказать насчет твоей дружбы с Иэном, но я ведь молчу.

И права была бы, если бы сказала, — подумала Мими.

— Прости, — ответила она. — Я просто хотела помочь. Не обижайся на меня.

— Я не обижаюсь. Хотя могла бы, потому что твои слова, они довольно обидные — и для Осея, и для меня. Но я знаю, ты не хотела никого обидеть. Не волнуйся за меня. Я смогу сама позаботиться о себе.

Этот взрослый тон показался Мими неубедительным и высокомерным. Но она только кивнула в ответ, обрадованная тем, что подруга не сердится. Влюбленность так переполняла Ди,

что она не могла сердиться.

Мими отвернулась и смотрела, как Иэн гонит мяч напарнику, и чувствовала, как в голове и груди нарастает напряжение. Оно потребует разрядки, рано или поздно.

* * *

Осей испытал облегчение, когда прозвенел звонок на утреннюю перемену. Хотя в классе безопаснее — своя парта, свое место, которое закреплено за ним, задания, которые нужно выполнять, и самое лучшее — рядом Ди, готовая прийти на помощь, — все же пребывание в помещении в течение полутора часов стало угнетать, и его потянуло на свежий воздух, и не важно, какие опасности подстерегают во дворе.

Класс ничем не отличался от других классов, в которых ему приходилось учиться, — хотя, может, тут допускали больше свободы, чем в английской или итальянской школе. Все стены увешаны работами учеников, чего только тут не было: автопортреты, написанные на уроках искусства, плакаты с изображением фотосинтеза, семейства панд, Австралии, Мартина Лютера Кинга-младшего. На подоконниках лежали минералы: кварц, мрамор, гранит, лава. Целая стена

посвящена космическим полетам «Аполлона», а в читальном уголке валяются подушки и бинбэги, туда можно пойти, если доделал задание. В этом уголке стена украшена плакатами на тему мира во всем мире и обложкой битловского альбома «Желтая подводная лодка». Ди шепнула ему, что уголок устроила ассистентка учителя, ярая поборница «открытого класса»[18], но мистер Брабант не одобрял этот уголок, а свою ассистентку за глаза называл «хиппующей радикалкой» и разрешал пользоваться уголком только после обеда, когда она бывала в школе.

Стол мистера Брабанта стоял перед классом, он сидел, как солдат на посту, и это вынуждало школьников сидеть тоже прямо и неподвижно. В костюме и галстуке учитель выглядел очень официально. Вообще-то Осей предпочитал именно таких учителей: когда учитель строгий, не забываешь, где находишься. А когда учитель пытается установить дружеские отношения, тут и начинаются всякие недоразумения. С другой стороны, в холодном взгляде мистера Брабанта совсем не

[18] Примечания: 18

Педагогический метод, используемый прежде всего в начальном образовании. Учебная программа имеет неформальный характер, основана на беседе и гибком изучении предметов с индивидуальным подходом к каждому ученику.

было доброжелательности, одна враждебность, словно он ждал, когда Осей что-нибудь натворит и его можно будет наказать. Осей сталкивался с такой повадкой, тут надо быть начеку.

После того как мистер Брабант поинтересовался, есть ли у Осея пенал и они с Ди потихоньку совершили свой обмен, учитель скомандовал: «Итак, класс», и все встали и посмотрели в угол возле двери, где висел американский флаг. Положив правую руку на грудь с левой стороны, начали декламировать: «Я даю клятву верности флагу Соединенных Штатов Америки…»[19] Ди бросила обеспокоенный взгляд на Осея, но облегченно перевела дух, когда тот стал повторять клятву вместе со всеми. Ему удалось спрятать улыбку, которая подорвала бы торжественность момента. Подобные патриотические акции не проводились в школах за пределами США — хотя однажды в Лондоне ему довелось спеть «Боже храни королеву», но это было на стадионе, на крикетном матче, куда его водил отец. Никто не

[19] Примечания: 19

Клятва верности американскому флагу, как правило, произносится в начале дня в государственных органах и учреждениях, например школах; первоначальный вариант клятвы написан в 1892 году, когда отмечалось 400-летие открытия Америки Колумбом. Сейчас клятва звучит так: «Я клянусь в верности флагу Соединенных Штатов Америки и республике, которую он символизирует, одной нации под Богом, неделимой, со свободой и справедливостью для всех».

задавался вопросами по поводу Клятвы верности — если не считать одной компании школьников в Нью-Йорке, которые возмутились тем, что слова «одна нация под Богом» нарушают их гражданские права как атеистов. Осей помалкивал, пока шел спор — ему и так хватало недоброжелательного внимания к своей персоне. Кроме того, его мама раскричалась бы, узнай, что он считает себя атеистом. Осей не пришел к окончательному выводу про Бога, в церкви его существование казалось довольно убедительным, но в школе, когда Осея унижали и оскорбляли по полной, существование Бога вызывало большие сомнения.

Придя домой, он рассказал Сиси, что говорили атеисты, и она фыркнула: «Если они хотят узнать, что такое нарушение гражданских прав, пусть спросят тебя». Тогда она переживала период, когда хотела казаться чернокожей американкой, а не африканкой, у которой более высокий голос, небрежная грамматика, неторопливые гласные. Осей не был готов последовать ее примеру, хотя при желании мог говорить как американец. Первые годы жизни они с сестрой провели в Гане и теперь ездили туда каждое лето, но они могли, в отличие от родителей, тот или иной акцент включать и выключать по своему усмотрению,

как кран. Иногда это бывало полезно.

Осей решил, что в новой школе в Вашингтоне он будет подчеркивать все африканское, что в нем есть. Африканцы внушают белым меньше опасений. Не всегда, конечно. Но он хорошо улавливал страх белых перед чернокожими американцами — и те использовали этот страх как свое преимущество, похоже, единственное.

После Клятвы верности мистер Брабант вручил Ди красно-сине-белый треугольник, и она ненадолго отлучилась с другой девочкой, шепнув ему: «Нам нужно поднять флаг. Скоро вернусь». Осей не понял, куда она ушла, но пока ее не было, он чувствовал себя более беззащитным. Вокруг слышались смешки и перешептывания, на которые он старался не обращать внимания. За соседней партой Пэтти поглядывала на него сквозь пряди волос и покраснела, когда он перехватил ее взгляд. Дункан присматривался более откровенно, и выражение лица у него было озадаченное, словно он пытается придумать хорошую шутку про Осея, но ничего не получается, потому что ума не хватает, и он сам осознает это.

Осею не хотелось в этом признаваться, но, когда Ди скользнула обратно на свое место рядом с ним, у него камень с души свалился.

Как ни строг был мистер Брабант, он разрешил Ди в первый день шепотом пояснять Осею, что к чему. Несомненно, она была фавориткой учителя — любимицей, как говорят в Америке. Осей никогда не ходил в любимчиках, учителя вообще не очень понимали, как к нему относиться. Он был весьма прилежным учеником: выполнял домашние задания, внимательно слушал на уроках, не хулиганил на переменах. Но при этом он редко поднимал руку, не писал особо интересных сочинений, не рисовал особо талантливых картин, не читал особо сложных книг. Из-за частых переездов у него были пробелы в знаниях, которые порой подводили его. В общем, это был ученик на твердую «B»[20].

Осей полагал, что учителя довольны тем, что он не выделяется ни в плохую, ни в хорошую сторону, не проваливает экзамены и не лезет в звезды. Ясно, что некоторые учителя ожидали от него дурного поведения. Одни побаивались, что чернокожий ученик создаст им проблемы в классе, а другие, напротив, даже надеялись на это, потому что тогда они получат право наказать

---

[20] Примечания: 20

Оценка «B» по пятибалльной системе, принятой в большинстве школ, колледжей и университетов, означает «хорошо» или «выше среднего уровня».

его. Иногда Осей обескураживал их: то наберет 100 баллов за математический тест, то блеснет знаниями, сообщив, что бронза состоит из олова и меди или что Берлин разделен стеной. По взглядам учителей было ясно, что они подозревают тут что-то нечистое, на самом же деле большинство этих познаний он почерпнул, прислушиваясь к Сиси, которая учила свои уроки.

А в другой раз Осей не мог ответить на простейший вопрос: кто два главных полководца Гражданской войны в США, или кто убил Авраама Линкольна, или что у Джона Хэнкока была необычная подпись. Он использовал английский способ деления многозначных чисел, который по виду очень отличается от американского, хотя приводит к тому же результату. Когда Осей совершал ошибку, то чувствовал, как учителя мысленно кивают и радуются в глубине души. Вот *этого* они и ждали с самого начала — как чернокожий облажается.

Через час все в классе вдруг поднялись на ноги, увлекая Осея за собой. В дверях показалась женщина средних лет. Седые волосы подстрижены в форме шлема, темно-зеленый костюм, короткая нитка искусственного жемчуга на шее. Она излучала властность, и Осей догадался, что это

директриса — пришла взглянуть на него.

— Миссис Дьюк, — шепнула Ди.

— Доброе утро, школьники, — сказала миссис Дьюк.

— Доброе утро, миссис Дьюк, — протянули все с интонацией подчинения, которую Оу слышал в каждой школе.

— Можете садиться. Я пришла поздороваться с нашим новым учеником Осеем Кокоте.

Она произнесла его фамилию правильно, а имя выговорила по слогам, словно это требовало больших усилий, и оно превратилось у нее в Ос-сИ. Осей не стал ее поправлять.

— Ос-сИ родом из Ганы, правильно, Ос-сИ? — Она смотрела поверх его головы.

— Да, мадам, — автоматически ответил он.

— Миссис Дьюк, — снова шепнула Ди.

— Ну что ж, Ос-сИ, не хочешь ли ты выйти и рассказать нам про Гану? — Хотя ее голос немного повысился к концу фразы, это был не вопрос, а приказ.

— Да, миссис Дьюк. — Осей встал.

Он испугался гораздо меньше, чем можно было ожидать, ему уже приходилось делать это раньше.

— Гана — страна на западе Африки, — начал он

рассказ. — Она расположена между Того и Берегом Слоновой Кости, омывается Атлантическим океаном. Население — 9 миллионов человек. Столица — Аккра, там я родился. До 1957 года Гана была колонией Британии, а в 1957 году обрела независимость — как Америка в 1776 году.

Про Америку он добавил, потому что заметил недоумение на лицах одноклассников.

— В 1972 году генерал Ачампонг устроил переворот и стал правителем.

Осей помнил тревожную обстановку тем летом, когда они прилетели в Гану, — танки и солдаты с автоматами в аэропорту. Они не стали задерживаться в Аккре, а сразу поехали к дедушке в деревню, где все было по-прежнему.

Недоумение возросло. В США никогда не случалось военных переворотов, откуда им знать, что это такое? Осей вернулся к более понятным темам.

— Климат в Гане тропический, круглый год стоит теплая погода, а весной и летом наступает сезон дождей. Главные продукты — какао-бобы, золото и нефть.

Он замолчал и посмотрел на миссис Дьюк, чтобы по ее лицу определить, хочет ли она, чтобы он продолжал. Но миссис Дьюк кивнула, вполне

удовлетворенная.

— Очень хорошо, Ос-сИ. Очень внятно изложил. Меня всегда радует, когда наши ученики могут узнать что-то новое о мире от новых ребят.

Она повернулась к классу:

— Надеюсь, вы встретите Ос-сИ так, что он будет чувствовать себя весь месяц в нашей школе как дома.

Если бы этим она ограничилась! Но она продолжила:

— Он был лишен возможностей, которые имеете вы благодаря тому, что учитесь в нашей школе, поэтому я надеюсь, что вы всячески поможете ему, чтобы он приобщился к благам, предоставляемым нами тем детям, которым не так повезло в жизни.

Последние слова заставили Осея стиснуть зубы. Речь миссис Дьюк напомнила ему короткий рассказ Ширли Джексон под названием «Только после вас, мой дорогой Альфонс», там мать испытывает неприязнь к чернокожему другу своего сына, которого тот привел в дом. В этом году, когда Осей еще учился в Нью-Йорке, учительница из лучших побуждений велела его одноклассникам прочитать этот рассказ, полагая, что они достаточно взрослые и смогут понять его смысл,

что благотворно повлияет на «межличностные отношения в классе», как она выражалась. В результате еще долго после этого одноклассники косо смотрели на Осея и обходили его стороной.

Директриса кивнула мистеру Брабанту.

— Благодарю всех за внимание. Можете продолжать урок.

Она вышла, оставив запах духов — цветочный, слишком приторный.

Когда прозвенел звонок и Ди шепнула: «Утренняя перемена», Оу так глубоко вздохнул, что даже не ожидал этого от себя. Наконец можно было выйти из класса, и Осей сначала направился в туалет — в сопровождении Ди, которая оставила там его очень неохотно, несмотря на его заверения, что он сам найдет дорогу во двор.

— Иди, твои подружки ждут тебя, — сказал он.

— Ничего, подождут, — пожала она плечами.

— Они обсуждают тебя.

Она засмеялась.

— Честно, — сказал он. — Я справлюсь. Иди к ним.

Она вспыхнула, но послушалась. В тот момент, когда она ушла, Осею захотелось, чтобы она вернулась. Приятно, когда рядом такой преданный человек.

К великой его радости, в туалете никого не было, но он на всякий случай воспользовался кабинкой, а не писсуаром, чтобы избежать любопытных взглядов, если кто-то войдет, — все пытаются определить, какого размера и цвета его инструмент.

Войти во двор второй раз было труднее, чем в первый, когда ему помогал элемент неожиданности. Теперь, шагая по школьному коридору во двор, Осей понимал, что его уже ждут, всем не терпится посмотреть, как он будет себя вести, и показать ему, что он не такой, как они.

Совсем другое чувство он испытывал, когда каждое лето с семьей прилетал в аэропорт Аккры и попадал из самолета в такую жару, что голова сразу покрывалась потом. Если отбросить хаос из машин и людей, гудение вездесущих сирен, свист водителей такси, которые привлекают таким способом внимание клиентов, резкие подъемы и понижения голосов, визг и крик толпы, которая не скрывает своих эмоций, Осей испытывал глубокое и особенное чувство: легкость от того, что оказался среди своих. Кругом такие же люди, как ты сам, которые не таращат на тебя глаза и не отпускают замечаний насчет цвета твоей кожи. Конечно, чуть погодя они начнут оценивать тебя

— так уж устроены люди, что не могут не сравнивать — но по другим признакам: одежда, деньги, как учишься в школе, чем занимается твой отец, как разговариваешь, куда ездишь в отпуск или какая у тебя прическа. Но это самое первое, непосредственное ощущение причастности к своим — и внутреннего единения с теми, кто одного с тобой цвета кожи, — это было ощущение, с которого начиналось для Осея каждое лето и которого ему не хватало весь год.

Осей стоял во дворе и наблюдал, как голубые глаза берут его под прицел, разговоры затихают, воздух становится как бы прозрачнее, и он оказывается в центре всеобщего внимания.

Часто бывало, что его выручал спорт. Осей гораздо увереннее обращался с мячом и битой, чем с таблицей глагольных времен, математическими тестами или историческими датами. Спорт — тот язык, которым он владел свободно, потому что его не требовалось осваивать заново с каждым новым переездом. Конечно, у крикета и софтбола есть свои особенности, но ударять битой, ловить мяч, быстро бегать — эти умения легко приспособить к любой игре.

Мальчики шестых классов собрались в конце двора, чтобы поиграть в кикбол. Осей понимал,

что самое лучшее — присоединиться к ним, вообще участвовать — более безопасный вариант поведения, чем стоять в стороне. Он научился играть в футбол в Гане и в Италии, в крикет в Лондоне, в софтбол и баскетбол в Нью-Йорке. Кикбол похож на софтбол или на английскую лапту[21], в нем есть базы[22], перебежки, аутфилдеры[23] и питчер, он подает тебе красный резиновый мяч размером с баскетбольный, а ты пинаешь его и бежишь. Трудно воспринимать надувной мяч всерьез, и удары по нему выглядят немного по-дурацки. Но играть весело, и не требуется особой ловкости, чтобы бить по мячу или ловить его. Каждому выпадает шанс проявить себя. В Америке даже девочки играют в кикбол, а вот в Италии и в Англии Осей ни разу не видел, чтобы девочки играли в футбол.

За свою сноровку в игре он не волновался, трудность в том, чтобы пережить отбор в команду

---

[21] Примечания: 21

Командная игра с мячом и битой, напоминающая бейсбол.

[22] Примечания: 22

База — любой из четырех углов бейсбольного поля. Представляют собой квадраты со сторонами 37,5 см, заполненные мягким материалом толщиной от 7,5 до 12,5 см. Базы расположены по углам внутренней части поля.

[23] Примечания: 23

В бейсболе игрок, располагающийся на внешней части поля: левый, центральный и правый аутфилдеры.

— как будто предстоит пройти через ледяной душ перед тем, как нырнуть в теплый бассейн. Как новенького, его выберут в последнюю очередь, потому что его ценность как игрока неизвестна и группы поддержки у него нет. Это всегда очень унизительно — стоять, пока капитаны отбирают мальчиков в команду, шеренга по обе стороны редеет, и ты остаешься один вместе с двумя-тремя самыми хилыми, болезненными и необщительными ребятами. Чернокожий. Обычно при этом он смотрел вдаль, чтобы не перехватывать злорадных или — что еще хуже — жалостливых взглядов. Если капитаны попадались не вредные, они не тянули время, а быстро распределяли эти людские отбросы между собой. Бывало, однако, что капитан не спеша раздумывал, кого забраковать, и посмеивался, и перебрасывался обидными шуточками со своей командой, а Осей стоял, сжимая кулаки, и вспоминал слова матери: «Никакого насилия, сын. Кулаки это не способ». Материнскому совету он следовал не всегда.

Осей встал с краю, обреченный ждать окончания игры вместе с другими неудачниками. По крайней мере, сегодня было чем порадовать устремленный вдаль взгляд: Ди сидела с подружками на пиратском корабле и улыбалась ему.

Он улыбался ей в ответ, когда его толкнули в бок.

— Эй, ты. Иэн зовет тебя, — сказал толстый мальчик, стоявший рядом.

Осей обернулся, удивленный. Оба капитана, Каспер и Иэн, набрали свои команды и готовились начать второй раунд. Иэн — тот самый мальчик, который заговорил с Оу перед уроками. Глаза у него были серые, как асфальт, и непроницаемые, так что его трудно было раскусить. Осей прекрасно знал этот прием «задраивания» глаз и не раз им пользовался для самозащиты. Вот и сейчас воспользовался.

— Слышь, ты, как тебя зовут? — спросил Иэн.

Осей колебался. Ему хотелось ответить: *меня назвали в честь королей Асанте*[24]. *Мое имя значит «благородный».* Но ничего подобного он не сказал, хотя гордился своим именем. Именно потому, что гордился, хотел оградить свое имя от шуток и насмешек.

— Зови меня Оу, — ответил он.

— Оу, ты раньше играл в кикбол?

— Да, в Нью-Йорке.

Последовало молчание. Осей замечал, что

---

[24] Примечания: 24

Район в центре Ганы, аннексирован Британией в 1902 году и вошел в состав британской колонии.

упоминание Нью-Йорка повергает в трепет жителей других городов, которые считают его огромным и опасным. Он не собирался уточнять, что в Нью-Йорке ходил в тихую частную школу — где, правда, тоже были одни белые, — а не в публичную, где нравы гораздо жестче. Каспер, второй капитан, кивнул в знак уважения. Осею был знаком такой тип людей. Каспер напоминал блондина из «Семьи Партриджей», которого играл Дэвид Кэссиди[25]; у Сиси в комнате несколько лет висел плакат с ним, пока его не сменил Малкольм Икс.

— Ладно, — сказал Иэн и кивком пригласил Осея присоединиться к команде.

— Чё такое вообще происходит? — пробормотал толстый мальчик соседу, пока Осей шел, напрягшись под пристальным взглядом пятнадцати пар глаз.

И только когда Осей подошел к ребятам, Иэн заметил:

— Все чернокожие хорошие спортсмены, вер-

---

[25] Примечания: 25

«Семья Партриджей» — американский телевизионный музыкальный ситком, который транслировался четыре сезона с 25 сентября 1970 по 23 марта 1974 года. сериал повествует о жизни американской семьи Партриджей, состоящей из овдовевшей матери Ширли Партридж и ее детей. Члены семьи Партриджей играют вместе как рок-группа и путешествуют по стране. Старшего сына по имени Кит играл певец и актер Дэвид Кэссиди. Эта роль принесла ему славу идола подростков.

но?

Мальчики присвистнули сквозь зубы и рассмеялись.

Осей не изменился в лице, не ударил Иэна, не ушел прочь. По крайней мере, это был прямой разговор. Осей почти обрадовался, когда скрытая неприязнь вышла наружу. Он может ответить так же прямо.

— Что есть, то есть, — сказал он.

Он собирался выжать из этой игры все, что можно.

Команда Иэна играла в защите. Иэн не назначил позицию, но Оу автоматически отправился в дальнюю часть поля, где активность ниже, понимая, что не следует выпендриваться и претендовать на первую базу или шорт-стоп. Он готов был смиренно прозябать среди высокой травы вместе со слабаками.

Как и в софтболе, в кикболе есть четыре базы, и очко засчитывается, когда игрок команды, играющей в нападении, пробегает по очереди все базы. Если бегущий не добрался до базы, объявляется «аут». Если игрок в «ауте», он должен уйти с поля. Защищающаяся команда может вывести нападающего игрока в «аут» разными способами: если игрок защиты коснулся базы с

мячом в руке прежде, чем игрок нападения успел добежать, или если игрок защиты подобрал мяч и бросил его игроку, стоящему на базе, прежде, чем бьющий успел ее коснуться, или если игрок защиты поймал отбитый мяч прежде, чем мяч коснулся земли. После трех аутов защищающаяся и нападающая команды меняются местами. Побеждает та команда, которая набрала больше очков за пробежки.

Первым бил мальчик по имени Род. Он сильной низкой подачей направил мяч между первой и второй базами к неуклюжему аутфилдеру слева от Осея — медлительному мальчику, который принял мяч и пасовал его наугад, не в центр поля, а скорее в сторону Осея. К тому моменту, когда Осей поймал мяч и вбросил, Род уже подбежал ко второй базе. Команда взвыла, Иэн заорал: «Давай же!», но все это не касалось непосредственно Осея. Он-то сделал все, что мог, в этой ситуации.

К тому же прикосновение к мячу доставило ему удовольствие. После первого прикосновения к мячу он всегда обретал уверенность.

Следующий мальчик сделал верхнюю подачу, и Иэн, который был питчером, легко поймал мяч. Один аут. После этого ребята поступили, как поступил бы любой здравомыслящий игрок

на их месте, стали извлекать преимущество из слабейшего звена: они сознательно метили в мальчика-тормоза слева от Осея. В первый раз мяч оказался по другую сторону, слишком далеко от Осея, так что он не мог помочь, и первый бейсмен вынужден был подбежать, чтобы поймать мяч. Род перешел к третьей базе, а кикер к первой. Следующая подача была высокой и сильной, и хилый мальчик, на которого летел мяч, широко расставил руки в надежде, что в нем чудом проснется богатырская сила и он поймает мяч. Осей мог бы оттолкнуть его в сторону и сам поймать — времени было достаточно для такой рокировки. Но он не сделал этого: ему казалось, что нехорошо применять силу к слабому, от этого никто не выиграет. Поэтому он подбежал, встал и смотрел, как мяч пролетает мимо распростертых рук. Тогда он перехватил его и с силой бросил в центр, где бейсмен умудрился тем временем выбить бегущего с поля, не дав ему достичь базы. Второй аут, хотя Род подбежал к «дому»[26].

Оставался, таким образом, только один бегущий, когда бросать вышел Каспер. Про некоторых мальчиков можно сразу сказать, что они делают

---

[26] Примечания: 26

Углы игрового «квадрата» называют против часовой стрелки: «дом», 1-я база, 2-я база и 3-я база.

это хорошо, даже если никогда раньше не видел. Осей и остальные игроки подались на несколько шагов назад, в знак уважения к мастерству Каспера, понимая, что он может больно засандалить. Но Каспер, со своей стороны, проявил благородство: он не стал целиться в слабых. Оу взглянул на корабль и отметил, что девочки тоже наблюдают за Каспером, и ощутил укол ревности от того, что все внимание направлено на другого, пусть и такого хорошего человека, как Каспер. Иэн подтолкнул мяч Касперу, и тот сделал подачу — очень высокую, мяч взмыл в воздух, вращаясь, и, вращаясь же, полетел на Осея. Тот почти не сдвинулся с места, только один шаг вперед — и мяч в руках, щеки горели от удара, а грудь садняло, но Осей не выпустил мяч, и Каспер оказался в «ауте».

Команда взорвалась криками восторга. «Молодец, Оу!» — крикнул кто-то. Осей нес мяч Иэну, тот одобрительно кивал, а народ выкрикивал его имя, и девочки издалека приветствовали его, и на короткое мгновение Оу забыл, что у него черная кожа, и превратился в счастливого нового героя двора.

Когда Осей проходил мимо Каспера к питчерской горке, тот сказал: «Отлично сыграно». В его

словах не было ни тени зависти или сарказма, он имел в виду ровно то, что сказал. Его открытость и естественная уверенность в себе привлекали. Но почему-то у Оу возникло желание подставить ему подножку.

Осей, конечно, не рассчитывал, что один пойманный мяч сделает его звездой команды, к тому же Иэн, похоже, не собирался ставить его на самые выигрышные для подающего позиции — четвертым или пятым номером.

И не поставил. Он сказал, когда команда собралась у домашней базы:

— Бросать и ловить ты можешь. Вопрос, можешь ли ты подавать?

Он посмотрел на Оу долгим взглядом тусклых серых глаз, посаженных так близко друг к другу, что от этого у собеседника начинала кружиться голова. Потом он указал на базу, и Оу понял, что ему предлагают идти первым.

Такая тактика не лишена здравого смысла. Если неизвестно, насколько хорошо играет человек, нужно выпустить его первым, чтобы у команды была возможность наверстать упущенные им очки. Конечно, если первый игрок обладает отличной подачей, это будет расточительством, потому что он может выиграть в лучшем случае

одну перебежку — свою собственную.

Именно это Осей и намеревался сделать. *Должен* был сделать. Он хорошо бросал и хорошо ловил, не мог же он подавать плохо. Он не мог позволить себе даже средней подачи — которой хватило бы, чтобы перебежать к первой базе. Он должен выбить хоум-ран, и только хоум-ран[27].

Его выход на позицию сопровождался шепотом на игровом поле, игроки отступили назад, за что он был благодарен им. Они ожидали от него великого броска. Ди с Мими на корабле вытянулись в рост, чтобы лучше видеть. Фактически весь двор замер в ожидании.

Когда учился в Риме, Осей во время игры в футбол обычно стоял на воротах. Мальчикам не очень хотелось вступать в физический контакт с чернокожим, и его почти удавалось избежать, если назначить Осея вратарем. Благодаря вратарскому опыту он, по крайней мере, научился бить высоко и далеко. Обычно вратарь бьет по неподвижному мячу, и Осей в долю секунды прикинул траекторию брошенного Каспером мяча, подбежал, прижал ступню, точно и крепко,

---

[27] Примечания: 27

Хоум-ран — удар в бейсболе, при котором мяч перелетает через все игровое поле; дает бьющему право совершить перебежку по всем трем базам с возвратом в «дом» и принести своей команде очко.

к мячу. Далеко тот должен полететь.

И полетел. Мяч просвистел над головами игроков, перелетел через ограду двора, ударился, подпрыгивая, о крышу олдсмобиля «катлас суприм», припаркованного на другой стороне улицы. Восхищенный вопль издали все до единого, включая девочек, — только не ребята из команды Осея. Они застонали.

Оу недоуменно посмотрел на них, озадаченный их реакцией:

— Разве это не хоум-ран?

— Удар не засчитывается, если мяч вылетает за границы поля, — объяснил Иэн.

— Ага, — кивнул Дункан. — И еще игра прекращается, если мяч улетел со двора. Так учителя решили. Они терпеть не могут ходить за мячом. Гляньте, он уже до Маплов докатился.

Мяч продолжал свое путешествие по улице, ударяясь о колеса автомобилей, стоявших на обочине, и приближаясь к перекрестку, у которого водители поворачивали и гудели.

— Простите. Я не знал.

— Между прочим, ты залепил по машине родителей Каспера, — добавил Иэн. — Он живет через дорогу.

— О! Я извинюсь.

Иэн пожал плечами. Казалось, его больше радует унижение Осея, чем огорчает преждевременное окончание игры.

Но радовался он недолго. Ди спрыгнула с корабля и бежала к ним. Подбежав к Осею, она с размаху обняла его:

— Это было здорово!

Оу застыл на месте, весь двор тоже: возгласы замерли на губах, шепот прекратился. С лица Иэна сползла улыбка.

— Она *дотронулась* до него! — прошептала Пэтти со смешанным чувством ужаса и восхищения.

Хор голосов присоединился к ней:

— Не просто дотронулась — *обняла*!

— Вот блин!

— Я бы ни за что — а ты?

— Думаешь, они влюбились?

— Похоже.

— Да с ней кто угодно захотел бы ходить. А она выбрала *этого*?

— Ди спятила, что ли?

— Ну, а чего — он вроде ничего такой.

— Ты в своем уме? Он же… ну, понимаешь!

— Дело не только в этом. Он же *новенький*. Она совсем не знает его.

— Ну! Может, он серийный убийца с топором,

или как этот, который в «Байках из склепа»[28] наряжался Санта-Клаусом и душил девушек.

— Ой, ты смотрела «Байки»? А мне родители не разрешили.

— Я и «Экзорциста» смотрела. Потихоньку со старшим братом. Со страху чуть не померла — особенно когда она начинала вещать этим жутким голосом.

Осей не мог слышать, о чем они говорят, да это было и не важно. Все они стали свидетелями пересечения той границы, пересекать которую он не собирался.

* * *

Ди почувствовала, как напрягся Осей, когда она его обнимала, а отстранившись от него, заметила, как напряглась атмосфера вокруг. Мими, опустив глаза, смотрела в землю. Мальчики — Иэн, Каспер, Род и другие — стояли прямо, уперев руки в бока. Пэтти покачивала головой. Ди прикоснулась к новенькому на глазах у всех, и ответное неодобрение всего двора, включая, похоже, само-

[28] Примечания: 28

«Байки из склепа» — популярные в 1950-е годы комиксы, на основе которых в 1972 и 1973 годах сняты два британских фильма, а в 1989 году американский телесериал.

го Осея, было таким явным, что у нее не осталось другого выхода, как его проигнорировать.

— Пошли к деревьям, — позвала она. Как в убежище.

Кипарисовые деревья были самой удивительной достопримечательностью этого двора. Архитектор, должно быть, питал слабость к растениям, и вместо того, чтобы выкорчевать кипарисы и очистить площадку для строительства школы, их оставили, а двор спланировали так, что образовалась роща в углу. Возможно, чтобы оправдать существование деревьев, под ними устроили песочницу, которая никогда не использовалась по назначению, — в школе учились ребята постарше, а копаться в песке — удовольствие, которому самозабвенно предаются малыши. Вместо этого песочница под кипарисами превратилась в ничейную территорию, где бывали и мальчики, и девочки из всех классов.

Ди отвела Осея к деревьям и плюхнулась на песок. Он посомневался, но тоже сел. Пока они сидели так, бок о бок, двор постепенно начал оживать. Мальчики раздобыли мяч и стали играть в вышибалы — Иэн и Род бросали так сильно, что на ляжках у тех, кто в шортах, оставались красные полосы. Девочки вернулись к классикам,

Мими устроилась с одноклассницей недалеко от песочницы. Бланка стала прыгать дабл-датч.

— Это был такой мощный удар, — сказала Ди.

Оу пожал плечами.

— Но я попал в машину Каспера. И игра оборвалась.

— Ну и что, ты же не знал. Иэн должен был сначала объяснить тебе правила.

Она сгребла в ладонь пригоршню песка, слегка влажного от росы, и начала просеивать его сквозь пальцы, оставляя в руке иголки и шишки кипарисов.

— Ты играл в кикбол в Нью-Йорке?

— Играл немного.

Осей провел ладонью по песку, приглаживая дорожку.

— А какой он, Нью-Йорк? Про него рассказывают такие ужасы. Вечно там людей грабят или убивают. И грязно очень.

— Да нет, там не так уж плохо. Мы жили в хорошем районе. — Оу замолчал, как будто разговор о Нью-Йорке напомнил ему что-то.

— Ты чего?

Ди видела, что он оценивает ее, решает, что ей можно рассказывать, а что нельзя.

— Расскажи, — попросила она. — Ты можешь

мне все рассказать.

Это была почти мольба, желание узнать о нем больше.

— Мы жили в Верхнем Ист-Сайде, там почти во всех зданиях консьержи. — Он улыбнулся, увидев непонимание пригородного жителя на ее лице. — Это такой человек, он сидит у входа в здание, как сторож, только еще и помогает, если нужно донести чемоданы или сумки из магазина, такси вызвать и все такое. Там по соседству было немного… таких, как мы. И каждый раз, когда я проходил мимо консьержа, он свистел, чтобы консьерж в соседнем доме посмотрел на меня, и тот тоже свистел. И этот свист я слышал каждый день, пока шел по кварталу. Обычно они так делают, когда мимо идет хорошенькая девушка. Даже после того, как мы прожили там много месяцев, и они знали меня, и каждый день видели, они продолжали свистеть. Они говорили, что это в шутку, и, может, для них это так и было, но не для меня. Мне казалось, что они ждут, будто я что-то натворю.

— Натворить?

— Украсть что-нибудь, ударить, бросить камень.

— Это… — Ди не могла найти слов.

Она пыталась уяснить: он жил в квартире, а не в доме, как она и все ее друзья. Но ведь у них пригород. Тут почти нет многоквартирных домов.

— А что ваш консьерж?

— Он был неплохой, в общем-то. Некоторые консьержи его дразнили, но мой отец давал ему хорошие чаевые на Рождество, и это действовало. Правда, он никогда не ловил нам такси, даже если проезжала пустая машина, мы сами видели. Говорил, что нет свободных или машина едет по вызову. За все время, что мы там жили, я только два раза ездил на такси.

Сама Ди ни разу не ездила на такси — не было необходимости. Какая необыкновенная жизнь — ездить на такси!

— Расскажи мне еще про Гану, — попросила она, лишь бы слушать его.

Осей выпрямился.

— Что ты хочешь знать про мою страну? — спросил он. Упоминание о Гане, похоже, настроило его на более официальный лад.

— Ну… — Ди замялась, не уверенная, стоит ли произносить вслух мысль, мелькнувшую у нее, когда она услышала про Гану. Но он нравился ей — на самом деле нравился, — и она хотела быть с ним как можно более откровенной. — Правда,

что там… едят людей?

Оу улыбнулся.

— Это в Папуа — Новой *Гвинее*. А не в Гане. Папуа — Новая Гвинея недалеко от Австралии.

— О! Прости.

— Все в порядке. У моей сестры Сиси в Риме была учительница, которая тоже так думала и поручила ей сделать доклад про каннибализм. Сиси репетировала свой доклад на мне, так что я в теме.

Это было еще более удивительно, чем история про консьержей и такси.

— Как будет каннибализм по-итальянски?

— *Cannibalismo*, — ответил он.

Ди рассмеялась, потом посерьезнела.

— Может, тогда ты мне объяснишь, почему люди едят друг друга. Я этого никогда не понимала. Это же чудовищно.

— Ну, самая первая причина — это нехватка еды. Например, случился неурожай, и люди голодают или оказались где-то без провизии. Ты слышала, как два года назад самолет потерпел крушение в Андах, и людям пришлось есть погибших, чтобы выжить?

Ди вздрогнула, она пожалела, что завела разговор на такую тему, но и переводить его на другую

не хотела. Она никогда не говорила о таких серьезных вещах с мальчиком — да и с девочкой тоже.

— Но чаще всего каннибализм не связан с голодом, — продолжал Оу. — Люди едят людей, если победили их в бою, это военная добыча. Иногда съедают часть любимого человека после смерти. Так его возвращают снова в сообщество живых — это вроде реинкарнации с помощью собственного тела.

— Фу!

Оу тихонько усмехнулся.

— Мы в Гане танцуем и поем, если человек умирает, но не едим его!

Ди вспомнила, как ее дедушка лежал в открытом гробу в церкви Южной Каролины. Все было так торжественно и благоговейно, а ей жали новые туфли.

— Вы танцуете?

— Да. Большой праздник продолжается всю ночь, много еды, и музыки, и гостей. Семья покойного развешивает объявления, приглашает всех прийти. У нас тратят много денег на похороны — так же много, как на свадьбу.

Его акцент стал более африканским, когда он заговорил про Гану, гласные протяжнее, а голос

выразительнее.

— Очень странно. Ты часто бываешь в Гане?

— Мы ездим каждое лето повидать бабушку с дедушкой.

— Тебе там нравится?

— Конечно.

— А где вы там живете, в городе или в деревне?

— И там, и там. У нас дом в Аккре и дом в дедушкиной деревне.

Ди хотелось спросить, был ли этот дом глиняной хижиной с соломенной крышей, как она видела на фотографиях про Африку в папином журнале «Нэшнл Джиографик»? Но она уже дважды села в лужу — с каннибализмом и с дашики, поэтому опасалась задавать вопросы, чтобы снова не обнаружить свое невежество.

Ди задумалась, о чем еще можно спросить. В наступившем молчании она вдруг осознала, что вот они сидят под кипарисами, а двор вокруг живет своей жизнью, но при этом каждый искоса поглядывает на них, наблюдает. Лучше бы они с Осеем гуляли, или лазали на «джунглях», или качались на качелях, чем сидели на месте.

— У вас там много диких животных? — Ди пришлось напрячься, чтобы задать столь простой вопрос, но разговор грозил иссякнуть, как это

часто бывает, когда мальчик с девочкой внезапно осознают, что остались наедине друг с другом.

— Да. У нас водятся быки, бабуины, бородавочники, обезьяны. И еще много кого.

Ему вроде бы нравилось, что она задает вопросы, но сам он ни о чем ее не спрашивал. Правда, мальчики вообще редко задают вопросы — им больше нравится говорить, чем слушать, и действовать больше, чем разговаривать. Ди никогда не приходилось сидеть и разговаривать с мальчиком так долго.

Поскольку он не задавал вопросов, у Ди не было возможности рассказать ему о себе. А что она рассказала бы, если б он спросил? Что родители у нее очень строгие. Что она любит математику, но скрывает это. Что она не понимает причины своей популярности в школе, учитывая все мамины запреты: ей не разрешают ходить на бульвар с подружками, ей никогда не устраивали день рождения — с коллективным катанием на роликах или походом в кино. Что иногда ей бывает грустно без причины. Что Мими недавно гадала ей на картах Таро, и выпало, что скоро ее жизнь сильно изменится. Ди решила, что карты намекают на переход в новую школу осенью, но сейчас, глядя, как Осей то приглаживает, то во-

рошит песок, а его рука чернеет на светлом фоне, она подумала, что «скоро», возможно, наступит раньше, чем она полагала.

Он взглянул на нее и улыбнулся, его лицо было обращено к ней вполоборота, отчего вид у него стал озорной, и все слова, сказанные и несказанные, вопросы, заданные и незаданные, и неловкое молчание, всё смыла волна нежности, которая нахлынула на нее. Ди никогда не вела себя, как Бланка и две-три другие девочки: те привлекали к себе внимание, приставали к мальчикам и всячески возбуждали их интерес. Она не носила обтягивающую одежду с блестками. Она не выпячивала растущую грудь, наоборот, сутулилась, чтобы скрыть ее. Она не экспериментировала с мальчиками в закутке у спортзала, и целовалась она только однажды, когда на перемене играли в бутылочку, — и то всего два раза, потому что их застукали учителя и положили конец игре. Но ее отношение к Оу не было экспериментом. *Это то самое, чего я так ждала,* — думала она. — *То самое*.

Под влиянием этого чувства она сделала то, что хотела с той минуты, когда встала позади него на линейке перед уроками: протянула руку и положила ему на голову, и почувствовала, как

курчавые волосы облегают его идеальный череп.

Осей не отдернул голову, не перестал улыбаться. Он протянул свою руку и коснулся ее щеки. Она наклонила голову и прижалась к его ладони, как кошка, которую приласкали.

— У тебя такая красивая голова, — сказала она.

— А у тебя такое красивое лицо.

Удивление и радость заполнили ее. Он чувствует то же самое, что она, они могут довериться друг другу. Ди вдруг поняла, что настоящие пары не договариваются ходить вместе: они *уже* вместе. Такие договоренности — ребячество, детская забава. Они с Осеем переросли это.

Так они и сидели, как современная скульптурная композиция «Влюбленные»: головы, улыбки, руки неразрывны, внешний мир не существует. До Ди донесся голос Мими: «Ди, что ты *творишь?*» Чуть в стороне Бланка начала припевать:

Оу и Ди сидели позади,
Обнимались, целовались,
Влюбились, поженились,
Детки народились.

Даже когда раздался свисток, они не отняли рук друг от друга. Учитель, который дежурил во дворе, свистел в свисток, когда происходило нечто

запрещенное: кто-то дрался, швырялся песком, лез на забор. Каждый раз, когда раздавался свисток, все прекращали свои занятия и озирались в поисках нарушителя.

Оу не знал об этом обычае, но, похоже, догадался, что это означает, потому что мистер Брабант шел прямиком к ним, не прекращая свистеть. Осей отвел руку от пылающей щеки Ди, она сняла руку с его головы на мгновение позже.

— Прекратить! Встать немедленно, вы двое! — Его голос прозвучал, как удар хлыста. Оу вскочил на ноги.

Ди испытала чувство протеста, но оставаться сидеть на песке, когда все сгрудились вокруг песочницы и смотрят, было не особенно приятно. Она поднялась, но без спешки, и отряхнула с джинсов песок, не обращая внимания на гнев мистера Брабанта.

— У нас *запрещено* прикасаться к другим ученикам предосудительным образом. Может, там, откуда ты приехал, иные правила, и ты понятия не имеешь, как себя вести, — обратился он к Осею. — Но у нас в школе мальчики и девочки не прикасаются друг к другу таким образом, ясно?

Это прикосновение, похоже, возмутило учителя гораздо больше, чем те поцелуи, которыми, как

он прекрасно замечал, шестиклассники обменивались по углам весь год. Возможно, он ощутил, что в этом прикосновении больше содержания, больше чувства, больше интимности, чем в поцелуях — оно слишком интимное для школьного двора. Учитель обернулся к Ди:

— А от тебя, Ди, я не ожидал такого. Ты-то должна знать, как себя вести. А теперь иди в класс и раздай рабочий материал по математике.

Ди никогда в школе не лишали прогулки, не оставляли после уроков и вообще не наказывали, потому что в этом не было необходимости. И сейчас она отделалась легко: кого угодно на ее месте отправили бы к директору на проработку, а потом позвонили родителям. Вместо этого ей дали задание, которое она охотно выполнила бы при любых обстоятельствах. Не иначе как мистер Брабант не в состоянии подвергнуть свою любимицу суровой каре.

В другое время слова мистера Брабанта сильно огорчили бы ее, потому что из всех учителей в школе больше всего она стремилась угодить мистеру Брабанту. Но сегодня все изменилось — появился человек, чье отношение значило для нее гораздо больше. И на которого мистер Брабант набросился. Ди очень не понравился его

тон. Однако она не могла ослушаться учителя. Лучший ответ ему, решила она, действовать не спеша, вместо того чтобы мчаться со всех ног выполнять приказание. И Ди неторопливо пошла к школе, и, проходя мимо учителя, пока он смотрел на нее, чувствовала, как он ошеломлен переменой в ее поведении. И от этого Ди ощутила свою власть.

* * *

Все ждали, что мистер Брабант накажет новенького, как он того заслуживает. Иэн мог бы дать хороший совет: надо по-старорежимному, да посильнее, ударить линейкой по чернокожей лапе, которая посмела прикоснуться к щеке Ди. В тот момент, когда Иэн увидел, как они сидят, не отрывая друг от друга рук, на него накатил такой приступ ярости, что он с трудом с ним справился.

А у мистера Брабанта вид сделался растерянный — лицо постарело, мешки под глазами стали заметней. Его любимица взбунтовалась, и он не знал, как ему поступить.

Иэн кашлянул, чтобы разрушить наваждение. Кто-то же должен это сделать. Мистер Брабант потряс головой, потом предпринял явную попыт-

ку взять себя в руки. Пристально глядя на Оу, он выдвинул вперед челюсть и сказал:

— Веди себя как следует, мальчик.

Оу тоже посмотрел на него и ничего не сказал. Пауза казалась бесконечной, прервала ее только мисс Лоуд, которая подошла, запыхавшись.

— Все в порядке? — спросила она высоким от волнения голосом.

— Могло быть и лучше, — буркнул мистер Брабант. — И будет лучше, если кое-кто начнет соблюдать правила нашей школы. Понял, Осей?

— Да, сэр.

— Осей, у нас не говорят «сэр» и «мэм», — вмешалась мисс Лоуд, голос у нее был ласковый по сравнению с коллегой. — У нас учителей называют по фамилии. Ты должен обращаться к нам мистер Брабант и мисс Лоуд.

— Хорошо, мисс Лоуд.

— Я сам могу справиться, Диана.

— Конечно. Я просто хотела…

Ее спас прозвеневший звонок.

— Итак, все на построение. — Мистер Брабант прибавил громкости, чтобы услышал весь двор.

Оу пошел, но медленно — примерно как Ди до этого, — желая показать, что он не то чтобы выполняет приказ, а просто сам по себе идет в

нужном направлении.

— Что тут произошло? — вполголоса спросила мисс Лоуд.

— Предосудительное поведение, — пробурчал мистер Брабант. — Он прикоснулся к Ди. У этих так принято.

Мисс Лоуд смотрела недоуменно.

— Боже! А вы… вы видели много… чернокожих людей?

— Целый взвод.

— Ах, простите. Я не хотела говорить о… о том времени.

— Когда я увидел его руку на ее щеке, меня чуть не стошнило.

Мисс Лоуд заметила, что Иэн подслушивает их разговор, и толкнула мистера Брабанта.

— А ну-ка, Иэн, ступай в строй, — скомандовал мистер Брабант.

— Хорошо, мистер Брабант. Только заберу мяч.

Мистер Брабант хмыкнул и пошел в сторону шеренги, которая удлинялась на глазах. Мисс Лоуд поспешила за ним.

На середине двора Мими поравнялась с Оу. Иэн смотрел, как они идут рядом и разговаривают. В какой-то момент Оу наклонился к подружке Иэна, словно чтобы лучше слышать, потом кив-

нул, что-то сказал, и Мими рассмеялась.

Иэн нахмурился.

— Этот ублюдок, он прикоснулся к ней. Меня тоже чуть не стошнило, — сказал Род; он держал мяч и был, как всегда, заодно с Иэном.

Иэн уставился на Мими.

— Я вроде не заметил. Разве он прикоснулся к ней?

— Я не про Мими. Я про Ди. Он прикасался к Ди там, под деревьями. А *она* прикасалась к *нему.* — Род старался привести себя в ярость, щеки у него покраснели.

— Он лапает всех девочек, — проворчал Иэн. — Скоро им от него прохода не будет. У этих так принято. Если мы его не остановим.

— Ага. — Род подбросил мяч пару раз, словно играя в баскетбол. — А как мы его остановим?

— Нужно ее настроить против него. — Первое, что пришло Иэну в голову. — Нет, это годится разве для дураков, Ди не клюнет на эту удочку, у нее голова варит. Может… его против нее. Да, вот так будет лучше. И смешнее.

— Чего? Ты, это, хочешь опустить Ди? Потому что это не очень. Я сам хочу попробовать с ней… и вообще.

— Да не буду я ее опускать, я просто хочу… их

поссорить.

— Здорово. Только, Иэн…

— Чего?

— А почему ты не взял меня к себе в команду, когда играли в кикбол?

Иэн вздохнул про себя. Пора отделаться от этого Рода. Он планировал сделать это после перехода на следующую ступень — смена школы обычно влечет перегруппировку в компаниях. Но, похоже, у него не хватит терпения дождаться. Род становится все капризнее, требует больше, чем дает, и овчинка не стоила выделки.

— Я должен был дать шанс новенькому, — объяснил Иэн. — Сейчас я понимаю, что зря, особенно после того, как из-за его удара оборвалась игра.

— Ну, так мог бы выбрать и его, и меня.

— Да, но тогда команды получились бы неравные. Понимаешь, ты сильный игрок, это точно. Стоит только взглянуть на твой удар, чтобы все понять, и перебежки ты выигрываешь, так ведь?

Род кивнул.

— Ну, вот. Если бы новенький тоже оказался хорошим игроком, у нас бы получилась слишком сильная команда, а тогда играть неинтересно. Я просто хотел уравнять силы.

Род нахмурил лоб, пытаясь осмыслить этот

витиеватый комплимент, однако был польщен похвалой.

— Иди в строй, — скомандовал Иэн. — Я тоже скоро буду.

Род кивнул, бросил мяч перед собой и, пиная его, повел к шеренгам школьников. Он преследовал мяч самозабвенно и радостно, как собака добычу. Если бы все было так просто, думал Иэн. Он остался, стоял под деревьями, смотрел, как школьники расходятся по своим учителям. Ему нужно было побыть одному, чтобы собраться с мыслями.

В ту минуту, когда чернокожий мальчик появился во дворе, Иэна словно тряхнуло. Что-то похожее, наверное, чувствуют люди во время землетрясения: земля уходит из-под ног, становится ненадежной. Школьники весь год — а по сути, все семь лет школы — жили, поделенные на устоявшиеся группы, в каждой группе — своя иерархия и свой лидер, у лидера своя свита. Жизнь гладко катилась по накатанным рельсам — пока не появился один такой и все пустил под откос. Один мощный удар по мячу, одно прикосновение к щеке девочки, и порядок нарушен. Иэн сверлил взглядом Оу, который стоял в своей шеренге. Буквально на глазах у Иэна происходит

перегруппировка сил, возникает новый лидер — едва заметное движение, когда ребята тянутся к Оу, словно к источнику света, как подсолнухи к солнцу. На глазах у Иэна Каспер подошел к Оу и завел с ним разговор. Он показывал рукой в сторону забора, явно обсуждал удар Осея, и они кивали друг другу. В голове не укладывается: новенький завоевал уважение самого популярного мальчика в школе, ходит с самой популярной девочкой, смеется с собственной подружкой самого Иэна — а ведь еще и обед не начался.

«Популярный» — не то слово, которое применимо к Иэну. С ним никто не болтал и не смеялся. Давно уж такого не случалось. Он сам толком не понимал, как это произошло, как он превратился в человека, которого боятся, но не уважают. Он ничего такого не планировал, просто когда он перешел в четвертый класс, а его брат перешел на следующую ступень, то к Иэну по наследству от брата перешли во дворе все властные полномочия, которые никто не оспаривал. Они сопровождались рядом привилегий: получение денег, выданных школьникам на завтрак, право в любой момент занять не доступный взглядам учителей закуток у входа в спортзал, по умолчанию роль капитана команды, когда играли в

кикбол и софтбол, а также личный ординарец Род, хотя Иэн прекрасно обошелся бы и без этого придурка в качестве подручного.

Раздался свисток, и Иэн поднял глаза, понимая, что свистят по его душу. Школьники стройными рядами входили в школу, и мисс Лоуд махала ему рукой, подзывая. Даже учителя немного побаивались Иэна, вот и мисс Лоуд не накажет его за эту задержку, разве что пожалуется потом в учительской. Однажды он притаился за дверью и слышал разговор между учителями. Одна сказала: «Иэн ведь последний из семейки Мэрфи, да? Там не подрастает какая-нибудь сестричка? Боюсь, что не выдержу еще одного Мэрфи после Иэна и его братьев. Я полностью рассчиталась с этой семейкой». Другая ответила: «Ничего, в седьмом классе ему покажут, что почем. Мелкая рыбешка в большом пруду — это про него». И они засмеялись. За этот смех Иэн поцарапал потом обеим автомобили.

Братья, насколько Иэн мог судить, были крупной рыбой. Брат, который учился классом старше, курил и, по его словам, занимался делом со своей девчонкой.

Прежде чем встать в конец своей шеренги перед входом в школу, Иэн сделал сознательное

усилие, чтобы разжать челюсти и кулаки.

Проходя мимо класса мистера Брабанта, он заглянул через дверь. Оу сидел за своей партой и глядел в листок бумаги. Стоя у него за спиной, Ди протягивала листок Касперу, который улыбался ей, и улыбка его выражала, как всегда, симпатию. Человек со стороны мог бы принять их за парочку. А чернокожий мальчик ничего этого не видел.

Иэн ухмыльнулся и поспешил догнать своих одноклассников. Теперь он знал, что ему делать.

У фонтанчика с водой остановилась четвероклассница и наклонилась, чтобы попить. Проще простого толкануть ее, чтобы ударилась о бортик и разбила губы в кровь, Иэн много раз поступал так. Но, довольный планом, который родился в голове, Иэн сделался великодушным и прошел мимо, не задев ее. При виде его девочка поскорей отскочила от фонтанчика.

Часть III. Обед

Пошел я на прогулку,
Гулял среди нерях
И встретил сеньориту
С цветами в волосах.
Тряхните, сеньорита,
Кудрями вверх и вниз,
Тряхните посильнее,
Исполните каприз.
Кудрями сеньорита
Как начала трясти,
Аж ноги подкосились,
Насилу смог уйти.

К тому моменту, когда прозвенел звонок на обед, напряжение, которое нарастало все утро, достигло пика. На уроке письма в голове у Мими пульсировала кровь, а вспышки света, которые мелькали в уголках глаз, постепенно слились в сплошную пелену перед глазами. Когда урок о непроизносимых согласных приближался к концу, она уже с трудом различала доску, с которой

переписывала слова, чтобы дома выучить их правописание, — а слова мисс Лоуд специально выбрала из Шекспира, для установления межпредметных связей:

abhor, monkey,
chaos, sword,
gnaw, subtle,
honest, tongue,
knave, wretch.

— Похоже, у мисс Лоуд было хорошее настроение, когда она их выбирала, — прошептала Дженнифер своей соседке. — Они даже не очень сложные. А некоторые мы вообще не используем. Что такое *knave,* например?

— Плут, — ответила Мими. Они с Ди не так давно смотрели по телевизору «Ромео и Джульетту» и слышали это слово. Мими просто влюбилась в Ромео.

— А кто такой Шекспир, она сказала?

— Ты сама знаешь! Он написал «*Сон в летнюю ночь*»!

Оба шестых класса ставили к концу года спектакль по этой пьесе. Мими играла эльфа. Она потрясла головой, хотя знала, что это не разгонит пелену.

— Можешь продиктовать мне слова с доски?

Дженнифер с сочувствием посмотрела на нее:

— Снова голова болит?

— Да.

Мими особо никому не рассказывала про головные боли, которые мучили ее последние шесть месяцев, чтобы не дразнили, но от Дженнифер сложно скрыть правду, и та, казалось, сочувствовала Мими. Она прикрывала Мими, особенно когда та выбегала из класса. «Критические дни», шептала она мисс Лоуд, которая смущенно кивала. Месячные были важной темой в шестом классе, хотя многие девочки только ждали их наступления. По возможности извлекали пользу из смущения учителей. Но ложь Дженнифер была гораздо ближе к истине, чем она подозревала, потому что у Мими головные боли начинались перед приходом месячных. Мама сказала ей, что это признак взросления, но Мими не поверила.

Сегодня она не хотела уходить с урока, надеялась дотерпеть до звонка. И записывая слова из домашнего задания под диктовку Дженнифер, она старалась не обращать внимания на тиски, которые сжимали голову, и на красные огни, которые мелькали перед глазами, и вот, наконец, прозвенел звонок на обед. Но и тогда Мими не бросилась стремглав из класса, а вышла вместе

со всеми. Она уже хотела спуститься на первый этаж в женский туалет, как чья-то рука впилась ей в плечо. Иэн. Ей сразу стало хуже, буквально в тот же миг.

— Погоди-ка, — сказал он. — Люди могут подумать, что ты меня стороной обходишь. Ведь это не так, правда?

У него было сложное выражение лица: улыбается, будто шутит, но Мими прекрасно понимала, что никакая это не шутка. За улыбкой скрывалась неумолимая жесткая угроза.

— Не так, — ответила она. — Просто у меня болит голова.

Она попыталась улыбнуться в ответ, но к горлу подкатила тошнота.

— Мне нужно идти…

— Ты должна кое-что сделать для меня.

— Что?

— Скажи, Каспер что-нибудь дарил Ди? Блокнот или там заколку?

— Не знаю. Может быть. Но между ними никогда ничего не было, правда.

Мими не могла думать ни о чем, кроме того, чтобы поскорее добраться до туалета.

— Разузнай. И принеси мне, не важно, что это.

— Хорошо. Мне правда нужно идти…

Мими вырвалась и побежала вниз по лестнице в женский туалет. Влетев в кабинку, она упала на колени и склонилась над унитазом. После того как ее вырвало, она села на корточки, прислонилась к перегородке и закрыла глаза. К счастью, в туалете не было ни души, никто ни о чем не спрашивал и не звал учителей.

Удивительно, но рвота прочистила не только желудок, голову тоже: боль прошла, красные бриллианты растворились. В туалете было тихо, если не считать журчания воды, которая заполняла сливной бачок. Пахло дезинфекцией и полотенцами из грубой коричневой бумаги, которых не встретишь нигде, кроме школьных туалетов. Стены были покрашены в сероватый защитный цвет, как обычно красят военные корабли, и в свете флуоресцентных ламп все девочки в туалете выглядели уродливыми и больными, даже Бланка и Ди. Но несмотря на освещение и запах, девочки любили зависать в туалете: одно из немногих мест в школе, куда редко заглядывали учителя — разве только дежурные, потому что для учителей имелся свой туалет рядом с учительской.

Чего Мими сейчас хотелось больше всего — это лечь, прижаться щекой к холодному кафельному

полу и не думать ни о чем, просто позволить потоку времени омывать ее.

Но делать этого было нельзя. От пола сильно пахло хлоркой, к тому же кто-нибудь мог войти, да и подружки ждут Мими в столовой и начнут беспокоиться, если ее долго не будет. Она прополоскала рот, поплескала водой на щеки и посмотрела на себя в зеркало. Вид был жуткий. Вынув тюбик губной помады, который стащила у старшей сестры, Мими нарисовала точки на щеках и растерла их. Девочкам не разрешалось пользоваться косметикой в школе, но она надеялась, что никто не заметит. Взглянув на себя в последний раз, она выдавила улыбку и вслух ободрила себя: «Сделай, что он хочет, и тогда он отвяжется от тебя». Такая теперь будет у нее линия поведения.

Мими очень удивилась, когда увидела, что Ди сидит с Осеем за столиком в столовой, они склонили головы над чем-то, лбы соприкасаются. Ди была из тех немногих учеников — их по пальцам можно пересчитать, — которые ходили обедать домой, потому что жили рядом со школой. Мама всегда ждет ее к назначенному часу. Когда-то давно Мими заходила несколько раз после школы к Ди поиграть и хорошо запомнила тонкие губы

ее матери, которые никогда не улыбались, озабоченность, с которой она поглядывала на часы, отсутствие в доме чипсов и поп-корна, печенку, которую подавали на ужин, напряжение, которое еще более возрастало, когда с работы возвращался отец и хмурился, обнаружив в доме постороннего человека. Благодаря этим впечатлениям Мими стала больше ценить своих родителей. Постепенно они с Ди переместились в дом Мими, где мама давала им тарелку, полную печенья «Орео», и разрешала смотреть телевизор.

Ди взглянула на часы в холле, засунула что-то в пенал — тот самый, розовый, о котором она рассказывала Мими, — и запихнула пенал в свой рюкзак. Она что-то сказала Оу, огляделась, быстро чмокнула его в щеку, вскочила и побежала. На Мими этот поцелуй произвел бы ошеломительное впечатление, особенно с учетом нагоняя, который могут устроить учителя, заметь они, но после той вопиющей сцены под кипарисами поцелуй выглядел пустяком. У Мими до сих пор стояли перед глазами их ладони: белая на черном, черная на белом. Это была самая сексуальная сцена, которую она видела в жизни, даже более страстная, чем сцена на балконе, когда Джульетта разговаривает с Ромео.

Когда Ди побежала, розовый пенал выпал из рюкзака, который из-за спешки она не застегнула на молнию. Мими окликнула ее, но подруга убежала. Оу уже прошел в столовую. Мими ничего не оставалось, как поднять пенал. Поглаживая пальцами выпуклые ягоды, она подумала, что Ди права, пенал и правда симпатичный, хотя не во вкусе Мими. После обеда она вернет пенал подруге. Положив его в рюкзак, Мими пошла в столовую.

Бланка помахала ей из-за стола и показала, что сохранила для нее место — непростая задача в переполненной столовой.

— Где ты пропадаешь? — крикнула она. — Все так и норовят сюда сесть.

— Я сейчас, — ответила Мими. — Ты еще чего-нибудь хочешь?

— Картофельных шариков!

Бланка обожала поесть, как обожала и все прочие виды чувственного опыта, и Мими часто отдавала ей то картошку фри, то вишню из фруктового коктейля, то коробочку шоколадного молока. Сама Мими, несмотря на пустой желудок, не хотела ничего, кроме «Кул-эйд»[29], потому что

---

[29] Примечания: 29

Товарный знак растворимого порошка для приготовления фруктовых прохладительных напитков.

живот побаливал. Но она заставила себя взять поднос, на который буфетчицы поставили тарелки с бифштексом «Солсбери», картофельными шариками и лимонным пирогом с меренгами. Бланка с девочками с удовольствием съедят все то, на что Мими не могла даже смотреть.

В очереди она наблюдала за Оу, он стоял впереди через одного человека. Все буфетчицы были тоже чернокожие, и Мими подумала, что они, наверное, улыбнутся ему по-особому, покажут, что он свой. Вместо этого буфетчица, когда очередь дошла до Оу, окаменела, подавая ему бифштекс, ложка застыла у нее в руке, и томатный соус все капал и капал на кусок фарша и на поднос. Ее соседка не выдержала и рассмеялась.

— Слушай, Жанетта, отдай уже мальчику его бифштекс, — сказала она и положила Оу две ложки картофельных шариков.

Когда Оу отошел, Мими услышала такой разговор. Буфетчица, раздававшая бифштексы, сказала:

— Вот бедняга-то.

— Почему «бедняга»? — спросила вторая. — Это хорошая школа. Ему повезло, что он сюда попал.

— Не притворяйся только, что не понимаешь, о чем я. Выйти во двор, где нет ни одного такого,

как ты, — своему сыну ты бы этого пожелала?

— Если хочешь получить хорошее образование, деваться некуда. И потом, он же новенький. Новеньким всегда приходится несладко поначалу. Ничего, свыкнется.

— Ты дура, что ли? Это не ему нужно свыкнуться. Это белым детям нужно свыкнуться с ним. А ты думаешь, они свыкнутся? Они устроят ему ад во дворе — да и в классе тоже, ручаюсь. А учителя ничем не лучше детей. Еще хуже, потому что им полагается быть лучше.

Мими стояла с подносом в руках и прислушивалась. Эти буфетчицы накладывали ей еду годами, но она никогда ничего не слышала от них, разве что «Одну ложку или две?» при раздаче картофельного пюре. И уж конечно, они не обсуждали учеников, и уж тем более так, как Осея.

Буфетчица, раздававшая картофельные шарики, вдруг заметила Мими и толкнула двух остальных.

— Будешь картофельные шарики, солнышко? Как раз еще поднесли.

Она положила ей три полных ложки раньше, чем Мими успела ответить.

— Дениз, дай ей кусок пирога побольше. Самый большой. Что-то выглядит она неважно.

Мими не могла их остановить, и они заваливали ее поднос едой.

— Вот так-то, — сказала раздатчица шариков. — Все в порядке? Больше ничего не хочешь?

Она посмотрела в глаза Мими чуть дольше, чем следовало.

Мими кивнула и отвернулась, смутившись.

Впереди стоял Осей с подносом в руках и изучал заполненный зал в поисках свободного места. Мими гадала, слышал ли он разговор буфетчиц. Ей было жаль его, он так растерянно стоял и не знал, куда присесть. Слава богу, хоть никто не пялился на него, не прерывал болтовни, не то что во дворе. Еда всегда вызывала у школьников особое оживление.

У нее промелькнула мысль, не позвать ли его за стол, где сидела Бланка с девочками, если они потеснятся, то он влезет. Мими полагала, что Ди именно так и поступила бы, будь она здесь. Но Мими так не поступит — она более осмотрительна, чем Ди. Существовало неписаное правило: мальчики и девочки не сидят вместе в столовой. Нарушение этого правила вызовет не меньший скандал, чем цвет кожи Осея.

Она заметила, что Иэн привстал было за своим столом, но тут Каспер, который сидел ближе к Оу,

помахал ему, велел соседу подвинуться и дать место новенькому. Оу втиснулся в освободившееся пространство, и соседи зажали его с обеих сторон, как шахматную фигуру на доске. Иэн так и остался стоять на полусогнутых, шарил глазами вокруг и пытался понять, замечен ли его облом, вроде того, когда человек заговорит, а другие не слышат и общаются между собой, не обращая на него внимания. Мальчиков, которые сидели за столом с Иэном, должно быть, спасло шестое чувство, они усиленно жевали, или дурачились между собой, или смотрели в другую сторону. Только Мими смотрела прямо на него, и он перехватил ее взгляд. Сам уставился на нее, и тогда она отвернулась и пошла за свой стол.

— Ого, какой у тебя улов! — пропела Бланка, засовывая в рот шарик. — Смотри, сколько тебе всего наложили! Ты пирог будешь?

Мими отрицательно покачала головой и поставила поднос в центр стола, забрав себе только бокал с «Кул-эйдом». Бланка с девочками жадно набросились на добавочную порцию, даже на резиновый бифштекс. Мими тошнило от вида жующих, но и смотреть в сторону она боялась, чтобы опять не столкнуться взглядом с Иэном, поэтому не сводила глаз со своего рюкзака, ко-

торый стоял под столом. В нем лежал розовый пенал Ди. Пенал не был застегнут до конца, и из него торчал край бумажки. Мими понимала, что доставать и читать эту бумажку нехорошо, не ее это дело. Но удержаться не смогла, перед глазами стояла картинка: Ди и Оу склоняются над чем-то, соприкасаясь лбами, и Мими хотелось хоть чуть-чуть поучаствовать в их жизни, даже если для этого требуется сунуть нос в вещи подруги. Мими перевела взгляд на своих соседок по столу: они спорили, как поделить лимонный пирог с меренгами. И она вытащила листочек.

На нем прочитала имя, адрес и телефонный номер:

Осей Кокоте
4501 Бульвар Никозия, кв. 511
652-3970

Она призадумалась. У них в пригороде почти все жили в отдельных домах. Мими знала всего одну девочку, которая жила в квартире, а не в доме, вдвоем с мамой, отец давно оставил их. И жили они в самом бедном районе. Но бульвар Никозия — большая улица, там находятся бизнес-центры, и нарядные универмаги, и новые высотные дома с мраморными парадными и охраняемыми парковками, как возле дорогих

отелей. Она слышала, что в некоторых квартирах есть персональные лифты, которые привозят тебя прямо в комнату. Если Осей живет в таком доме, значит, его семья не бедная, как у той девочки с ее мамой, значит, его семья богатая.

Она не могла вообразить, для чего Ди мог понадобиться адрес Осея, как не для того, чтобы ездить к нему в гости после школы. Домой к Ди они точно не посмеют заявиться — мама сразу убьет ее, если узнает, что дочь встречается с мальчиком, и для этого даже не требуется, чтобы он был чернокожим. Она вряд ли поинтересуется, из какой семьи Осей. Значит, Мими должна приготовиться к тому, чтобы выручать подругу, обеспечивать ей алиби, и не один раз. Она вздохнула.

— Мы идем играть в дабл-датч, — объявила Бланка, вставая и потягиваясь, ее розовая футболка задралась, открыв талию — нескромность, которая отнюдь не была случайной. — Ты с нами?

— Да. — Мими засунула бумажку обратно в пенал и засомневалась, застегивать ли молнию. А вдруг Ди заметит разницу? Лучше оставить, как было.

— Чем это ты там занимаешься? — Ни с того, ни с сего Бланка проявила интерес к чему-то, что

не касалось ее собственной персоны.

— Ничем, просто сок пролила. — Мими стала яростно тереть свой рюкзак, словно вытирая пролитый сок, и одновременно запихивала пенал поглубже.

— Ну, идемте! — Бланка рванула к столику, за которым сидел Каспер с ребятами, положила руки ему на плечи, уперлась подбородком ему в макушку так, что ее длинные локоны упали ему на лицо.

— Касс-перр, — пропела она, растягивая слоги. — Ты идешь с нами?

— Хм. — Каспер отбросил ее волосы в сторону, вид у него был недоумевающий. — Куда я должен идти, Бланка?

— Забыл? Ты же обещал посмотреть, как я буду прыгать дабл-датч!

— Обещал?

— Каспер! — Бланка выпрямилась и хлопнула в ладоши. — Ты же обещал сегодня утром! Ты должен это увидеть!

Она перебирала пальцами, изображая, как прыгают через невидимую скакалку, и напевала:

Пошел я на прогулку,
Гулял среди нерях

И встретил сеньориту

С цветами в волосах.

— О боже, — прошептала Мими. Она перехватила взгляд Осея, он с трудом сдерживал смех. — Бланка, уймись!

Но Бланка не унималась. Повернувшись спиной к Касперу и глядя через плечо, она раскачивала бедрами и подпрыгивала:

Тряхните, сеньорита,

Кудрями вверх и вниз,

Тряхните посильнее,

Исполните каприз.

— Ладно, ладно, — не выдержал Каспер.

Он поднялся и послушно последовал за Бланкой, избавив всех от неловкости, вызванной этой сценой. На лице его, однако, играла довольная улыбка. Непонятно, что так влекло его к Бланке — ее внутренняя энергетика, ее внимание, ее расцветающая женственность, — но что-то явно влекло.

Пока Мими шла следом за этой парочкой, она ощущала присутствие Иэна, который сидел за соседним столиком и взглядом сверлил ей затылок, словно пытался проникнуть в ее мысли.

Она прибавила шагу, чтобы поскорей очутиться во дворе.

* * *

Одно из самых сложных испытаний для новенького — найти себе место в школьной столовой во время обеда. Тут толчея и беспорядок, нет закрепленных мест, и каждый садится со своей компанией. Но у новенького еще нет компании, поэтому непонятно, куда садиться. Осей на своем веку уже бывал в такой ситуации и знал, что тут есть два способа. Прийти пораньше, сесть за свободный столик и предоставить другим возможность сесть рядом. Такой способ имеет свои преимущества: ты не совершишь ошибки, заняв место рядом с потенциальными врагами или же навязывая свое общество тем, кому оно крайне нежелательно. Кто хочет, тот сам выбирает тебя. С другой стороны, у этого способа есть свои риски: может случиться так, что рядом с тобой не сядет никто, и ты останешься за столом в одиночестве, в окружении пустых стульев, как свалка радиоактивных отходов, окруженная ничейной землей.

Второй способ — напротив, прийти как можно позже, встать в конец очереди и, когда все рассядутся за столики, приткнуться на свободное

место. Если в столовой много народу, обычно свободны одно-два места, так что твои соседи лишены возможности встать и пересесть, поставив тебя в идиотское положение. Только вот чаще всего свободные места оказываются рядом с ребятами, которые не пользуются популярностью: слабаки, тупицы, вонючки или такие, которых не любят по какой-то загадочной, никому не понятной причине. И начинать школьную жизнь с подобного соседства не очень-то хорошо, потому что, каким бы ни было клеймо, тяготеющее над ними, оно переходит и на тебя.

Осей испробовал раньше оба способа и обычно склонялся ко второму. Он предпочитал хоть как-то управлять событиями или предвидеть их. Если ему суждено оказаться среди изгоев, то он хотя бы сам выберет свою судьбу.

Сегодня выбирать было особо не из чего, потому что он сильно задержался из-за Ди, она хотела взять у него телефон и адрес, чтобы созвониться при случае, а то и встретиться после школы. Он взял на заметку, что свои адрес и телефон она не дала. Он не спросил, почему ему нельзя появляться в ее доме, потому что и так знал: родители не придут в восторг. Его опыт хождения в гости к одноклассникам не был удачным. Потрясение

родителей при виде его кожи, молчание, затем подчеркнутая вежливость. Осея никогда не приглашали остаться на ужин.

За разговором они с Ди замешкались, вдруг она взглянула на часы и вскрикнула: «Я опаздываю, мама же убьет меня!»

Его мама может поворчать, если он опаздывает, но не более того, слезы и крики она приберегает для более серьезных поводов. Но мама Ди, похоже, держит ее в ежовых рукавицах. Схватив сумку, Ди уже готова была сорваться с места, но оглянулась и поцеловала его перед тем, как убежать. Пусть мимолетный, этот поцелуй вызвал у него улыбку. Он поверить не мог своему счастью — такая девочка, как Ди, захотела поцеловать его.

В ту минуту, когда она исчезла, мир стал плоским и серым. Благодаря Ди Осей неплохо пережил начало дня. Более того, благодаря Ди мир стал разноцветным. Теперь, после ее ухода, все стало снова черно-белым.

В прошлом Осей дружил с девочками. Не в Америке, а в Гане: приезжая каждое лето в деревню к дедушке, он общался с девочками, с которыми играл с малых лет. С ними было легко — он не чувствовал себя чужаком, не нужно ничего объяснять, можно вообще обойтись без слов. Он

знал их почти так же хорошо, как сестру Сиси, и проблем не возникало.

В Нью-Йорке ему довелось зайти несколько дальше в отношениях с девочками. В этом учебном году все занялись экспериментами в школьном дворе, мальчики с девочками в обед объединялись в парочки, а к концу дня расставались. Многого себе не позволяли. Так, словно осалил кого-то на бегу и побежал дальше. Иногда держались за руки, иногда целовались, быстро и неуклюже. Один мальчик дотронулся до груди девочки, хотя там особо нечего было трогать, получил пощечину и был прогнан. Потом это событие обсуждалось не одну неделю.

Оу каждый раз изумлялся, когда девочки обращали на него внимание, терпят — и за то спасибо. Но в один прекрасный день, когда, казалось, все разбрелись по парам — словно все школьники во дворе подцепили вирус наподобие гриппа, — девочка по имени Тони подошла к нему и спросила: «Я тебе нравлюсь?» Раньше они никогда не разговаривали друг с другом.

— Ты ничего себе. — Он постарался, чтобы его ответ прозвучал непринужденно и по-американски. Она приняла вид обиженный и растерянный — сочетание, которое, Оу знал по опыту, не сулит

ничего хорошего, — поэтому заставил себя присмотреться к ней повнимательней. На ней была юбка в шотландку и свитер с высоким воротом, достаточно облегающий, чтобы подчеркнуть недавно возникшую грудь.

— Мне нравится твой свитер, — добавил он, она улыбнулась, и по ее виду он понял, что от него ждут продолжения. Тут он сообразил, что нужно сказать, потому что много раз слышал, как вокруг него на этой неделе произносили эти слова.

— Будешь ходить со мной? — спросил он.

Тони оглянулась вокруг, словно искала поддержки у своих подружек. Но все они разбрелись по закуткам, откуда доносились шепот и хихиканье, и Оу уже чуть было не произнес: «Не обращай внимания, забудь, пожалуйста, что я сказал». Но она вдруг ответила «да», и они начали ходить вместе, точнее — стоять рядом, пока другие тыкали в них пальцами и хихикали.

— У тебя есть братья или сестры? — завел он наконец из вежливости разговор, но тут захихикала уже и сама Тони, у Осея лопнуло терпение, и он пошел прочь.

— Я тебя бросила! — крикнула она вслед. — Ты брошенный.

Оу хотел показать ей средний палец, но мысль

о том, что сказала бы мама, увидь она этот грубый американский жест, да еще адресованный девочке, остановила его.

Отношения с другой девочкой — Пэм — продолжались чуть дольше. Ему удалось выяснить, что у нее есть две сестры, а ее любимый цвет — желтый. Они прогулялись по двору и даже взялись за руки. Когда он приблизился, чтобы поцеловать ее, она оттолкнула его.

— От тебя пахнет! Так я и знала.

— Ну и ладно, — ответил Осей. — А я вообще не хотел с тобой ходить.

Важно успеть сказать эти слова раньше, стать тем, кто бросил, а не тем, кого бросили.

Пэм побежала к подружкам в дальнем конце двора, оттуда раздался возмущенный девчачий визг, который напоминал крик стаи рассерженных чаек. Пока Осей учился в той школе, они сторонились его, словно он заразный, при всякой возможности метали в него огненные взгляды, демонстративно шептались о нем и смеялись. Когда он вставал в строй, они нарочито шарахались прочь. Девочки бывают куда более злобными, чем мальчики, и таят злобу гораздо дольше, вместо того чтобы сразу выплеснуть ее в драке, как делают мальчишки. Эту травлю оказалось

выдерживать намного труднее, чем он ожидал, и уже хотя бы по этой причине он с радостью воспринял переезд в Вашингтон — как избавление.

Тони и Пэм словно репетировали роли, которые будут играть в будущем, с другими партнерами, произнося положенные слова без всякого чувства, если не считать мимолетной вспышки удовольствия от физического контакта или всего лишь от мысли о нем.

С Ди все было совсем иначе: влекущая смесь физической притягательности, любопытства, доверия, которых он не испытывал никогда и ни к кому. Она задавала ему множество вопросов и по-настоящему слушала ответы, не сводила с него глаз цвета кленового сиропа, кивала и наклонялась к нему. Ди не хихикала с подружками над ним, не говорила, что он пахнет, не корчила рожи. Она умудрялась уравновешивать симпатией любопытство к тому, что отличало его ото всех, это льстило ему и вызывало желание обнять ее, прижать к себе, ощущать тепло ее тела и не думать ни о школе, ни об остальном мире.

И вот сейчас один, без нее, Осей стоял с подносом в руках, уставленным тарелками с остывшей едой, которую нужно в себя запихнуть, — а буфетчицы у него за спиной обсуждали, как он

подозревал, его персону — и обводил взором столики, за которыми галдели и смеялись школьники, дули в соломинки и устраивали бурю в пакетиках с молоком, подбрасывали картофельные шарики и пытались поймать их ртом. Было душно и шумно, и пахло мясом, и ни одного свободного места, если не считать столика, облюбованного неудачниками. Таких было трое. Один — самый плохой игрок в команде Осея во время кикбола, и мяса в нем столько, что можно подумать, будто этот столовский мясной запах исходит от него, второй был косоглазый, а третий ходил с вечно унылым лицом. Все трое с испугом воззрились на Осея. Возможно, они боялись, что к ним за столик сядет чернокожий мальчик, но какое-то чувство подсказывало Осею, что причина не в этом. Они боялись, что к ним за столик сядет *успешный* мальчик. Мальчик, который запульнул мяч так далеко, как им и не снилось. Мальчик, который ходит аж с самой Ди и которому сейчас предлагают на выбор два места, и эти места вовсе не рядом с ними. Оу заметил облегчение в глазах неудачников, когда Каспер помахал ему и кивнул своему соседу, чтобы тот подвинулся. В тот же самый момент Иэн приподнялся за столом. Оу оказался перед проблемой выбора.

На самом деле, конечно, проблемы не было. Разве есть проблема выбора между мраком и светом? Ведь ты всегда идешь навстречу улыбке, а не оскалу. Оу притворился, что не видит Иэна, кивнул Касперу, подошел и сел. Совершая это, Осей уже осознавал, какими последствиями чреват его поступок. Иэн не из тех парней, которые позволяют пренебрегать собой.

— Привет, — сказал Каспер.

— Привет, — повторил Оу, понимая, что следует копировать Каспера, чтобы не попасть впросак. В Нью-Йорке говорят «салют», здесь «привет».

Он склонился над едой, взял вилку и запихнул жуткий бифштекс в соус, вспоминая оставшиеся в парте сэндвич и банку колы, которые дала ему мама. Он попробовал картофельные шарики. У них, по крайней мере, был настоящий вкус картошки, хотя при воспоминании о маминой хрустящей картошечке Осей вздохнул.

— Да, ужасная гадость, — рассмеялся Каспер. — Единственный день, когда бывает съедобно, это пятница, потому что дают пиццу.

В каждой школе есть свой Каспер, популярный настолько, что может позволить себе искреннее великодушие по отношению к людям. Наверняка и к трем лузерам за соседним столиком он отно-

сится по-человечески, потому что может себе это позволить. Он обладает правом. Отец Осея любил повторять, что лучше дружить с человеком, чье богатство уходит корнями в прошлое нескольких поколений, чем с бедняком, который сам выбился в люди, — такой будет гнобить оставшихся там, откуда он вышел. Вот как Иэн.

— Мне очень жаль, что так получилось с машиной твоих родителей, — заговорил Осей, чтобы покончить с этим делом.

— А чего с ней получилось? — удивился Каспер.

— В нее попал мяч, который я подавал.

— А. — Каспер махнул рукой. — Ерунда.

— Но на крыше могла остаться вмятина.

— Да брось ты! «Олдсмобиль» не так легко помять.

Какое-то время Каспер с мальчиками говорили о чем-то своем, и Осей мог спокойно поесть. Во время паузы Каспер обратился к нему с вопросом, чтобы Осей мог естественно влиться в компанию:

— А в Нью-Йорке ты за кого болел, за «Джетс» или за «Джайэнтс»?

Осею не требовалось обдумывать ответ, он выпалил сразу:

— За «Джайэнтс», конечно! Я ни за что не стану болеть за команду, если ее квотербек носит колготки!

Столик взорвался. Джо Намат, квотербек из «Джетс»[30], снялся недавно в рекламном ролике, в котором надевал колготки, и у каждого имелось что сказать по этому поводу.

— Гомик!

— Эту рекламу показывали, когда *мама* была рядом! Я не знал, куда со стыда деваться!

— Ему, наверное, отвалили кучу бабла за это.

— Он побрил ноги для съемок! Видно, что ноги у него совершенно гладкие, и это не из-за колготок. Он *побрил* их!

— Лично я не стану брить ноги ни за какие деньги, хоть ты меня озолоти.

— Гомик он!

— Нет, не гомик, там в конце его девушка целует.

— Все равно гомик!

В разгар обсуждения Каспер улыбнулся Осею.

— К тому же Намат допускает слишком много перехватов, — сказал он. — Возьмем того же Сон-

---

[30] Примечания: 30

«Нью-Йорк Джетс» — профессиональный клуб по американскому футболу из Нью-Йорка, выступающий в Национальной футбольной лиге, был основан в 1960 году.

ни Юргенсена. Хоть он и старше, но бьет гораздо лучше, чем Намат, даже когда не в форме.

Осей кивнул, хотя понятия не имел, кто такой Сонни Юргенсен. Должно быть, квотербек «Вашингтон Редскинс». Надо будет разобраться получше в футбольной теме, если хочешь общаться с этими парнями. Сам-то Осей предпочитал бейсбол, но в Вашингтоне нет своей бейсбольной команды.

От демонстрации своего невежества насчет местной футбольной команды Осея спасла стайка девочек, которые подошли к их столику. Самая шумная потребовала, чтобы Каспер отправился смотреть, как она прыгает через скакалку, и танцевала какой-то откровенный танец, отчего было и смешно, и стыдно. Среди девочек была Мими, подруга Ди, с которой Осей поговорил во время утренней перемены, она показалась ему доброжелательной. Щеки у нее горели румянцем, словно накрашенные, во рту поблескивали брэкеты. Ярко-рыжие волосы привлекли бы особое внимание в дедушкиной деревне. Белая кожа тоже, но в сочетании с рыжими волосами особенно — у них в Гане считается, что так выглядят демоны.

— Хватит, Бланка, — мягко сказала она, потянув шумную девочку за руку. — Пошли, а то пропу-

стим нашу очередь прыгать.

Мими посмотрела на Осея и подмигнула, он улыбнулся в ответ.

— И в этом будет виноват Каспер! — ответила Бланка. — Это он тянет кота за хвост!

Каспер вздохнул подчеркнуто глубоко, пожал плечами, показывая Осею — сам понимаешь, я ничего не могу поделать, — и позволил Бланке утащить его.

Каспер не позвал Осея с собой, возможно — из лучших побуждений: ну какой же мальчик по доброй воле захочет смотреть, как девчонки прыгают через скакалку? Однако едва Каспер ушел, обстановка за столом изменилась. Находясь под защитой Каспера, Осей чувствовал себя в безопасности и расслабился, даже, может, чересчур. Оставшиеся мальчики были достаточно спортивные и популярные, чтобы общаться с Осеем в присутствии Каспера, но недостаточно уверенные в себе, чтобы продолжить в том же духе без него. Осею почудилось, что все на дюйм отдалились от него, и в прямом, и в переносном смысле, так что снова он стал изгоем. Шуток про Джо Намата было недостаточно, чтобы спасти положение.

Дункан, мальчик, который в классе сидел через

проход, снова стал пристально рассматривать его. Когда Осей взглянул ему прямо в глаза, тот их отвел.

— Можно задать тебе один вопрос? — спросил он.

— Зависит от вопроса.

— Как ты промываешь такие волосы?

Вопрос из тех, которые Осею часто задают. Белых людей волнует уход за волосами. А еще спрашивают — загорают ли чернокожие, могут ли сгореть на солнце? Правда ли, что черные хорошие спортсмены и почему так? Правда ли, что они лучше танцуют? Правда ли, что у них лучше развито чувство ритма? Почему у них не бывает морщин? Пока мама не заставила его подстричься и он ходил с афро, девочки, стоявшие в строю позади него, иногда дотрагивались из любопытства до его волос, а потом вытирали ладонь о юбку. Он не мог обернуться и ответить им тем же, они бы завизжали, и он заработал бы неприятности. А ему очень хотелось потрогать их волосы — светлые, гладкие, шелковистые волосы, которые были для него такой же диковиной, как для них его курчавая шевелюра. Ему удалось слегка коснуться волос Пэм до того, как он порвал с ней, но по-настоящему он потрогал

волосы белокожей девочки только сегодня на перемене, когда гладил по голове Ди. Но и тогда он не получил полного впечатления, потому что ее волосы были собраны в косы. Когда она вернется после обеда, он попросит ее расплести косы и распустить волосы, чтобы он мог перебирать их между пальцами.

— Эй, ты слышал меня?

— Что? Ах, да. — Осей углубился в мысли о волосах Ди и не сразу ответил на вопрос Дункана. — Просто пользуюсь шампунем, в котором есть кокосовое масло, вот и все.

— Масло. — Дункан наморщил нос. — А разве они от этого не становятся жирными?

— Вовсе нет.

Своим видом Дункан выразил сомнение. Осей встал из-за стола, лучше выйти на простор двора, чем оставаться здесь, как в ловушке, и пытаться разъяснить белому мальчику особенности ухода за африканскими волосами.

На секунду он подумал — надо рассказать об этом Сиси, и они посмеются над тем, что один и тот же вопрос про волосы задают, будь ты хоть в Лондоне, хоть в Риме, хоть в Вашингтоне. Но потом он вспомнил: Сиси не встретит его дома, он не сможет с ней поболтать.

Сиси пришла в отчаяние, когда узнала о переводе отца в Вашингтон, и уговорила родителей оставить ее у друзей в Нью-Йорке до конца учебного года. Сиси с большим умом подбиралась к своей цели: она не стала сразу просить родителей оставить ее в Нью-Йорке еще на два года, чтобы окончить там полную среднюю школу. Осей знал, что ее план именно таков, не зря он, затаив дыхание, чтобы избежать разоблачения, подслушивал по параллельному телефону ее разговоры с друзьями. «Черное *прекрасно*», этой фразой с ударением на последнем слове она заканчивала каждый разговор.

Сиси просила так убедительно, что родители согласились оставить ее в семье друзей в Нью-Йорке до конца учебного года, а сами переехали в Вашингтон. Осей хотел рассказать родителям все, что узнал о ее планах, но решил сначала поговорить с ней. Однажды вечером, перед самым отъездом, он пришел в ее комнату, сел на краешек кровати и смотрел, как Сиси за туалетным столиком повязывает на голову шарф и смазывает лицо и руки кокосовым маслом. Он пришел с намерением уговорить ее все же перебраться в Вашингтон. «Ты и там найдешь себе друзей среди людей, которые носят африканские имена

и африканскую одежду и рассуждают об освобождении чернокожих», — собирался он сказать ей. Про себя же он думал: «*Не оставляй меня одного с родителями. А если мне с кем-нибудь потребуется поговорить? Неужели я значу для тебя меньше, чем пан-африканизм или «Власть черным»*?» Он уже совсем был готов заговорить — даже рот открыл, — но Сиси вдруг взглянула на него и сказала: «Ты чего, малыш? Пришел за игрушкой, что ли? Можешь забирать хоть все», — она махнула рукой в сторону полки, битком набитой куклами и настольными играми.

«Нет, ничего», — пробормотал он и вышел, не обращая внимания на ее оклик: «Погоди, Осей. В чем дело-то?» Когда дверь ее спальни захлопнулась, он крикнул: «Пошла ты» — и включил радио. Легче было разозлиться на нее из-за этого ее высокомерия, чем признаться ей в своих подлинных мыслях. Теперь он жалел, что не открыл дверь и ничего не сказал родителям о том, что она задумала.

В Колумбии он жутко скучал по ней, хоть она и заделалась такой революционеркой в последнее время, и теперь, когда она превратилась в невидимую точку на другом конце телефонного провода, его тоска стала особенно острой. Нака-

нуне вечером, перед его первым днем в новой школе, они поговорили по телефону, но она не сказала ничего вразумительного и снова назвала его «малыш». «Я вырасту, буду еще повыше тебя», — прервал он ее. Она проигнорировала его слова и стала задавать дурацкие вопросы про новую квартиру. Он обратил внимание на то, что она не поинтересовалась своей спальней. Можно не сомневаться, что больше он не сможет обсуждать с ней свою жизнь в новой школе — все, что другие ребята сделали и сказали, эти каждодневные мелочи, которые постоянно напоминают ему, что он не такой, как все, и складываются в растущее чувство отчуждения.

Осей резко прервал разговор, буркнув: «*Черное* прекрасно, или как ты там говоришь», и специально сделал ударение на другом слове, чем она. В ответ на ее возглас швырнул трубку.

Было ли черное прекрасно? Он вообще не хотел задумываться над такими вопросами. Он просто хотел играть в мяч, смеяться над Джо Наматом, касаться волос Ди и вдыхать исходящий от них запах шампуня «Хербал Эссенс».

На выходе из столовой Осея догнал Иэн, и Осей даже обрадовался ему, потому что всегда проще выходить во двор с кем-то, чем одному, — даже

если это такой человек, как Иэн. Оу готов был простить Иэну его замечание, что чернокожие хорошие спортсмены, ведь ему доводилось слышать кое-что и похуже. Однако Осей не был уверен, *простил ли Иэн* ему то, что он предпочел сесть с Каспером.

Судя по всему, простил.

— Привет, — только и сказал он.

— Привет, — ответил Осей настороженно.

Они втроем вышли во двор, мальчик по имени Род увязался за ними, Иэн не отогнал его. Четвероклашки играли в кикбол. Несколько пятиклассников развлекались армрестлингом на пиратском корабле. Девочки играли в классики и прыгали через скакалку. Бланка повисла на Каспере, который благородно терпел это. Куда бы Осей ни пошел с Иэном, везде ребята при его приближении опускали глаза, никто не хотел встречаться с Иэном взглядом, как с псом, поведение которого невозможно предсказать, — может, мирно пройдет мимо, а может, с той же вероятностью вцепится в глотку. Некоторые делали Осею непонятые знаки лицом. Прогуливаться по двору с Иэном — все равно что стать членом банды, в которую Оу вовсе не хотел вступать. Он ломал голову, как же ему отделаться от Иэна, не

обидев его.

Они остановились у пиратского корабля понаблюдать за соревнованием по армрестлингу. Один соперник был явно сильнее, но другой держал руку под необычным углом и успешно использовал принцип рычага, поэтому оба замерли в позиции, руки дрожали от напряжения.

Иэн молча осматривался, его взгляд рассеянно бродил по двору.

— Хм. Не нравится мне это, — пробормотал он.

— Ты о чем?

— Ни о чем. — Иэн пожал плечами. — Ну, не знаю. Ни о чем, в общем.

Иэн не походил на человека, который не знает, о чем он. Осей продолжал настаивать:

— Ты сказал, тебе что-то не нравится. Что именно?

Иэн обратил тусклые глаза на Осея:

— Кажется, я видел кое-что. Хотя, может, померещилось.

— Что ты видел?

Иэн не отводил глаз, отчего Осей почувствовал себя неуютно.

— Уговорил, братишка. Посмотри вон туда, где прыгают через скакалку.

Ты мне не братишка, — подумал Оу. Он терпеть

не мог, когда белые употребляли это слово, подражая некоей залихватской манере черных, не будучи при этом в их шкуре и ничем не рискуя. Все-таки он посмотрел в другой конец двора. Там две тройки девочек играли в дабл-датч, в каждой тройке двое крутили скакалку, одна прыгала — в том числе Бланка, зрители стояли вокруг. Оу не заметил ничего необычного, такие сценки ему приходилось наблюдать тысячу раз в разных школьных дворах. Девочки любят прыгать через скакалку. Осей это пристрастие не очень понимал. Сам он любил такие занятия, которые сопряжены с перемещением в пространстве и достижением цели, а тут скачешь на одном месте.

— Что я там должен увидеть?

— Вот, опять. Каспер.

Каспер был единственным мальчиком в компании девочек. Как раз в этот самый момент он что-то брал из руки, протянутой к нему ладонью вверх. Это была рука Ди. Подруга Осея вернулась, а он и не заметил. И почему-то она не подошла прямиком к нему. И почему-то угощала другого мальчика. Насколько Осей мог разглядеть, Каспер закинул то, что она дала, в рот.

— А что это у них там?

Иэн, прищурившись, всмотрелся. Через мгно-

вение обернулся опять к Осею и ответил:

— Клубника.

Осей изо всех сил пытался скрыть захлестнувшую его обиду. Легкая улыбка, промелькнувшая на лице Иэна, свидетельствовала, что эта попытка не удалась.

* * *

Просто удивительно, как одно-единственное слово может выбить этого чернокожего из колеи. Угораздило же Ди появиться в самый нужный момент с клубникой, Иэн даже не мечтал о такой удаче для исполнения своего замысла.

Оу сделал шаг в сторону площадки, где прыгали через скакалку, но Иэн протянул руку, чтобы его остановить — стараясь при этом не касаться черной кожи.

— Давай посмотрим, что будет дальше. Вот она ему еще одну ягоду дает, — добавил Иэн.

У них на глазах Каспер оторвал листики, положил ягоду в рот и улыбнулся Ди, та улыбнулась в ответ, явно довольная.

— Вкусная, похоже, клубничка, — прокомментировал Иэн. — Интересно, она всю ему скормит?

Брови Осея собрались складками, но он поста-

рался их разгладить, как простыню на кровати.

— Я люблю клубнику, — сказал он небрежным тоном, но этот тон не ввел Иэна в заблуждение. Он понимал, что ему осталось поднажать еще немножко — так бывает, когда давишь на синяк, и боль поначалу не чувствуется.

— Клубника, наверное, из их сада, — заметил Иэн. — Мама у Ди сама выращивает клубнику. Она гораздо слаще магазинной.

— Ты пробовал?

— Я? Нет, что ты. Просто слышал. — Иэн решил не распространяться о том, что вообще-то Ди приносит клубнику в класс каждый год.

Они постояли молча, глядя, как болтают Ди с Каспером, пока девочки прыгают через скакалку.

— Кажется, Каспер вошел во вкус.

Оу сразу встрепенулся:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну… он получает все, что захочет, ясно? Девчонки сходят по нему с ума — все до одной.

— Понятно, он же хороший парень. Со мной разговаривал по-хорошему.

— Ясное дело, по-хорошему. Это самый легкий путь заполучить, чего ему надо.

— А чего ему надо?

Иэн выдержал паузу, окидывая взглядом двор, со всеми его забавами, которые он так хорошо знал и с которыми скоро предстоит проститься, чтобы перейти в более взрослый и более сложный двор.

— Не хотелось бы трепаться, не мое это дело.

Осей повернул лицо к Иэну, оторвав взгляд от Каспера с Ди:

— Что еще за дело?

Иэн пожал плечами, наслаждаясь моментом. Спешить тут не следовало.

— Если ты хочешь мне что-то сказать, то так и скажи.

Черные глаза Оу стали жесткими, хотя лицо оставалось спокойным. Иэн подумал — интересно посмотреть, каков он в драке.

— Слушай, тебе крупно повезло, что ты ходишь с Ди, — наконец выговорил он. — Обалдеть можно, ты ведь чер… новенький. Быстрая победа. Всего одно утро — и готово. Может, у вас еще все сложится.

— Но… я знаю, у тебя есть какое-то «но».

Иэн сделал движение головой, которое не означало ни «да», ни «нет».

— Видишь ли, Ди — это девочка, с которой хотят встречаться все парни из шестых классов.

— Разве не с Бланкой?

Иэн фыркнул:

— Вот еще. Она шваль. Давалка… Удивляюсь, как Каспер ее терпит.

— А что насчет Мими?

Иэн похолодел.

— А при чем тут Мими? — Он выговорил как можно равнодушней.

— Ну, она… интересная. Она сказала мне, что иногда у нее бывают видения.

— Чего-чего?

Оу вздрогнул, услышав лающий голос, и Иэн постарался взять себя в руки.

— Она твоя девушка? Прости, я не знал, — извинился Осей.

Иэн удивился, почему Осей счел необходимым извиниться.

— Так чего она тебе сказала?

— Ничего. В принципе, ничего.

— Что Мими тебе сказала? — Иэн повторил спокойно, но за этим отчетливо чувствовалась угроза.

Наступила очередь Осея пожимать плечами.

— Да ничего особенного. Она только сказала, что иногда у нее болит голова и перед глазами мелькают огоньки. Она назвала это «аура». Еще

сказала, что тогда у нее возникает такое чувство, как будто что-то должно произойти.

— Вот оно как.

Почему Мими взбрело в голову рассказывать этому чернокожему то, чего никогда не рассказывала ему, Иэну? На перемене сегодня они перебросились парой слов на ходу — она явно замыслила отделаться от него. Наверняка этого хочет. Иэна не интересовали ее головные боли и разные предчувствия, но ему крайне не понравилось, что она пустилась в откровенности с посторонним.

— Ты вроде что-то говорил про Ди… и Каспера.

— Ах, да. — Иэн заставил себя проглотить подкатившее бешенство, пока не испортил из-за него ловушку, которую так ловко расставлял. — Каспер самый популярный парень в школе. А Ди звезда среди девочек — прикинь, если бы они учились в старших классах, их бы избрали Королем и Королевой школы. Ты знаешь, что это?

Оу кивнул.

— Видишь, они подходят друг к другу.

— Но она же со *мной.*

— Еще бы… Только клубникой она кормит не тебя, так ведь?

Оу затряс головой, как медведь, которой почув-

ствовал занозу в лапе.

— Ди не может перемениться так быстро. Мы же только начали с ней встречаться…

— Ну да, ну да. — Иэн сделал вид, что соглашается. — Ты прав. Забудь все, что я сказал. К тому же Ди наверняка еще как-нибудь принесет клубники. Может, и тебе достанется.

Иэн помолчал и добавил:

— Странно все-таки, что она не подошла сразу к тебе, когда вернулась. Вы точно с ней ходите?

— Ты хочешь сказать, что она бросила меня? Уже? Не успел закончиться обед? — Голос Осея взмыл вверх.

— Я ничего такого не говорил, — успокоил его Иэн. — Я только сказал: приглядывай за ней. И будь начеку с Каспером. Снаружи-то он, конечно, добрый, но это не значит, что он добрый внутри.

Иэн мог бы сказать больше, но не успел — Ди заметила Оу и бросилась к нему через весь двор.

— А мне удалось вырваться пораньше! — сообщила она, когда подошла, и положила руку ему на плечо. — Сказала маме, что у нас репетиция выпускного спектакля, и она поверила!

Ди говорила с удивлением человека, который не привык врать и поражен тем, что вранье так действует.

— Кстати, может, и тебе там роль найдется.

— А что вы ставите? — спросил Оу.

— Шекспира, «Сон в летнюю ночь». Мы уже начали репетировать, но там много ролей. Ты можешь быть эльфом или кем-то из крестьян, которые готовят представление.

— А ты кого играешь?

— Гермию — одну из главных девушек.

— Она вроде влюбляется то в одного, то в другого? — вмешался Иэн. — На всех ее хватает. Везет парням.

— Но это же все из-за *тебя*. Причина в колдовстве, — пояснила Ди, потому что лицо Осея помрачнело. — Это комедия, в конце концов все проясняется.

— А ты кого играешь? — спросил Оу Иэна.

— Он играет Пака, — ответила Ди. — Главного эльфа, который устраивает всю эту неразбериху. Смотри, что у меня есть!

Она протянула бумажный пакет.

— Клубника! Первая в этом году. Я принесла немного для тебя.

— Только для меня?

— Я не знала, ешь ли ты ее. В Гане растет клубника?

— Я ел клубнику — в Нью-Йорке, в Европе. Не

в Гане.

— Возьми, попробуй. Не представляешь, до чего сладкая!

Ди залезла в пакет и вынула блестящую ягоду, ярко-красного цвета, идеальной формы, как сердечко.

— Я не голодный.

Ди засмеялась.

— Я ем клубнику, потому что она вкусная. Голод тут ни при чем.

Иэн с удовлетворением наблюдал за этой сценой. Силой одних только слов он превратил чернокожего парня в холодного истукана, а белая девчонка виснет на нем, голову ей так вскружило чувство, что она ослепла и не замечает, как изменился ее приятель. Иэн ждал, чтобы полюбоваться тем, как боль, словно нож, пронзит ей сердце.

Но нет, Оу вдруг подобрел.

— Ладно. — Он взял ягоду, ухватился за стебелек и откусил. Через мгновение он улыбнулся.

— Ого! Вкусно. Очень вкусно. Твоя мама выращивает?

Удивление отразилось на лице Ди, вместе с радостью от того, что Оу сменил гнев на милость.

— А ты откуда знаешь?

Иэн сделал шаг вперед:

— А мне можно штучку?

— Да, конечно.

Ди вынула ягоду из пакета и положила в его протянутую ладонь, и пока она проделывала это, Иэн не сводил глаз с Оу. Тот снова насупил брови, складки на лбу стали глубже, когда Иэн впился зубами в ягодную мякоть и по его подбородку потек сок. Иэн должен был признать, что вкусно, хотя не любил клубнику и вообще сладкое.

— А Касперу тоже понравилась клубничка? — спросил Иэн, вытирая губы тыльной стороной ладони.

Ди нахмурилась, точь-в-точь как Осей.

— Да. Пошли, посидим под деревьями, — обратилась она только к Оу, взяла его за руку и потянула в сторону кипарисов, Иэн остался в одиночестве.

Правда, ненадолго: Род спешил к нему, покинув свой пост возле пиратского корабля, где он ждал очереди потягаться силой.

— Ну что, сработало? — спросил он, жадным взглядом провожая парочку. — Что-то не похоже на то!

Иэн наблюдал за Осеем и Ди, которые сидели под деревьями, держась за руки, пока она угощала

его очередной ягодой, и в то же время за Касперо́м, который с видом собственника поглядывал на Бланку, пока она прыгала через скакалку. Они как персонажи в пьесе, которая требует развития, а для этого нужно всех связать одной нитью. И в руках Иэна была такая нить. Какое наслаждение — поразить всех одним ударом, не только чернокожего парня, но и этого звездного мальчика, и эту звездную девочку из его школы. Каспер и Ди напоминали тефлоновую сковородку с антипригарным покрытием, на которой его мама жарила яйца, — к ним ничего не прилипало. До сих пор они были Иэну не по зубам — вращались на более высокой орбите, куда ему не было доступа. У всех они вызывали восхищение — чувство, которое Иэну незнакомо. Хороший подарок на окончание школы он преподнес бы сам себе, если бы смог их одолеть. Конечно, есть опасность, что он вместе с ними упадет в яму, которую роет, но опасность подстегивала, как и власть, которую он чувствовал.

Он взглянул на Рода, который горел желанием услужить, и быстро принял решение.

— Ступай к Касперу и скажи ему что-нибудь такое, чтобы он разозлился и ударил тебя, — распорядился Иэн. — Но только не признавайся,

что я послал, даже если учителя потом будут допрашивать.

У Рода отвисла челюсть.

— Чего? Зачем? Я не хочу, чтобы меня били! И при чем здесь Каспер вообще?

— Окольный путь самый лучший. А черный не узнает, что мы с тобой замешаны в этом деле.

— В каком деле?

— Нужно убедить черного, что Ди надувает его с Каспером. Лучший способ добиться этого — заставить Ди как можно больше говорить о Каспере с Оу. Пусть хвалит Каспера. Это взбесит Оу. У него уже появились подозрения насчет Каспера. Нужно довести черного до кипения.

Род ошеломленно потряс головой.

— Не понимаю, о чем ты. Очень запутанно. Почему нельзя просто накостылять черному?

— Потому что этим мы ничего не добьемся. Не стоит делать из него жертву — тогда Ди полюбит его еще больше.

Иэн даже вспотел, разъясняя стратегию, которую сам не до конца понимал, но чуял нутром, что она сработает. Он хорошо разбирался в таких вещах.

— Лучше скажи, ты хочешь закадрить Ди или нет? — спросил Иэн.

Род посмотрел на Ди с Оу, которые сидели на песке. Оу положил руку ей на спину и смеялся, белые зубы сверкали на черном лице. Род повернулся к Иэну:

— А чего сказать-то? Каспер вообще никогда не злится.

— Скажи что-нибудь про Бланку. Гадость какую-нибудь.

Щеки Рода покраснели еще сильнее.

— Я уверен, ты сообразишь, — добавил Иэн. — Иди уже. Просто сделай это. Иначе черный уведет твою девушку. Ты этого хочешь? Чтобы черный встречался с Ди? Поверь мне — так и будет, если ты не подерешься с Каспером.

Род набрал в грудь воздуху, сжал кулаки и зашагал в сторону девочек, которые прыгали через скакалку.

Иэн вздохнул. Лучше бы, конечно, иметь подручного понадежней, чем этот.

Он понимал, что теперь ему не следует открыто смотреть в сторону Рода и Каспера — а то смогут догадаться, кто стоит за этой дракой. Обидно будет, если Род все испортит, — что весьма вероятно. Если это случится, Иэн станет отрицать свою причастность, а если ставить его слово против слова Рода, нетрудно догадаться, кто победит.

Он пошел к пиратскому кораблю, где продолжался турнир по армрестлингу. Две команды одновременно соревновались в полуфинале. Иэн дождался, пока два мальчика, которые победили в полуфинале, сошлись лицом к лицу для финальной схватки.

— А теперь делаем ставки на победителя, — объявил Иэн.

Устраивая пари, он брал себе 40 процентов — будь то конфеты или деньги, обосновывая свой тариф тем, что рискует, — ему же отдуваться, если учителя застукают. Иной раз он сам диву давался, почему никто не возражает против такого грабительского процента. Похоже, все боялись с ним связываться.

И борцы, и зрители оглянулись на голос Иэна, всех пробрал страх. К нему примешивалась досада, некоторые мальчики не сумели скрыть, что все удовольствие теперь испорчено. Иэн взял эти лица на заметку, пригодится на будущее.

— Да ладно, не хотите, что ли, добавить огоньку? — продолжал он. — А то тоска какая-то — борьба, и только. А так вам будет интереснее болеть!

Он не успел прикинуть, какую прибыль получит от пари, потому что с другого конца двора

донеслись крики:

— Дерутся! Дерутся!

Мальчики спрыгнули с пиратского корабля и гурьбой понеслись, как стая крыс, чтобы занять место в кольце зрителей, окруживших площадку для прыжков через скакалку. Драки случались постоянно и являлись главным из дворовых аттракционов, особенно для тех, кто в них не участвовал. Иэн последовал за остальными не спеша, он и так знал, кто дерется и что он там увидит.

Ди как раз заканчивала расплетать косы по просьбе Осея, когда послышался знакомый крик «Дерутся! Дерутся!». Они переглянулись и помедлили, но кричали уж слишком отчаянно. Неохотно поднявшись на ноги, они пошли посмотреть, что происходит.

Ди удивилась, когда увидела в центре импровизированной арены, которую образовало кольцо зрителей, Каспера с Родом. Каспер никогда не участвовал в драках.

— Что ты сказал? — кричал он.

— Ты слышал, — отвечал Род, испуганно подпрыгивая на носках.

— Возьми свои слова обратно! — требовал Каспер.

— Нет. Это правда!

— Каспер, не надо, чтобы он повторял! — крикнула Бланка.

Она стояла рядом с Каспером, а Мими удерживала ее, чтобы она не влезла между двумя мальчиками.

— Возьми. Свои. Слова. Обратно.

— Нет!

Род сделал ложный выпад, нанося обманный удар, а Каспер ответил прямым ударом на поражение. Его кулак попал точно в цель, как раз Роду между глаз, и тот сразу рухнул. Толпа выдохнула, Бланка завизжала. Род лежал на спине, с зажмуренными глазами, а победитель стоял над его телом со сжатыми кулаками, на лице его было написано недоумение, словно он сам не мог взять в толк, что же натворил.

Ди взглянула на Осея, который стоял рядом. Он смотрел на Каспера с выражением, которое она не до конца понимала: изумление, восхищение, и еще что-то. Враждебность. Отчуждение. Осуждение. Темное чувство, которое она сразу заметила в нем, когда Осей отказался от ее клубники.

Бланка громко плакала, а Мими поддерживала ее за плечи. Ди понимала, что нужно подойти к подругам, но сделала шаг назад, не желая втяги-

ваться в эту драму. Бланка будет рассказывать об этом случае до конца года, а может, еще и в старших классах.

На сцене быстро явились два учителя — мисс Лоуд помогла Роду подняться на ноги, прижала клочок коричневого бумажного полотенца к его глазу и повела к школьной медсестре. Мистер Брабант сграбастал преступника и конвоировал его в школу, Каспер шел, опустив голову.

Когда они ушли, кольцо зрителей распалось на кучки, в каждой обсуждали происшествие. Ди прислушивалась к разговорам вокруг.

— Род не сделал ничего такого — а Каспер взял и напал на него!

— Нет, наверняка Род сделал *что-то такое*!

— Ты веришь, что Каспер может просто так напасть на человека? Он вообще не дерется! Я не помню, чтобы он дрался хоть раз за всю школу.

— Зачем же он так по-дурацки испортил себе характеристику?

— Род ему что-то сказал! Я видел. Он подошел к нему и что-то сказал.

— Что он сказал?

— Похоже, большую гадость, судя по реакции.

— Очень большую.

— Самую большую.

— Мне послышалось, Род сказал что-то про Бланку.

— Нет, про его мать.

— А при чем тут его мать?

— Кто-нибудь знает?

Мими бросила на Ди полный отчаяния взгляд, и Ди оставила Осея, чтобы помочь подруге управиться с Бланкой, которая билась в истерике. Когда мистер Брабант увел Каспера, ее рыдания стали еще громче. Можно было подумать, что побили *ее*, а не Рода.

У Ди лопнуло терпение.

— Ради бога, Бланка, ты не можешь потише? — Когда она произносила эти слова, в ушах у нее звучал голос матери, которая запрещает поминать имя господа нашего всуе.

Бланка фыркнула:

— Тебе легко говорить, маленькая мисс Совершенство! Про *тебя* небось не говорят такие гадости! *Твоему* парню небось не приходится тебя защищать! Не *твоего* парня небось теперь накажут!

Мими кивнула Ди, и они отвели Бланку в уголок поукромнее, им удалось это сделать, после ухода Каспера и Рода публика рассеялась.

— Что именно сказал Род? — спросила Ди.

— Я не могу повторить — это так ужасно!

— Бланка, мы не сможем помочь тебе, если ты не расскажешь, — настаивала Ди.

Бланка прислонилась к кирпичной стене школы.

— Он сказал… он сказал…

Она замолчала, ее губы задрожали, и она снова заплакала. На этот раз ее слезы были искренними.

— Вдохни как можно глубже, потом выдохни, — приказала Мими.

Ди восхитилась ее выдержкой перед такой лавиной эмоций. И этот совет помог: Бланка судорожно вдохнула, выдохнула и успокоилась.

— Просто повтори, что он сказал — залпом.

— Род сказал, что я давалка и Каспер делал со мной все! Но это неправда! — Бланка закрыла лицо руками, явно смущенная, что пришлось повторить такое обвинение.

Ди чуть не фыркнула, но удержалась. Мальчики постоянно говорят подобное про девочек. Что в этом такого уж особенного?

Словно прочитав ее мысли, Бланка воздела руки и запричитала:

— Он сказал это так громко, перед всеми девочками. Перед четвероклашками! Это так стыдно! А

теперь, после того как Каспер побил его, об этом будут говорить всем! И все будут думать, что я дешевка!

— Бланка, ты сейчас должна беспокоиться не о себе, а о *Каспере*! Это *его* могут наказать!

Ди не могла себе представить — каково это, быть наказанным. Ее собственная школьная репутация была безупречна, как и репутация Каспера до сего момента. Бланку, вспомнила Ди, как-то раз наказали в пятом классе за то, что пришла в школу в брюках с заниженной талией, которые открывали не только пупок, но и бедренные кости. Только ребят типа Рода наказывают регулярно, за то, что швырялись камнями или устраивали костер из листьев во дворе.

Бланка посмотрела на Ди удивленно:

— А где твои косы?

Похоже, она стала приходить в себя, если обратила на это внимание.

— Осей попросил расплести, хотел посмотреть на распущенные волосы, — ответила Ди, смутившись.

Из-за тугих косичек волосы завились и окружали голову гривой, как у хиппи. Ее мама рассердится, если увидит такую прическу. Ди должна снова заплести косы перед возвращением домой.

— Между прочим, Ди, ты выронила свой… — Мими оборвала фразу, потому что подошел Иэн.

— Бланка, ты в порядке? — спросил он.

Бланка вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Я очень расстроена, — ответила та, напустив на себя важность, отчего Ди захотелось улыбнуться, настолько эта манера была не похожа на ее обычные ужимки.

— И еще я переживаю за Каспера, — спохватилась она. — Его ведь могут наказать.

— Род просто дурак, — сказал Иэн. — А Каспер такое устроил! Никто ему теперь не будет верить — даже его приятели. Типа твоего дружка.

Иэн кивнул Ди.

— Что ты хочешь сказать?

— Ну, твой дружок просто в шоке. Каспер с ним обошелся так ласково — знаешь, он ведь не обязан так относиться к чер… к новеньким. А теперь Оу не знает, что и думать, увидел Каспера с другой стороны.

— У Каспера нет другой стороны, — возразила Ди.

— Скажи это лучше своему дружку, очень уж сильно он распереживался.

— И скажу.

Мими нахмурилась при виде Иэна. Ди удивилась, когда узнала, что они с Иэном встречаются. Они такие разные: Мими необычная, чуткая, Иэн — вредина, садист, хотя Ди он никогда не трогал, если не считать одного случая в третьем классе, когда испачкал ей юбку клеем, да и то, казалось, он сделал это для галочки, чтобы не пропустить никого в своем списке.

Сейчас ее беспокоило то, что Иэн, похоже, что-то выпытал у Осея. Насколько Ди обрадовалась тому, что Осей общается с Каспером, настолько же она встревожилась, увидев, что Осей разговаривает с Иэном. Не то чтобы Ди не любила Иэна, она просто ему не доверяла.

Это подогрело ее решимость поговорить с Осеем о Каспере. Лучше, чтобы он продолжал водить дружбу с Каспером, а не с Иэном. Она растолкует Осею, что Каспер не имеет обыкновения драться, случай с Родом — это исключение, на эту драку Каспер пошел, чтобы защитить Бланку. Оу поймет, она уверена. Он тоже благородный, как и Каспер.

Ди оставила Мими, Бланку и Иэна и отправилась на построение. Несколько человек из ее одноклассников стояли за Осеем, но они без разговоров пропустили ее. Ди улыбнулась Осею,

но ее поразило, что он не ответил улыбкой на ее улыбку, его лицо оставалось серьезным. *Он, наверное, думает о Каспере*, — подумала она. — *Ну, ничего, сейчас я все разъясню.*

— Не переживай, — успокоила она. — Уверена, что Каспера не накажут. Если бы только они слышали, что Род сказал про Бланку… — начала она и остановилась, потрясенная злобным выражением, которое мелькнуло на лице Осея.

— А какое мне дело до Каспера?

— Ну, он же наш друг.

— Твой — может быть. Но не мой.

— Да нет же, и твой!

Оу скорчил гримасу.

— Ди, я здесь первый день. У меня нет друзей.

Увидев ее лицо, он смягчился.

— Кроме тебя, конечно. Но больше я никого не знаю, как я могу дружить с кем-то. Я же новенький — да еще чернокожий. Если до конца дня меня не побьют, считай, что мне повезло.

— Ты преувеличиваешь. Учителя такого не допустят.

Осей вздохнул.

— Ди, я хочу рассказать тебе кое-что про учителей. Когда я учился в Нью-Йорке, учительница поручила мне сделать доклад про Гану. Не такой

короткий рассказ, как сегодня у вас, а большой доклад. Нужно было рассказать об истории, культуре, какие растения там выращивают и продают на экспорт. Все эти факты, понимаешь. Я собирал информацию. Что-то я знал, конечно, но все равно пошел в библиотеку, читал, расспрашивал родителей. И я сделал доклад. И как ты думаешь, какую оценку я получил? «D»![31] Если бы учительница могла, она бы поставила мне «F»[32]. Но «F» означает, что ты вообще не выполнил задание, а я выполнил задание.

— Почему она поставила тебе «D»?

— Она решила, что я там наврал.

— А что ты наврал?

— Да не врал я ничего! У меня в докладе был раздел о рабстве. Ты же знаешь, что работорговцы захватывали жителей Ганы и отправляли их в Америку и Вест-Индию.

— Э… конечно, — кивнула Ди, потому что так было проще. Она ничего не знала про рабов из Ганы, хотя наверняка они это проходили, но она

---

[31] Примечания: 31

Оценка «D» по пятибалльной системе, принятой в большинстве школ, колледжей и университетов, значит «удовлетворительно, но ниже среднего уровня».

[32] Примечания: 32

«Неудовлетворительно» — самая низкая отметка по пяти— или шестибалльной системе «A-F».

забыла. — Так… это же не вранье.

— Нет, конечно. Но я пояснил, что некоторые вожди племен вступали в сговор с белыми торговцами и сдавали им кого-то из членов племени, чтобы остальное племя оставили в покое. И учительница подумала, что я вру, и поставила мне «D». Она даже назвала меня расистом по отношению к своему народу.

— А это правда? Вожди так делали? — Ди постаралась скрыть свое удивление.

— Да, но не в этом дело.

— И как ты поступил? Попросил родителей поговорить с ней?

Осей не сразу ответил, кривая улыбка появилась на его лице.

— Это *отец* посоветовал мне вставить рассказ про племенных вождей, чтобы уравновесить акценты и белые не чувствовали себя такими плохими из-за того, что торговали людьми. Нужно же быть *дипломатом*. Я ничего не рассказал родителям. Не хотел говорить отцу, к чему привела его дипломатия. Так что сама видишь, даже учителя не на моей стороне и только ждут момента, чтобы подставить мне подножку. Я не доверяю ни учителям, ни ученикам.

— Это неправда! Мне ты можешь доверять. Ты

можешь доверять Мими — она моя лучшая подруга. — Ди выкинула из головы предостережения Мими насчет неприятностей, которыми грозит дружба с Оу. — И Касперу можешь доверять.

— А ему-то с чего? Он только что поставил человеку синяк под глазом без всякой причины.

— У него была причина, да еще какая, он защищал Бланку. Род такое про нее сказал! Я уверена, ты бы так же поступил, если бы кто-то обо мне сказал такое.

Этот аргумент подействовал. Оу расправил плечи, чтобы лучше войти в роль благородного защитника.

— Я бы поставил ему два синяка — по одному под каждым глазом.

Ди вложила свою ладонь в его руку, переплела пальцы с его пальцами, и так они шли вместе с колонной школьников в класс.

— Тогда тебе понятно, почему мы должны поддержать Каспера. Он же не сделал ничего дурного.

Оу отстранился от нее, попытался отнять свою руку, но Ди удержала ее — пока мистер Брабант не взглянул на нее, он нахмурился и покачал головой. Зазевайся она, ее тоже могут наказать. Она выпустила руку Осея.

Когда она поднималась вслед за Осеем по лестнице в класс, учитель остановил ее. Ди хотела окликнуть Осея, чтобы подождал ее, но подумала, что тогда мистер Брабант отругает и его за то, что они держались за руки. Она понимала, что новенький учителю не нравится и он ищет случая выказать это.

Но мистер Брабант ее удивил, он завел разговор о другом.

— Что случилось с твоей прической? — спросил он.

— Ой! Я… я расплела косы. — Ди покраснела.

Мистер Брабант никогда раньше не обсуждал с ней ее прическу, но она и повода не давала. До сих пор ее волосы были аккуратно собраны в тугие косы.

— У тебя неряшливый вид.

Ди открыла рот, чтобы извиниться, но передумала, вспомнив их недавнее противостояние во дворе.

— Правила не запрещают так ходить.

Мистер Брабант нахмурился.

— Нет, но это на тебя не похоже.

— Мне так нравится, — пожала она плечами.

— Вот как?

— Да.

На самом деле волосы щекотали ей шею и лезли в рот, но Ди не собиралась ему в этом признаваться.

— Очень жаль, потому тебе это не идет. Уж поверь мне.

Ди опустила голову, чтобы не встречаться взглядом с учителем. Чувство было такое, словно ее отчитал отец.

— Хорошо. Ступай в класс.

Ди поспешила уйти, еле сдерживая дрожь.

В классе Ди не могла отвести глаз от пустующего места Каспера в надежде, что он чудом появится за партой. Она слышала, как на другом конце класса Бланка снова принялась всхлипывать, чтобы разыграть свою драму уже в новых декорациях.

— Довольно, Бланка, — сказал мистер Брабант. — Пора уже успокоиться. Оставим все недоразумения за стенами класса. Приступим к тесту на тему «Американские президенты». Осей, ты тоже можешь писать, но я не буду засчитывать твой результат. Просто выявим пробелы в твоих знаниях, чтобы заполнить их. Хоть тебе учиться в этом классе всего месяц, не стоит тратить это время впустую.

Ди насупилась. Ей не понравилось, что учи-

тель считает, будто Оу не знает американских президентов только потому, что он африканец. Ей хотелось встать на защиту своего друга, как Каспер встал на защиту Бланки. Но она не смела, особенно после разговора с мистером Брабантом. Кроме того, Осею, похоже, было безразлично мнение мистера Брабанта: он просто кивнул и достал из своего портфеля ее пенал со Снупи, чему она на мгновение удивилась, пока не вспомнила про состоявшийся обмен.

Она тоже полезла в портфель — но ничего не достала. Она перерыла весь портфель, заглянула между учебниками, перетряхнула кофту, пачку бумажных платков, коробочку со всякой всячиной. Пенала с клубничками не было. Она подняла крышку парты, зная, что его там не может быть, но все равно. Она чувствовала, что Осей смотрит на нее.

— У тебя есть лишний карандаш? — прошептала она.

— А где пенал с клубниками?

— У меня. — Ди ответила слишком быстро, она понимала это и попыталась выдержать взятый темп. — Я взяла его с собой на обед и, наверное, забыла дома. Ну да, вспомнила — я же показывала его маме. Он остался на кухне, на столе.

Она ни за что не показала бы этот пенал своей маме, та сочла бы его слишком легкомысленным и отняла. По этой же причине Ди прятала от мамы и пенал со Снупи.

Когда Ди брала у Осея протянутый им карандаш, она ощутила, что не в состоянии взглянуть ему в глаза. Она впервые ему солгала.

Часть IV. Вторая перемена

Мишка, мишка
Повернись
Мишка, мишка
Поклонись
Мишка, мишка
Топни лапой
Мишка, мишка
Косолапый
Мишка, мишка
Поднимись
Мишка, мишка
Причешись
Мишка, мишка
Помолись
Мишка, мишка
Спать ложись!

Мими отозвала Иэна в сторонку, когда они шли на вторую перемену. Он не ожидал от нее ничего подобного. Мими не из тех, кто проявляет

инициативу — да еще на виду у одноклассников. При таком повороте событий он выглядел слабым, не контролирующим ситуацию. Обычно так поступал с ней он сам, чтобы показать, кто тут главный. С недовольным видом он стоял в холле, не приближаясь к ней.

— Чего тебе?

Если он сию секунду не выйдет во двор, то команду для кикбола соберут без него, и ему не быть капитаном.

— Хочу сказать тебе что-то.

У Мими был такой вкрадчивый вид, который напускают на себя девочки, когда хотят поговорить о своих чувствах. Иэна передернуло. Этого ему еще не хватало, тем более в такой момент.

Он оборвал ее:

— Ну что, раздобыла что-нибудь, о чем я просил?

Мими помолчала, провела языком по брекетам, мучаясь сомнениями перед тем, как сделать этот шаг. Вид у нее был жалкий, несчастный, лицо покрылось пятнами.

— Да, есть кое-что. — Она продолжала колебаться.

— Ну что? Что у тебя есть?

Мими вынула из портфеля розовый прямо-

угольник, усеянный клубничками.

— Что это за гадость? — спросил Иэн. — Ужас какой-то.

Она съежилась от его тона, а ему только того и требовалось — он снова почувствовал себя хозяином положения.

— Это пенал Осея, новенького. Он дал его Ди. Она нечаянно выронила, а я подобрала. Я знаю, ты хотел какую-нибудь вещь, которую Каспер подарил Ди, но, может, это тоже сгодится?

Иэн полностью сосредоточился на пенале, — так луч прожектора высвечивает какой-нибудь предмет на сцене. Мими смущенно поежилась. Он улыбнулся. Это самое то, а она даже отчета себе не отдает, какое сокровище добыла. Мими не мыслит стратегически — в отличие от него. Она не понимает законов школьного двора и того, как они работают и насколько разрушительным может стать появление такого человека, как Осей, для естественного порядка. Ей в голову не приходит посмотреть на события под тем углом, как смотрит Иэн. Если уж на то пошло, она должна быть ему благодарна.

— Кто-нибудь знает, что он у тебя?

— Никто.

— Отлично. — Иэн протянул руку: — Давай

его сюда.

Последовала долгая пауза, Мими держала пенал в руке, и вид у нее был, как у затравленной зверушки — которая сама залезла в капкан и теперь спохватилась. Иэн терпеливо ждал, деваться ей некуда, все равно отдаст.

Но она начала торговаться, чего он никак не ожидал от нее.

— Я больше не хочу встречаться с тобой, — сказала она. — Я отдам тебе пенал при условии, что мы расстанемся и ты оставишь меня в покое.

Лицо у нее было жалкое до невозможности — ничего общего с теми пылающими щеками и горящими глазами, которые он наблюдал несколько дней назад возле флагштока.

Иэн спрятал досаду. Он не покажет, как ему обидно, что она его отвергла, и не станет спрашивать, почему не подошел ей. Он и так знает. почему: они слишком разные. Он твердо стоит на земле, а она витает в облаках.

Не то чтобы она ему так уж нравилась. Но Иэн не хотел, чтобы все узнали, что Мими его бросила. Позже он пустит среди мальчиков слушок, что она отказалась дать ему и поэтому он ее бросил. Или, напротив, скажет, что она дала ему и после этого он ее бросил. Он придумает, как

лучше повернуть эту ситуацию. А сейчас нужно заполучить пенал.

— Так и быть, — сказал он.

Мими не шевельнулась.

— И ты не будешь поливать меня грязью и говорить про меня гадости вроде тех, что Род говорил про Бланку.

Можно было подумать, что она прочитала его мысли.

— Я никому ничего не скажу. И ты тоже, — добавил он, потом нетерпеливо протянул руку:

— Ну, ты отдашь мне его или нет?

Мими закусила губу. Когда она передавала пенал, он заметил, что ее рука дрожит. Она была несильна в таких сделках, и теперь у нее не оставалось ничего, чтобы заставить его выполнить договор. Ему не составит труда обернуть разрыв в свою пользу.

— Теперь вали отсюда, — сказал он, взяв пенал. — Я скоро выйду.

Мими смотрела на пенал, который Иэн крепко сжимал в своей руке. Вид у нее был испуганный, в глубине глаз мерцали и будто кружились крапинки.

— А что ты хочешь с ним сделать?

Но Иэн уже вышел в раздевалку, смежную с

классом.

— Тебя не касается, — бросил он через плечо.

Пока искал на вешалке свою куртку, он чувствовал, что она стоит у него за спиной, и скрипнул зубами от досады.

— Идиот, — пробормотал он.

Он не понимал, как мог хотеть ее тогда, у флагштока. Он отыскал свою куртку — самую обычную, синюю, в которой не было необходимости последнее время, потому что дни стояли теплые. Прежде чем засунуть в карман свою добычу, он заглянул внутрь пенала. Ничего интересного: карандаши разной длины и разных цветов, пара ластиков, пластмассовая точилка, короткая линейка, монетка в 10 центов, жвачка «Базука», клочок бумажки и пластмассовое яйцо с пластилином. Он забрал себе монету, развернул жвачку — уронив яркий вкладыш и не прочитав его — и засунул жвачку в рот. Взглянул на бумажку: там необычным почерком с длинными петлями были записаны имя Осея, адрес и номер телефона. Он представил, как будет звонить и дразнить чернокожего по телефону, и улыбнулся, удачи сыпались с неба одна за другой.

Иэн вытряхнул все из пенала в коробку, заполненную разным школьным хламом: сломанные

мелки, старые губки для вытирания доски, серые металлические подставки для книг, обрезки картона. Чтобы спрятать содержимое пенала, он сверху положил пачку отпечатанных на ротаторе использованных листов с упражнениями по теме «Сельскохозяйственная продукция Соединенных Штатов (рожь, пшеница, хлопок, говядина)». Никто ничего не найдет, пока мисс Лоуд не приступит к уборке перед летними каникулами, когда закончится учебный год. Иэн к тому времени будет далеко — в предвкушении новой школы и новых жертв.

Опустошив пенал, Иэн его как следует рассмотрел. Господи, до чего он отвратителен. Только девчонка может позариться на такую мерзость. Единственная забавная деталь — рельефные ягоды клубники, которые торчали над поверхностью и напомнили ему соски. Он видел такие пупырчатые соски на страницах «Плейбоя», который он подворовывал. Соски у девочек, которые ему доводилось видеть в жизни, — он подглядывал, когда они переодевались в спортзале, а в пятом классе заставил одну девочку задрать футболку — были крошечные и гладкие, как птичьи клювики. Иэн коснулся одной из ягод и улыбнулся, потому что почувствовал между ног сладкое ощущение.

Может, чернокожий выбрал этот пенал потому, что на него он оказывает такое же воздействие.

Однако это не повод оставлять пенал себе. Гораздо больше пользы пенал принесет, если с его помощью Иэн посеет смятение в школьном дворе, вместо того чтобы удовлетворять себя в уборной. Этого можно добиться и другими способами. Итак, как можно использовать пенал? Нужно установить какую-то связь между пеналом и Каспером, тогда это произведет максимальное впечатление на Осея и укрепит те подозрения, которые Иэн уже заронил в его душе. Но Каспер в руки его не возьмет, какой уважающий себя парень в здравом уме будет ходить с розовым пеналом в клубничках.

Если не Каспер, то кто-нибудь близкий к нему. *Да.* Иэн улыбнулся и кивнул сам себе, он сообразил, как поступить. Набросив на плечи куртку — на улице тепло, но ему требовалась маскировка, — он засунул пенал во внутренний карман и пошел во двор.

Шестиклассники предавались дневным развлечениям, мальчики и девочки играли вместе. Традиционные капитаны — Каспер и Иэн — отсутствовали, поэтому их роль выполняли заместители, Род и Осей, к великому удивлению

Иэна. Как удалось этому новенькому чернокожему мальчишке подняться на вершину дворовой иерархии так быстро и легко? Иэн был лучшего мнения о своих однокашниках, но они, похоже, слабаки, которые охотно задирают лапки кверху и позволяют новенькому командовать. Промедление недопустимо, иначе Осей тут все захватит.

Заметив Иэна, Род бросился ему навстречу с криком: «Иэн! Чур, Иэн в моей команде!» Под правым глазом, в который заехал Каспер, наливался свинцовый синяк, но в остальном Род был в порядке. Иэн почувствовал мгновенное отвращение.

— Меня оставили после уроков, — прошептал Род, когда приблизился. — Миссис Дьюк сказала, что наказала бы меня сильнее, но синяк под глазом сам по себе уже наказание. Болит!

— Ты упоминал про меня?

— Нет, я же обещал молчать.

— Молодец.

— Слушай, Род, не твоя очередь выбирать! — крикнули несколько ребят. — Сейчас очередь Оу!

Иэн стоял и ждал, пока Оу решит, кого взять в свою команду. Он уже выбрал несколько человек, среди них Ди и Мими. Несмотря на антипатию, которую Иэн питал к чернокожему мальчику,

когда Оу остановил свой взгляд на Иэне, тот почувствовал волнение от того, что в этом взгляде было расположение к нему, а не досадливая настороженность, как у всех, и к которой Иэн привык.

Оу кивнул ему:

— Иэн.

Иэн кивнул в ответ и примкнул к команде, а Род пробормотал «Черт побери!».

Пока Род и Оу продолжали набирать команды, Иэн высмотрел ту, кого искал: Бланка сидела в одиночестве на пиратском корабле и грустила. Вместо того чтобы играть со всеми, она предпочитала публично лелеять свои душевные раны во дворе. Прекрасная возможность.

Их команда проиграла жребий и вышла на поле. Иэн не стал ждать, пока Оу скажет ему, какую позицию занимать, а самовольно пошел на внешнее поле, к третьей базе, поближе к пиратскому кораблю. К счастью, Ди была далеко от него, на другом конце поля, а Оу стоял спиной и подавал. Маловероятно, что они разглядят пенал с клубниками. Иэн сумел подкрасться к Бланке, которая сидела, склонив голову и подперев щеку ладонью. Ноги в босоножках на платформе она задрала на скамейку, так что Иэн мог бы, чуть по-

двинувшись, заглянуть ей под юбку. Но он не стал этого делать, чтобы не отвлекаться от главного.

— Бланка, — прошептал он.

Она не ответила, и он позвал громче. Она равнодушно посмотрела на него. За все годы учебы Иэну так и не удалось подчинить или запугать ее. Бланка была слишком поглощена собой, чтобы бояться его. Она обладала собственной силой и сама сочиняла себе драмы. Иэн был пустым местом для нее — по крайней мере, до сих пор. Сейчас он это изменит.

— У меня есть кое-что для тебя, — продолжил он, потом помолчал, выдержал паузу.

Одна из девочек попала мячом прямо в шортстоп[33], и Иэн захлопал вместе с товарищами по команде.

— От Каспера, — наконец закончил он.

Бланка вздернула голову, ноги опустила со скамейки на палубу.

— Что? — вскрикнула она.

— Тсс. Это секрет — никто, кроме тебя, не должен знать.

Иэн не хотел, чтобы Бланка привлекла к себе внимание раньше времени — пока он не скрылся

---

[33] Примечания: 33

Часть бейсбольного поля между второй и третьей базами и игрок, защищающий эту позицию.

за кулисами. Он подошел поближе.

— Его держат в кабинете директора. Но я встретил его, когда он выходил в туалет. Он попросил меня передать тебе вот это.

Иэн вытащил пенал из кармана куртки и протянул Бланке.

— Ооо! Какая прелесть! — выдохнула Бланка, провела пальцами по ягодам, как это делал Иэн. — Сейчас покажу его девочкам!

— Нет, не сейчас.

— Почему?

Игрок забил мяч между первой и второй базами и бежал к первой.

— Каспер хочет, чтобы это был ваш с ним секрет — чтобы о нем знали только вы двое. Пока. К тому же ты должна сначала поблагодарить его, а уж потом показывать всем.

Если повезет, Каспер вернется в класс через несколько дней, а за это время Иэн успеет нанести удар, нужно только намекнуть чернокожему, в чьих руках оказался его пенал. И тот сорвется и покатится вниз, как велосипед без тормозов под откос. Но это отдельное удовольствие — ожидать, как Осей потерпит крушение.

— Ладно… — Вид у Бланки был озадаченный. — А как дела у Каспера? Как его наказали?

— Не знаю. — На этот раз Иэн дал честный ответ.

— Он переживает из-за меня? Наверняка переживает. Каково мне будет, если все узнают, что Род сказал обо мне. — Не получив от Иэна сочувствия, на которое рассчитывала, Бланка продолжила:

— Это ужасно! Как трудно живется нам, девочкам. Ты себе не представляешь.

Для усиления своих слов она тряхнула черными локонами.

— Да уж, нелегко, — согласился Иэн, потому что ему это ничего не стоило.

Род собрался бить.

— Приготовься, сейчас ты получишь, — прошипела Бланка. — Убила бы его за Каспера.

Ее слова подействовали, словно магнит, Род направил мяч верхней подачей как раз Иэну. В другой раз Иэн мог бы мяч спокойно пропустить, но сейчас выступил вперед, поймал и удержал, подставив грудь. Бланка закричала так радостно и громко, словно была в его команде, и Иэн неожиданно для себя преисполнился гордостью.

Они легко выиграли третью базу и поменялись местами с командой Рода. Когда команда Оу собралась вокруг своего капитана, чтобы узнать

очередность кикеров, Иэн прошептал ему:

— Обычно мы девочек ставим первым номером. Назначь Ди. Все ждут от тебя, что ты назовешь ее первой.

Оу кивнул.

— Сначала Ди, потом Дункан, потом Иэн, потом я, потом… — Оу перечислил остальных членов команды.

Выйдя первой, Ди своим обычным резким ударом попала в первую базу, где бейсменом был Род. Она встала как можно дальше от него, чтобы продемонстрировать свое презрение к нему из-за того, что он оскорбил Бланку и спровоцировал Каспера на драку. По сути, почти все девочки объявили ему бойкот, даже те, которых он взял в свою команду. Род повесил голову, он явно страдал от новой роли изгоя школьного двора. Иэн ухмыльнулся, подошел к Оу и встал рядом. Пора браться за работу.

— Ты собрал сильную команду, — сказал Иэн.

— Спасибо. — Оу смотрел на Дункана, очередного кикера.

— А Каспер вроде что-то передал Бланке, — заметил Иэн. — Кажется, он здорово втрескался в нее, подарочки дарит.

— Хм. — Оу не придал значения словам Иэна.

Требовалось выразиться яснее.

— Вообще-то я никогда не считал ее девочкой-клубничкой, — развил тему Иэн. — Она предпочитает вишню. Если цвет ее губ что-нибудь да значит.

— Какой девочкой? — обернулся Оу.

— Клубничкой.

— При чем тут клубничка?

Иэн услышал напряжение в голосе Оу, и от того, что рыбка так быстро проглотила наживку, Иэн чуть не расплылся в довольной улыбке. Однако надо во что бы то ни стало сохранять невозмутимость на лице.

— У нее новый пенал, с клубничками. Сказала, Каспер подарил. Сидит, любуется им, даже играть с нами не хочет. — Иэн пожал плечами. — Девчонки, одно слово.

— Где она?

Иэн показал. Бланка по-прежнему сидела на пиратском корабле, пенал лежал у нее на коленях, она то расстегивала, то застегивала молнию. Если не посмотришь специально, то ничего не увидишь — вот Ди и не видела, стоя на своей позиции у первой базы. Не видела и Мими, которая ожидала своей очереди на скамейке вместе с другими кикерами. Но Оу сразу понял, что за

предмет у Бланки в руках. И, увидев у нее на коленях розовое пятно, он оцепенел — так оцепенел, что не заметил, как Дункан бросил мяч гораздо дальше второй базы, и он долетел до первой, а Ди перешла на вторую.

Иэн подумал, что этим следует ограничиться — яд начал свое действие, можно отойти в сторонку и наблюдать за тем, как он распространяется по организму. Нужно приложить все силы, чтобы выглядеть безразличным и незаинтересованным.

Он свою работу сделал и теперь может выйти на позицию с легким сердцем, с чувством удовлетворения, которого ему не хватало весь день — да что там, всю неделю, весь год. Он окинул взглядом поле, по которому разбрелись игроки, — команду по праву должен возглавлять он, а не Род — и подумал: *Сейчас я выбью хоум-ран, покажу вам, кто тут на самом деле хозяин*. Он направился в дальний угол поля, выбежал навстречу посланному мячу и отправил его в цель.

* * *

Каждый раз, когда кому-либо удавалось пробить хоум-ран, все игроки на базах исполняли ритуальный танец, прыгали и скакали, со смехом

и криком бежали к домашней базе и передавали ее команде противника. Ди прыгала, радуясь тому, что команда Осея выиграла уже три перебежки и уверенно приближается к победе. Оу в первый раз капитаном, и сразу такой успех. Блестящее начало. *Он будет звездой в этой школе*, — думала она. — *И он мой парень*.

Она подбежала к домашней базе, вскочила на нее двумя ногами, игроки приветствовали друг друга, поднимая руку и хлопая о ладонь соседа. Когда подбежал Дункан, Ди протянула ему руку.

— Дай пять, — сказал он.

Ди шлепнула раскрытой пятерней по его ладони.

— Будем побеждать! — Они снова соединили ладони в хлопке.

— Шагнем в черную ночь! — Каждый сжал пальцы в кулак.

— Все страхи прочь! — Они потрясли в воздухе кулаками, как делали чернокожие люди, которых они видели по телевизору.

Ди широко улыбалась, пока в поле ее зрения не попал Осей, который наблюдал за их ритуалом без всякого выражения на лице. Ди покраснела.

— Оу, я… — Она начала и растерянно осеклась, не только потому, что в глазах Осея их ритуал

«дай пять» выглядел, наверное, смешным кривляньем — двое белых детишек изображают из себя крутых, но и потому, что он молча отвернулся от нее и пошел на позицию. Стоял там, напряженный, ожидая, когда мяч вернут питчеру.

Ди смотрела на него не отрываясь, в душе не осталось того ликования, которое она переживала только что. Не мог же он так рассердиться из-за дурацкого «дай пять»? Или обиделся из-за того, что белые упоминают про черную ночь? Она смотрела на его спину — даже по спине читалось, как он зол, и ей было так плохо, что хотелось плакать.

— Он переживает за Каспера, вот и все, — услышала она за спиной.

Иэн обошел все базы и остановился рядом с ней, его обычно тусклые серые глаза блестели, щеки горели румянцем. Он протянул руку, ладонью вверх.

Она дала ему пять из вежливости. Иэн слегка согнул пальцы и провел по ее ладони. Это было настолько неприятно, что она отдернула руку и тут же пожалела — вдруг он обиделся.

— Это был отличный удар, — сказала она, не понимая, почему считает нужным похвалить его.

— Спасибо. Я думаю, ты могла бы его успокоить,

чтобы он не переживал так из-за Каспера.

— Я…

Да разве проблема в этом? — подумала Ди, но ничего не сказала, потому что не хотела обсуждать Осея с Иэном.

— Нелегко встречаться с чернокожим парнем, — не отставал от нее Иэн. — Мало кто из девчонок осмелится. Тебе нужна поддержка. Если бы Каспер с Осеем подружились, тебе было бы легче. С таким союзником, как Каспер, можно вытворять, что взбредет в голову, — встречайся с кем хочешь, хоть с шимпанзе.

Ди открыла было рот, потом закрыла. Он улыбнулся краем губ.

— Мне нравится твоя новая прическа, — добавил он.

Ди отошла, смущенная. Он хочет этим сказать, что Осей шимпанзе? Нет, не хочет, решила она, когда уже сидела на скамейке со своей командой, но у слов Иэна был неприятный привкус, как у молока, которое прогоркло, но еще не воняет. Она не знала, как к этому относиться, потому что вроде бы Иэн искренне хочет помочь.

Удар Осея выглядел бледно на фоне хоум-рана Иэна. Он все же забил мяч на первую базу и стоял, отвернувшись от Ди, его взгляд был прикован к

пиратскому кораблю, где сидела Бланка.

Ди нахмурилась. Что-то пошло не так, но что — она не понимала. Ей хотелось, чтобы Иэн перестал наблюдать за ней.

— Каспер! — крикнула Бланка.

Спрыгнув с пиратского корабля, она бросилась к забору, напротив дома Каспера. Тот вышел на крыльцо. Все игравшие в кикбол оживились.

— Никогда не видел, чтобы Бланка бегала с такой скоростью. Я, кажись, вообще не видел, чтобы она бегала!

— Значит, его все же наказали!

— Надолго, как ты думаешь?

— Надо же, Каспер уже дома! А ведь уроки еще не закончились.

— Он пропустит тест по грамматике.

— Как, у нас сегодня тест?

— Вот ты дурак, мистер Брабант твердит об этом всю неделю!

— Лучше бы меня отправили домой вместо Каспера.

— Надо же, один удар в глаз — и идеальной характеристики как не бывало.

— Вот его мама, наверное, взбесится.

— Отец точно его отлупит, когда придет домой.

— Интересно, ремнем, как отец Иэна?

— А что, Иэна отец лупит ремнем?

— Я слышал, что да.

— Вы только смотрите, что они там вытворяют!

— Что у нее в руке?

— Его член?

— Очень смешно. Ой, уронила.

Продолжая болтать, все следили за Бланкой и Каспером. Она кивком головы подозвала его, он спустился с крыльца и через улицу подбежал к ней. Теперь они целовались через сетку забора.

— Хорошо, что между ними забор, а то она бы его уже завалила, — прошептала Дженнифер, сидевшая рядом с Ди. — Каспер, наверное, тронулся после всего этого, иначе не стал бы целоваться с Бланкой у всех на глазах. А она такая показушница.

Ди усмехнулась, чтобы оправдать ожидания Дженнифер, но не могла заставить себя смотреть в ту сторону. Больно видеть, как двое школьников так откровенно выражают свои чувства после того, как они с Осеем уже прошли через это, и прошли слишком быстро.

Ей хотелось сесть рядом с Мими, которая сидела одна на другом конце скамейки, откинулась назад и закрыла глаза. В ней что-то изменилось,

не то чтобы она обижалась или сердилась на Ди, но как-то отдалилась. Когда Ди спросила у подруги, что с ней, та ответила, что голова еще побаливает. Но, похоже, это была не вся правда.

Ди огляделась вокруг. Неподалеку от Мими шестиклассники — Осей, Дженнифер, Род, Дункан, Пэтти — стояли как вкопанные и не сводили глаз с Бланки и Каспера. Только Иэн смотрел в другую сторону — на Осея — и чему-то улыбался.

Почему у меня кошки скребут на душе? — думала она. — *Утром все было так прекрасно, а теперь*…

Только девочки-четвероклассницы ничего не замечали. Как ни в чем не бывало, они прыгали через скакалку, и Ди слышала, как у нее за спиной они твердят стишок, который она любила меньше всех:

Мишка, мишка
Повернись
Мишка, мишка
Поклонись
Мишка, мишка
Топни лапой
Мишка, мишка

Косолапый
Мишка, мишка
Поднимись
Мишка, мишка
Причешись
Мишка, мишка
Помолись
Мишка, мишка
Спать ложись.

Слова звучали так однообразно и навязчиво, что Ди с трудом сдержала порыв вскочить и крикнуть им, чтобы немедленно заткнулись. Она тряхнула головой, дивясь своей внезапной злости. Какой-то яд проник на школьный двор и ее тоже отравил.

Осей не считал себя злым человеком. В школах, где он учился, ему приходилось сталкиваться со многими обозленными ребятами: они злились на учителей за их несправедливость, на родителей за их запреты, на друзей за их измены. Некоторые выражали гнев даже по поводу международных событий, таких, как война во Вьетнаме или Уотергейтский скандал с Никсоном. И его сестра Сиси тоже была, конечно, из числа сердитых

молодых людей. За последние годы причиной ее гнева становились белые, политические деятели, чернокожие американцы, которые критикуют африканцев, и африканцы, которые слишком рассчитывают на помощь Запада. Она возмущалась даже тем, что доктор Мартин Лютер Кинг занимает слишком пассивную позицию. Иногда отец возражал ей, он, например, раз и навсегда запретил неуважительно отзываться о Мартине Лютере Кинге. Сиси так достала всех своими протестами, что чаще всего родители просто переглядывались между собой, а однажды Оу заметил, как мама сделала круглые глаза — что, по его мнению, пристало только девочкам. «Правдолюбка», — сказала мать о настроениях Сиси, и в ее устах это не прозвучало как похвала.

Но самого Оу было трудно вывести из себя, так он считал. Отец любил ему напоминать, что гнев — признак слабости. Гораздо больше силы в том, чтобы сдержать свой темперамент и решить проблему с помощью продуманных слов и действий. Именно эти качества должен воспитать в себе дипломат, а отец прочил Осею дипломатическое поприще, когда тот вырастет, — если не станет инженером. Нет ничего удивительного в том, что отец не предлагал Сиси пойти в дипломаты.

Поэтому Оу очень удивился, когда злость в нем стала прибывать, как вода в реке. Сначала ничего не заметно, а потом вдруг вода оказывается там, где не положено, — затопляет поля, дороги, дома, школы, дворы. Вода везде, от нее невозможно избавиться или направить ее в другое русло.

Злость возникла, когда Ди кормила Каспера клубникой, усилилась, когда Ди защищала Каспера. Но переломный момент наступил, когда Оу увидел пенал с клубниками в руках у Бланки, вот тут вода вырвалась из берегов и затопила все. Свою роль тут сыграла и нелепость ситуации — чужая белая девчонка держала вещь, которая для Оу прочно связана с сестрой и с тем временем, когда она была младше, веселее, общительнее, добрее. И вдруг этот пенал начал кочевать по школьному двору, оторвался от его личной истории, как будто вовсе не имело значения то, что он когда-то принадлежал Сиси — как будто и сама Сиси не имела значения, хотя на самом деле она значила для Осея больше, чем все другие люди на свете. Больше, чем Ди, осознал он. Ди пока не заняла в его сердце место сестры. И теперь он сомневался, что займет.

Потому что Ди соврала ему. Она сказала, что забыла пенал дома, а теперь ясно, что это неправда.

Она отдала пенал или потеряла, и вот теперь он как-то оказался у Бланки. У подружки Каспера. Конечно, и сам Каспер каким-то боком замешан в этой истории. Осей не знал каким, но подозревал, что это так, да к тому же Иэн подтвердил. Ложь Ди и причастность Каспера навалились на него огромной тяжестью, голова готова была треснуть.

С первой базы он видел Бланку, она сидела на корабле с пеналом на коленях, поглаживала пальцами ягоды, как делают все девочки. Потом она бросилась к Касперу, и Осей стал зрителем спектакля, который они разыграли для публики, прижимаясь к забору и целуясь до тех пор, пока Бланка не выронила пенал. Ярость Осея поднялась до самых краев. Требовался только человек, на которого ее можно выплеснуть.

Таким человеком стала Ди. Когда прозвенел звонок, означавший конец перемены, Бланка с Каспером по-прежнему продолжали целоваться, пенал по-прежнему валялся на земле, а Ди приближалась к нему.

— Осей, что…

Но закончить фразу она не успела. Он не хотел стоять с ней рядом, смотреть ей в лицо, разговаривать с ней, выслушивать новую ложь и терпеть

это все — сначала она обращается с ним как со своим парнем, а потом во дворе «только для белых» — как с чернокожим. Он черная овца, ему выпала черная метка. Черный шар. Его жизнь как черная ночь. Он в черном списке. У него черное сердце. Сегодня черный день.

Плотину, которая удерживала его ярость в берегах, прорвало.

— Отвяжись ты от меня! — крикнул он и со всего размаху толкнул ее, толкнул так сильно, что Ди, как персонаж из мультика, замолотила руками в воздухе, словно хватаясь за него, а потом упала навзничь. Неприятный звук от удара ее головы об асфальт заставил публику все же отвлечься от захватывающего шоу, которое устроили Бланка с Каспером, и переключиться на новую драму.

— Ди! — крикнула Мими и упала на колени возле подруги. Ди лежала, вытянувшись, глаза закрыты. — Ди, ты жива?

Когда волосы Мими коснулись лица Ди, ее веки дрогнули, и она открыла глаза. Оу переминался с ноги на ногу, ему сразу же стало стыдно, он почувствовал себя опустошенным и беспомощным.

Ди растерянно поглядела вокруг. Заметив Осея, она вздрогнула и сказала:

— Все в порядке.

Мими повернулась к Осею.

— Что на тебя накатило? — прошипела она. — С ума ты, что ли, сошел? Почему ты это сделал?

Осей поежился от стыда за себя. Но гнев не прошел, он сковал ему ноги и рот, так что Осей просто стоял с повисшими руками и молчал.

Услышав шаги за спиной, Осей догадался, что это кто-то из учителей. Он закрыл глаза на миг, хоть понимал, что от этого его желание не исполнится. А желал он перенестись за много миль отсюда, подальше от этого двора, подальше от этих белых подростков и, главное, — подальше от этих взрослых, которые сейчас набросятся на него, будут отчитывать, пошлют к директору, выгонят с уроков и вызовут родителей. Он представил лицо матери, когда она узнает о его проступке, и ему стало совсем плохо.

— Что тут произошло? — Мисс Лоуд опустилась на колени возле Ди, с другой стороны от Мими. — Тебе больно, Ди?

— Оу ударил Ди! — Род с негодованием выкрикнул из толпы школьников, которая собралась вокруг. — Он свалил ее с ног, черный ублюдок!

— Выбирай выражения, Род, — предупредила мисс Лоуд.

— Так ведь он вот что натворил!

— И этого вполне достаточно. Цвет его кожи ни при чем. Ди, ты можешь сесть?

Мисс Лоуд с Мими помогли Ди сесть. Видно было, что она еще не совсем пришла в себя.

— Скажи, где болит сейчас?

Ди коснулась рукой своего затылка:

— Здесь.

— Тебя тошнит?

— Немного. — Она не смотрела на Осея.

Подошел мистер Брабант.

— Ступайте строиться, все, — скомандовал он, его авторитет был настолько непререкаем, что чары рассеялись и школьники пришли в движение.

— А ты останься, — обратился он к Оу, когда тот направился было вслед за всеми в сторону школы. — Что ты сделал, Осей?

Оу молчал.

— Он ничего не сделал, — ответила Ди. — Просто я… я бежала к нему, запнулась и упала, вот и все.

— Ди, это же не… — открыла рот Мими.

— Оу не виноват. Он хотел подхватить меня.

— Это правда? — Мистер Брабант приподнял брови.

— Правда. Я такая неловкая. Вы же знаете, до

чего я неловкая.

— Если бы ты споткнулась на бегу, ты бы упала лицом вперед, не так ли? А ты упала на спину. Мы же изучали инерцию на уроках физики.

— Но я на самом деле споткнулась, — настаивала Ди, пытаясь встать на ноги. — Я чувствую себя нормально. Правда.

Она по-прежнему не смотрела на Осея.

Мистер Брабант и мисс Лоуд переглянулись.

— Хорошо, — сказал мистер Брабант. — Ступай в медкабинет, пусть медсестра тебя осмотрит и приложит лед к месту ушиба. Ты, Мими, пойдешь с ней. Поможешь ей. И приведи в порядок ей волосы. А то ее мама будет сердиться.

Осей упорно смотрел под ноги, он даже не взглянул девочкам вслед, когда они шли. Он не смел поднять глаза. От того, что Ди стала его выгораживать, настроение у него не улучшилось, а только ухудшилось. Гнев не рассеялся, а спрессовался в комок и комом стоял в горле. Но теперь Осей злился не столько на нее, сколько на себя. Он толкнул девочку. Это недопустимо. Его мама придет в ужас, она даже не будет кричать и плакать, она просто отвернется от него. Даже Сиси, несмотря на свой праведный гнев против белых, осудит поступок Осея.

Он чувствовал, как две пары учительских глаз смотрят на него, пока он стоит с опущенной головой и ожидает приговора.

— Мне приходилось иметь дело с такими, как ты. Ты, парень, намерен стать источником проблем для этой школы? — негромко сказал мистер Брабант.

— Нет, сэр. — Его рот произнес эти слова, повинуясь рефлексу.

— Имей в виду, в нашей школе такое поведение не одобряется.

— Да, сэр.

— Тебе повезло, попалась девочка, которая так хорошо относится к тебе, что готова врать ради твоего спасения. Бог только знает, почему.

Осей разглядывал асфальт — причину многих разбитых коленок. Осей не понимал, почему школьные дворы не засаживают травой, она куда более безобидная.

— Я и не ожидал ничего другого от чер… — Мистер Брабант взглянул на мисс Лоуд. — От тебя. Так что я не слишком удивляюсь. Но если сегодня еще что-нибудь произойдет, а ты просто окажешься поблизости… Директор тебя исключит, даже если хорошая девочка встанет на твою защиту. Ты меня понял?

Осей сжал челюсти так сильно, что подумал — зубы хрустнут, и через мгновение кивнул.

— Так. — Мистер Брабант повысил голос. — А вы все, чего рты поразевали? Почему не строитесь? Шагом марш в строй! Я считаю до десяти, если не построитесь — приму дисциплинарные меры!

Ученики поспешили к школе, учителя шли неспешно. Осей плелся за ними по пятам, бежать впереди, чтобы встать в строй, было так унизительно, что он не вынес бы этого, пусть лучше накажут.

— Ричард, я… — Мисс Лоуд запнулась.

— Чего еще? — рявкнул мистер Брабант, словно обращался к ученику. — Простите, Диана. Что вы хотели сказать?

— Ну, я… я думаю, может, мы были слишком суровы с ним.

— Суровы? Он сбил девочку с ног!

— Да, но… ему ведь очень нелегко, он совсем один в школе…

— Жизнь вообще дело нелегкое. А ему, если уж на то пошло, все достанется даже слишком легко. Когда вырастет, он благодаря позитивным

действиям[34] сразу получит хорошую работу. Хорошую работу, которая могла бы достаться человеку более квалифицированному.

— А может, это случилось из-за… Впрочем, не важно. — Мисс Лоуд вздохнула. — Боже, какой ужасный день сегодня! Сначала Каспер, теперь это. Может, они съели чего-нибудь за обедом?

— Вы сами знаете, в чем причина, — мрачно ответил мистер Брабант. — Эта школа не готова принять чернокожего ученика.

— Боюсь, что так.

— И день еще не закончился. Вы знаете поговорку: беда не приходит одна.

* * *

Головная боль прошла без следа, и действительность предстала перед Мими отчетливо, как в фокусе. Словно она приложила к глазам бинокль и крутила, крутила колесико, пока не настроила резкость, и теперь ясно видела то, что раньше расплывалось в тумане.

---

[34] Примечания: 34

Позитивные действия или компенсационная дискриминация — план или программа, направленные на устранение последствий расовой дискриминации или дискриминации по половому признаку при приеме на работу или на учебу, а также предотвращение случаев такой дискриминации в будущем. Выражение появилось во времена администрации Д. Эйзенхауэра, президента США в 1953–1961 гг.

Может, это потому, что Иэн оставил ее в покое. После того понедельничного утра, когда возле флагштока она согласилась встречаться с ним, Мими ощущала над собой постоянный контроль, который душил ее, как тяжелое одеяло, придавившее сверху.

Даже не глядя на нее, Иэн умудрялся держать ее под колпаком — то ли с помощью своего приятеля Рода, который кружил вокруг нее и шпионил, то ли с помощью загадочного механизма, благодаря которому двор вращался вокруг Иэна: школьники ходили за Иэном или обходили его, но в любом случае Иэн находился в центре. Ненадолго в этот эпицентр вместе с Иэном затянуло и Мими, и это место оказалось таким чуждым ей, что она все эти дни с трудом могла существовать — как ученица, как подружка Иэна и как подруга Ди. Купить свободу ценой пенала с клубничками — такая плата не казалась ей чрезмерной, когда во время игры в кикбол возникло чувство, что наконец-то она избавилась от слежки. Внимание Иэна переключилось на других, и Мими снова могла вздохнуть полной грудью, закрыть глаза и ощутить себя на своем собственном месте, в стороне от недремлющего ока.

Однако Мими чувствовала себя виноватой:

интуиция подсказывала ей, что ничего хорошего не выйдет из того, что Иэн завладел розовым пеналом — а с ним и адресом, и телефоном Осея. Она жалела, что не сообразила вытащить записку перед тем, как отдала пенал. Больше всего она чувствовала себя виноватой из-за того, что предала Ди, отдав Иэну вещь, которой подруга дорожила. Это измена, как ни крути.

Мими вздохнула. *По крайней мере, теперь я хоть чем-то помогаю Ди*, — думала Мими, пока по лестнице вела подругу за руку к медсестре.

Кабинет мисс Монтано на втором этаже был маленький, как шкаф, к нему примыкал туалет, в кабинете постоянно работал радиоприемник, настроенный на WPGC, местную станцию из списка топ-40. Все они не раз посещали мисс Монтано то с порезами, то с заболевшими животами или с подскочившей температурой. Головные боли делали Мими завсегдатаем этого кабинета. Из приоткрытой двери доносились звуки «Band on the Run», которую передавали по радио, чьи-то всхлипывания и увещевания медсестры: «Перестань, ты же не маленький».

В коридоре стояли в ряд стулья, Мими с Ди сели и стали дожидаться своей очереди. Напротив на стене висели плакаты. Они напоминали, что

нужно мыть руки после туалета. Учили, как вывести вшей. Описывали симптомы ветряной оспы, свинки и кори. Рассказывали про прививки от туберкулеза, оспы, полиомиелита. Даже просто находиться рядом с этой взрослой информацией было жутковато. Взрослые умеют превратить мир в такое место, где человеку страшно. На секунду Мими захотелось, чтобы мама оказалась рядом и разделила с ней бремя страхов.

Всхлипывания стали громче. Наверное, кто-то из младшеклассников, класс второй или третий. Содрал коленку, мисс Монтано смазывает ее йодом, — предположила Мими. Мими так часто сиживала возле медкабинета, что не раз слышала все это.

Ди откинулась на спинку стула, закрыла глаза. Мими хотелось спросить, как она себя чувствует, вообще-то ей о многом хотелось спросить и рассказать. Но она знала по опыту своих головных болей, что приставать с разговорами в такие минуты не следует. Лучше помочь делом.

— Схожу за водой. Хочешь?

— Да, пожалуйста.

Мими вытащила из диспенсера на стене два бумажных стаканчика с напечатанными загадками и пошла в конец коридора к фонтанчику с

водой. Когда она вернулась, по радио передавали «Reeling in the Years», а Ди плакала. Мими села рядом и протянула ей стаканчик:

— Попей.

Ди выпила воду залпом и смяла свой стаканчик, даже не прочитав загадку. Мими отпивала по глотку и читала шутку, напечатанную сбоку на стаканчике: «*Что происходит с зеркалом, когда ты шутишь? Оно лопается со смеху*». Вечно шутки у них несмешные.

— Ну, вот что, — сказала Мими. — Давай я заплету тебе косы. Одну или две?

— Одну.

— Французскую?

— Французскую. Нет — обычную. Сделай попроще.

— Повернись.

Ди повернулась задом к Мими, которая села на стуле боком и перекинула волосы подруги через плечи на спину. Она пальцами разбирала и расчесывала густые светлые пряди. Мими редко видела волосы Ди распущенными. Жаль было снова стягивать их в косу. Однако они явно беспокоили взрослых.

Мими разделила волосы Ди на три пряди.

— Теперь расскажи, что произошло, — попро-

сила она, начав плести косу.

— Ох… — Ди потрясла головой. — Ничего.

— Неправда. Что-то произошло. Скажи что?

Когда все случилось, Мими сидела на скамейке с закрытыми глазами и мечтала оказаться подальше от школьного двора, поэтому застала только финал сцены с падением, когда Ди ударилась головой об асфальт, но Мими успела заметить изуродованное злобой лицо Осея и понимала, что Ди вовсе не споткнулась, как она утверждает.

— Я не знаю, почему он разозлился на меня. — Ди вытерла глаза рукой. — Не понимаю, что я такого сделала. Все было так замечательно, и вдруг… все враз изменилось. Как будто нажали на какую-то кнопку, как будто ему что-то сказали про меня. Но кто мог сказать и что? Я же не сделала ничего плохого! Разве что…

— Что?

— Ничего. — Ди покачала головой.

Когда стало ясно, что больше она ничего не добавит, Мими тоже покачала головой:

— Мальчики вообще такие странные.

— А вы с Иэном…

— Мы с ним расстались. — Мими вспомнила об этой сделке — пенал с клубничками в обмен

на свободу, — и от чувства вины у нее скрутило живот. Нужно все рассказать Ди. Хватит ли духу?

Ди повернулась к Мими.

— О! Это же просто… — Ди, не договорив, проглотила слово, но явно обрадовалась — что задело Мими гораздо сильнее, чем она ожидала. Ясно, что все осуждали ее выбор, хотя Ди не сказала за несколько дней об этом ни слова.

— Да, это здорово. — Мими договорила сама. — Я знаю. Сама не понимаю, что на меня нашло, когда согласилась с ним встречаться.

— Да… — Ди впервые улыбнулась. — Мы тоже удивились. У вас с ним нет ничего общего.

— Наверное, мне это просто польстило. До сих пор никто из мальчиков не хотел со мной встречаться. Потому что я ненормальная.

— Нет, это неправда!

— Правда. Ты знаешь, что я ненормальная. Я всегда в стороне. Я ничего не умею толком. Учусь неблестяще, бегаю небыстро, не рисую и не пою. У меня бывают эти идиотские приступы головной боли. Все считают меня ведьмой или чем-то вроде. Иногда сама не понимаю, как вышло, что я твоя лучшая подруга.

«Особенно когда краду твои вещи и вру тебе», — добавила она мысленно.

— Не говори глупостей, ты самый интересный человек из всех, кого я знаю, — ну, если не считать Осея теперь.

Мими почувствовала острый укол ревности и сильное искушение как следует дернуть за косу, которую заплетала. Но она совладала с собой и только слегка потянула за кончик со словами:

— Почти готово. У тебя есть резинка для волос?

Ди порылась в кармане джинсов.

— И через скакалку ты хорошо прыгаешь, — сказала она, протягивая Мими красную резинку.

Мими засомневалась, что Ди говорит всерьез, и решила, что шутит. Она рассмеялась.

— Да, лучше всех. — Она выпустила косу подруги из рук. — Готово.

— Спасибо. — Ди прислонилась было затылком к стене, но вздрогнула и прижала ладонь к щеке. — Больно.

— Затылок?

— Да.

— Ты здорово ударилась. Голова кружится, тошнит?

— Нет.

— Это хорошо. Может, обошлось без сотрясения мозга. Это будет больше всего волновать медсестру.

Они посидели молча. Наступил подходящий момент, чтобы рассказать всю правду про пенал. Мими сглотнула, открыла рот — но ничего не произнесла. Было очень трудно признаться в дурном поступке. С волосами, заплетенными в косу, Ди выглядела немного успокоившейся, больше походила на себя обычную. Мими не хотелось расстраивать ее.

Зазвучала новая песня, и момент был упущен. Мими и Ди выпрямились.

Я слышала, у него есть хорошая песня.
Я слышала, у него есть стиль.
И я пришла посмотреть на него,
Немного его послушать.

Несмотря на приглушенный звук, нельзя было не узнать глубокий голос Роберты Флэк[35]. Девочки обожали эту песню весь год с тех пор, когда она прозвучала впервые. Одна пятиклассница с сильным голосом победила в этом году с этой песней на школьном конкурсе талантов, хотя Мими подслушала, как мистер Брабант ворчливо заметил мисс Лоуд, что это не самый подходящий

[35] Примечания: 35
Роберта Флэк, род. 10 февраля 1937 г., — американская чернокожая соул-певица, известная исполнением утонченных джазовых баллад. Успех пришел в 1972 году.

репертуар для десятилетней девочки.

Ди начала подпевать:

Его пальцы бренчат по моей боли,

Моя жизнь спета его словами,

Он нежно убивает меня песней.

Потом она оборвала себя:

— Ох, Мими, я не знаю, как мне быть.

— Тебе нравится Осей?

— Да. Очень. Мне было с ним так хорошо. Он совсем не похож ни на кого из наших.

Мими промолчала, стараясь не воспринимать эти слова как критику в свой адрес.

— Он так много повидал в жизни, ему есть что рассказать. Все кажутся такими скучными после него. И я тоже скучная, живу на этой окраине. Мне захотелось приключений, чаще ездить в центр, например. Когда ты последний раз была в Вашингтоне?

— На Пасху. Мы встречались с кузеном возле памятника Вашингтону.

— Я хотела позвать Осея съездить со мной куда-нибудь в выходные на автобусе — в Джорджтаун например.

— А что скажет твоя мама?

— А при чем тут моя мама? — Бунтарство, кото-

рое проснулось в Ди чуть раньше по отношению к мистеру Брабанту, взыграло вновь.

— Да, конечно. Можешь сказать, что пошла ко мне, если хочешь.

— Мне это не понадобится, если он будет по-прежнему злиться на меня. У меня такое чувство, что мы расстанемся.

— Он ведь толкнул тебя сейчас?

Ди ничего не ответила.

— Если толкнул, то ведь это плохо, согласна?

— Это просто случайность. Он не хотел, чтобы я расшиблась, я уверена.

— Уверена?

— Меня больше волнует, почему он так странно начал себя вести, когда мы играли в кикбол и еще раньше. Почему он изменился ни с того ни с сего? Сначала был такой хороший, а потом стал равнодушный и даже злой.

Мими пожала плечами.

— Я не понимаю мальчиков. А они не понимают нас.

— Ой! — донеслось из кабинета, затем голос мисс Монтано:

— Джимми, я уже почти закончила. Сиди смирно.

Роберта пела:

Он пел, как будто знал меня,
Мое темное отчаянье.
И вдруг он посмотрел сквозь меня,
Как будто б меня там не было.

Ди снова заплакала. Мими понимала, что лучше оставить ее в покое. Может, еще удастся забрать пенал с клубничками у Иэна до того, как он что-либо предпримет — продаст, или что он там задумал. Мими соберет волю в кулак и спросит у него.

В кабинете послышалось шарканье шагов, Ди успела вытереть слезы на глазах прежде, чем дверь распахнулась, и из нее, хромая, вышел маленький мальчик, локоть и коленка у него были залеплены пластырем. За его спиной возникла мисс Монтано в белом халате, с лицом, раз и навсегда принявшим невозмутимое выражение.

— Возвращайся в класс, Джимми, — сказала она. — В следующий раз смотри под ноги. Одно слово — мальчики, — заключила она, потом повернулась к Мими и Ди:

— Итак, теперь очередь девочек. Опять голова болит, Мими?

— Нет, мисс Монтано, я просто проводила Ди. Мисс Лоуд попросила меня. Ди ударилась голо-

вой.

— Вот как? Ди, пройди в кабинет, я осмотрю тебя, — сказала мисс Монтано и кивнула Мими:

— А ты можешь возвращаться в класс. Если ничего серьезного, Ди справится сама. Если ушиб сильный, я отправлю ее домой.

Решительность мисс Монтано подействовала успокаивающе, Мими переложила ответственность на профессионала. Пусть взрослые сами разбираются.

Мими пожала руку Ди.

— Увидимся позже.

Ди кивнула и поднялась со стула, чтобы пройти в кабинет вслед за медсестрой.

— Спасибо, Мими.

— Ну что ты.

Оставшись одна, Мими еще немного посидела, дослушала, пока Роберта допоет свою боль до конца, и загадала на следующую песню — может, она послужит знаком. Мими не говорила об этом ни Ди, ни кому другому, но иногда она искала в окружающем мире знаки, если не была уверена в чем-то. Сейчас в голове у нее творилась полная неразбериха, требовалась подсказка, чтобы понять, в чем смысл этого дня.

Когда Доктор Джон запел о том, что оказался

в хорошем месте в плохое время, Мими кивнула. Она поняла, что значит этот знак: день действительно выдался ужасный, и она не могла дождаться, когда он уже закончится.

Часть V. После уроков

Мне мама говорила
Умницей будь, дочка,
Куплю тебе в подарок
Резинового пупса
Сестренка ей сказала
Я парня целовала
Ах, не купит мама
Резинового пупса
Вот лежу в могилке
В маленьком во гробике
А со мною рядом
Резиновый пупс

Ди перевела дух, когда прозвенел звонок, известивший об окончании уроков. Ей показалось, что ждала его целую вечность. Она вернулась в класс от медсестры, пропустив тест по грамматике, и Осей не улыбнулся ей, когда она садилась на свое место, он полностью игнорировал ее после того, что произошло. Она ощущала ледяное равнодушие с его стороны, когда они сидели бок

о бок на уроке искусства и делали ко Дню матери открытки из картона, журнальных вырезок, папиросной бумаги, блесток, кухонных ершиков и прочих материалов, которые выдали на группу. Когда тебя не замечает твой сосед по парте, это особенно тяжело.

Искусство — предмет, которого Ди всегда ждала с нетерпением, мистер Брабант на время уступал место миссис Рэндольф, и атмосфера становилась более непринужденной, менее строгой. Можно было переговариваться с соседями, пока руки занимались работой. Миссис Рэндольф поощряла это. «Мы творим успешнее, когда мы спокойны и раскованны», — говорила она, и при каждом взмахе ее рук на запястьях позванивали мириады браслетов. Она красила губы ярко-красной помадой, которая вылезала за их края, захватывая паутинку тончайших морщинок вокруг. «Свет. И чувство. Вот к чему мы стремимся. *Comme les Francaise*». Миссис Рэндольф несколько раз бывала в Париже и любила напоминать об этом ученикам, пересыпая свои восторженные монологи французскими словечками.

Она хотела, чтобы все сделали для своих мам необычные открытки, а не просто нарисовали букетики цветов с подписью «С Днем матери,

дорогая мамочка».

— Посмотрите на все эти вещи, которые можно использовать в открытке, — сказала она. — Почувствуйте их.

Она подбросила папиросную бумагу в воздух, перелистала журналы, встряхнула бутылочку с блестками.

— Поймайте вдохновение. Представьте свою маму и все, что она делает для вас, — добавила она, потому что вид у школьников был озадаченный. — Подумайте, как она вас любит, скольким жертвует ради вашего счастья. Выразите на этом клочке бумаге всю ту любовь к ней, которую вы сами чувствуете.

Миссис Рэндольф взяла один из тех белых бумажных квадратов, которые раздала им.

— Выразите себя и воздайте хвалу своей матери! *Ah, l'amour pour la mere, c'est merveilleux!*

Ах, любовь к матери — это чудесно!

Ди нервно хихикнула и взглянула на Оу. Он не поднимал глаз. Лицо его было суровым, глаза прикованы к открытке. Ди закусила губу и посмотрела на Пэтти, которая надула губы в знак сочувствия.

— Как твоя голова? — спросила она многозначительно и кивнула в сторону Оу, как бы напоминая

Ди, что ей положено на него сердиться.

Сидевший рядом Осей вздрогнул, как от боли.

Очень своевременное напоминание. Ей *положено* сердиться — у нее на то есть полное право. Он толкнул ее, сделал больно, причем несправедливо. Он не извинился, хотя должен бы. Ей положено уничтожить его взглядом, потребовать, чтобы ее пересадили, избавили от необходимости сидеть рядом с ним и демонстративно занять другое место — может, пустующее место Каспера в соседнем ряду. Другие девочки на ее месте именно так и поступили бы. Бланка бы устроила шумиху, на законном основании разыграла спектакль и наслаждалась им.

Но Ди совсем не сердилась, она чувствовала себя виноватой — как будто это ей полагалось извиниться перед ним, а не наоборот. Он был вправе разозлиться на нее, закричать и оттолкнуть. Он был чернокожий, и весь день к нему относились как к чернокожему, не так, как отнеслись бы к новенькому, будь он белым. Ди осознавала, что и у нее он вызвал интерес потому, что был черным, а это не самая достойная причина — любить кого-то из-за цвета кожи. Она смотрела на его руки цвета кофе, который ее отец пьет по утрам, Осей вырезал ножницами из красного картона

фигуру, похожую на кривобокое сердце. Ногти у него были удлиненной формы, ярко-розовые.

— Ди?

Пэтти окликнула ее, и Ди вздрогнула.

— Я в порядке. Голова не болит, — ответила она и схватила голубой ершик, даже не представляя, что будет с ним делать.

— А тут у нас кто? — Миссис Рэндольф взмахнула руками над их партой. — Ты, должно быть, новенький. Иначе бы я тебя точно запомнила!

Она улыбнулась Осею. На больших передних зубах отпечаталась красная помада.

Осей перестал резать картон, но не поднял глаз.

— Да, мэм.

Миссис Рэндольф рассмеялась:

— Не надо разговаривать со мной так официально! Как тебя зовут?

— Осей.

— Какое интересное имя! А меня, Осей, можешь называть Кэй. — Миссис Рэндольф все время пыталась приучить учеников обращаться к ней по имени. Никто, однако, не слушался.

— Здесь у нас нет начальников. В искусстве не бывает начальников. Это чистое самовыражение. И сегодня мы выражаем любовь и уважение

к нашим мамам. Что ты хочешь изобразить на своей открытке?

Ди хотелось сказать ему, чтобы не волновался, что миссис Рэндольф обрушивает свое ошеломляющее внимание на каждого по очереди. Нужно просто сжать зубы и перетерпеть, а когда она, как волна, покатится дальше, откинуться на стуле и пошутить над ней за ее спиной. Но, конечно, Ди не могла сказать ему ничего сейчас, когда он так явно отвергал ее.

Осей посмотрел на миссис Рэндольф и ответил:

— Я вырезаю клубнику для мамы. Это ее любимая ягода.

У Ди похолодело в животе. Миссис Рэндольф захлопала в ладоши:

— Потрясающе! Выбрать то, что она любит — великолепная идея! Главное, не сковывай свою фантазию. Не обязательно вырезать ножницами. Если хочешь, можешь просто рвать бумагу пальцами, и так придать ей форму клубники! Хочешь рвать пальцами?

Похоже, ровные линии и аккуратные работы вызывали у миссис Рэндольф тревогу, в отличие от сумбурных и неряшливых творений.

Осей опустил голову и продолжил резать картон.

— Я лучше ножницами.

— Конечно, конечно! — поспешно воскликнула миссис Рэндольф. — *Супер*! А ты, Ди, что делаешь? Как ты поздравишь свою маму?

— Я… я… — Ди теребила в руках ершик и согнула его так, что образовался пушистый шарик. Она понятия не имела, что сделать для мамы. Миссис Бенедетти была не из тех мам, которых «поздравляют».

— Черника! — вскричала миссис Рэндольф. — Это любимая ягода твоей мамы? Возможно, у нас будет фруктовая корзинка. Осей, ты задал моду!

Она с надеждой взглянула на открытки Дункана и Пэтти, рассчитывая, наверное, увидеть там бананы или апельсины. Но Дункан спал, положив голову на руки. Если мистер Брабант никогда не разрешил бы Дункану спать в классе, то миссис Рэндольф была более снисходительна. Пэтти лихорадочно мастерила из папиросной бумаги цветок, такой девочки делали в прошлом году с другой преподавательницей искусства, которая придерживалась более традиционных взглядов. На мгновение у миссис Рэндольф сделалось такое лицо, будто она сейчас выхватит у Пэтти из рук цветок и порвет его. Вместо этого она широко улыбнулась и перешла к другой парте.

— А что у нас здесь? Мамины любимые овощи? — Она рассмеялась своим оглушительным смехом, и Ди вздрогнула.

Если бы вернуться назад, в самое начало дня, когда Дункан не спал, а они с Осеем еще были счастливы вместе, то они вчетвером — даже чопорная Пэтти — могли бы здорово посмеяться над миссис Рэндольф, пародии на нее подолгу передавались из уст в уста и становились школьным фольклором. Но вместо этого они молчат, упорно трудятся над открытками, пока все одноклассники от души веселятся, Ди это слышала.

Пэтти попросилась в туалет, а по возвращении не села на место, избегая своих мрачных соседей, а бродила с другими ребятами по классу, сравнивала, у кого какие цветы. Ди хотела позвать ее обратно или разбудить Дункана, чтобы между ней и Осеем был кто-то третий, какой-нибудь посредник. А то им с Осеем приходилось сидеть, словно аршин проглотили, и делать вид, что не замечают друг друга.

Уголком глаза она видела, что открытка Осея обретает законченность — на обложке букет из трех клубник, белый картон покрашен в такой же розовый цвет, как пенал. На развороте Осей написал очень официальное поздравление своим

европейским почерком, с длинными петлями букв: «Дорогая мама, желаю тебе счастливого Дня матери. Твой сын Осей».

Может, Осей злится из-за розового пенала? Ди ломала голову, где он может быть. Она исподтишка проверила свою парту, когда вернулась из медкабинета, в надежде на то, что вдруг он там окажется, но напрасно. Хотя Осей не поворачивал головы, она догадывалась — он понимает, что она ищет. Может, она выронила его где-то? Надо поискать в ящике для потерянных вещей.

За десять минут до окончания уроков миссис Рэндольф хлопнула в ладоши, попросила учеников положить сделанные открытки на парты, обошла класс и осмотрела все работы, а потом отдала команду приступать к уборке. Ди с облегчением вскочила из-за парты. Последние полчаса показались ей наказанием за неизвестное преступление, которое она совершила, сама того не ведая. Она смастерила дурацкую открытку с черникой на обложке, хотя ее мама чернику в рот не брала. Выглядело так, словно она слизала открытку Осея.

Осей тоже, похоже, еле дождался, когда можно будет выйти из-за парты. Восхищаясь цветами из папиросной бумаги, а также нарисованными

цветами и фруктами (овощей не было), Ди все время отслеживала, где находится Осей. Вдруг он исчез из поля зрения, и она обнаружила его в читальном уголке, он сидел на бинбэге и листал журнал «Мэд», оставленный кем-то.

— Осей, сейчас нужно прибираться, чтобы успеть до звонка.

Он только кивнул головой, поднялся и побрел к парте. Ди вспомнила, как уверенно он двигался утром по двору. Куда подевалась эта уверенность?

Когда они вместе убирались, бросая бумагу, карандаши, тюбики с клеем и ершики в картонную коробку, Осей тихо сказал:

— Встретимся во дворе после уроков.

Ди печально кивнула. Мама ждет ее сразу после уроков, но она скажет, что прыгала через скакалку.

Когда прозвенел звонок, она шепнула: «Я выйду через минуту» — и побежала из класса на первый этаж, в «стол находок», который представлял собой ящик рядом с кабинетом директора.

Сидя на коленях, она рылась среди одинаковых синих жакетов, перемежавшихся непарными кроссовками, и услышала, как миссис Дьюк говорит по телефону: «Нет, он не совершил ничего

дурного. Ничего наказуемого. Произошел инцидент с девочкой — нет, ничего подобного. Она упала и ударилась головой». Пауза. «Я понимаю вас. Конечно, требуется время, чтобы освоиться в новой школе, особенно учитывая… обстоятельства вашего сына. Возможно, он не привык вести себя так, как мы требуем от наших учеников». Пауза. «Нет, я не намекаю…» Пауза. «Конечно, я не имею в виду, что вы плохо справляетесь с родительскими обязанностями. Давайте дадим ему время освоиться, хорошо? Мы будем присматривать за ним». Пауза. «В этом нет необходимости. Давайте подождем пару недель, миссис Кокоте, а потом поговорим, хорошо? А сейчас, прошу прощения, прозвенел звонок, у меня начинается учительское собрание. До свидания». Повесив трубку, она вскрикнула: «Господи, пошли мне сил!»

Школьная секретарша, которая сидела в смежном кабинете, хихикнула:

— Что, задала она вам жару?

— Очень много гонору, так я скажу. Слава богу, что он у нас проведет только месяц. Пусть с ним возятся в другой школе.

— Вы думаете, он толкнул Ди Бенедетти?

У Ди кровь застыла в жилах.

— Я не думаю, я *знаю*. Несколько детей сказали мне, что они видели, как он ее толкнул. Но Ди отказалась признать, что он это сделал, поэтому наши обвинения будут выглядеть нелепо.

— А что, если он вскружил ей голову? Пробудил интерес к кофе с молоком?

Миссис Дьюк хмыкнула.

— Допустим.

— Это ненадолго. Они влюбляются на перемене, а в обед расстаются. Возраст такой.

— Не знаю. Диана рассказала мне, что Ди расплела косы и разрешила ему гладить волосы. Ее матери это не понравится. Я даже боюсь звонить ей. Вы ведь знаете, каков характер у миссис Бенедетти.

— О да! — Секретарша снова рассмеялась. — Но ведь Ди не нарушила никаких правил, так ведь? Поэтому вы не обязаны звонить ее матери.

— Обязана, я должна сообщить ей, что Ди ударилась головой. Но я скажу, что она споткнулась. Про мальчика упоминать пока не буду. Но ничего. Думаю, что я выведу его на чистую воду рано или поздно. С Ди или без нее.

Секретарша выглянула из кабинета и увидела Ди, склонившуюся над ящиком.

— Ди, что ты тут делаешь?

— Ничего. Ищу одну вещь. Но ее тут нет.

Когда Ди поднималась на ноги, она услышала скрип стула и звук шагов, затем в дверном проеме появилась миссис Дьюк, которую предварял аромат ее духов. Вид у нее был сильно удивленный.

— Ди, ты подслушивала?

— Нет, миссис Дьюк. Я кое-что искала в ящике.

— И что же ты искала?

— Пе… пенал. — Ди оказалась не в состоянии посмотреть ей в глаза, поэтому уперлась взглядом в ее бусы из жемчуга. Иногда миссис Дьюк заменяла их брошкой в виде паука, а зимой брошкой в виде снежинки. Девочки в зависимости от этого называли директрису «паучья», «снежная» или «жемчужная» миссис Дьюк.

— Как он выглядит?

— Розовый, с клубничками. Но его тут нет. Он… потерялся.

— Понятно. Тогда вон отсюда.

Ди поспешила убраться, но остановилась, когда миссис Дьюк окликнула:

— Погоди.

— Да, миссис Дьюк, — повернулась Ди.

— Я беспокоюсь из-за тебя, Ди. Меня беспокоит, что ты, возможно, не говоришь мне всей правды о том, что случилось сегодня.

Ди насупилась.

— Я говорю правду. Я споткнулась и упала.

— Точно?

— Да.

Миссис Дьюк долго смотрела на нее, а Ди под ее взглядом сжала губы и выпятила подбородок. Наконец директриса отвернулась.

— Хорошо. Так я и скажу твоей маме, — бросила она через плечо. — Я собираюсь позвонить ей сегодня. Иди домой.

Пока Ди шла по коридору, она даже вздрогнула при мысли о том, что скажет мама, узнай она, что сегодня произошло на самом деле. На крыльце она помедлила. Осей ждал ее возле «джунглей». Она сделала глубокий вдох и шагнула во двор.

* * *

Иэн никогда не уходил домой сразу после уроков, если только не шел дождь. Дома нечем было заняться. Старшие братья возвращались позже, да и не проявляли никакого желания общаться с ним. Выйдя на улицу, чтобы покидать мяч в корзину, поиграть в бейсбол или попинать консервную банку, Иэн замечал, что при его появлении дети стараются под разными предлогами уйти — то пора учить уроки, то мама послала в

магазин. Однажды Иэн сел на велосипед, немного покатался, а вернувшись, обнаружил, что мальчики, которые десять минут назад разошлись кто куда, снова собрались в сквере и играют в софтбол без него. Он постарался, чтобы его не заметили, уж слишком унизительно это было бы. Но мысленно занес имя каждого в черный список и систематически его просматривал, и с каждым поквитался в ближайшее время. Иэн не воспользовался своими обычными методами: вымогать деньги, применять физическую силу, давить психологически. Нет, он действовал скрытнее, подлее — кому-то проколол шины на велосипеде, у кого-то облапал в давке сестру, кому-то во время перемены испачкал парту краской.

Так что после уроков Иэн предпочитал остаться в школьном дворе. Хотя большинство школьников расходились по домам, двор не закрывали еще в течение часа для тех, кто захочет погулять и поиграть, один из учителей дежурил. Сегодня была очередь мисс Лоуд. Очень удачно — она слишком боится Иэна и не будет ни во что особо вмешиваться. В ту минуту она разговаривала во дворе с матерью какого-то младшеклассника. Скоро она сядет и будет читать книгу, время от времени поглядывая вокруг.

Иэн заметил Оу возле «джунглей» — металлические прутья были соединены под прямым углом, образуя ячейки высотой в двенадцать футов, по которым можно лазать. Во дворе было еще несколько ребят, но возле джунглей больше никого. Может, они избегали новенького.

Иэн выждал время, не пошел сразу к «джунглям». Спешить не следовало, а то можно потерять чувство собственного достоинства. Он немного постоял возле девочек, которые прыгали через скакалку, — вечный дабл-датч, сейчас тут собрались девочки из разных классов. Мими тоже среди них, она крутила скакалку, четвероклассница прыгала, девочки напевали:

Мне мама говорила:
Умницей будь, дочка,
Куплю тебе в подарок
Резинового пупса.
Сестренка ей сказала:
Я парня целовала.
Ах, не купит мама.
Резинового пупса.

Иэн не задержался надолго — смотреть было не на что, прыгала девочка совсем маленькая,

поэтому груди у нее от прыжков не тряслись. За его спиной продолжалось пение:

Я лежу в могилке,
В маленьком во гробике,
А со мною рядом,
Резиновый пупс.

Иэн подошел к группе мальчиков, которые играли в «шарики», и встал так, чтобы его тень пересекла круг. Мальчики посмотрели наверх, недовольные и готовые возмутиться, но, когда увидели, чья тень нависла над ними, ничего не сказали. Иэн постоял до тех пор, пока бросавший не промазал, и двинулся дальше.

Он не успел дойти до «джунглей», как его перехватил Род, синяк у него за несколько часов набух и стал еще больше. Род сильно действовал Иэну на нервы — и сегодня еще сильней, чем обычно. Не пора ли Роду начать самому выигрывать в сражениях, самому завоевывать девочек? Разве не научился он у Иэна всему, что нужно для самостоятельной жизни? Род слишком долго пробыл в закадычных друзьях, Иэн предпочитает дальше двигаться без него.

— Эй, дружище, я ничего не понимаю, — заныл Род.

Поскольку Иэн продолжал идти, не останавливаясь, Род забежал вперед и преградил ему путь. Иэн вспыхнул от злости, но сдержался, чтобы не заехать Роду кулаком в грудь. Род — мелкая сошка, нужно сберечь себя для более крупных фигур.

— Ты ж обещал, что я буду ходить с Ди, — продолжал хныкать Род. — А теперь я вообще не понимаю, кто мой соперник — этот или тот?

Род махнул тощей рукой в сторону Осея, который стоял возле «джунглей», а другой рукой — в сторону Каспера, который подкрался ко входу в школьный двор, не замеченный мисс Лоуд. Иэн улыбнулся сам себе: Каспер, звездный мальчик, наконец-то прочувствовал, что значит быть нарушителем. Его выставили с уроков, теперь ему полагается сидеть дома, на другой стороне улицы, где ему светит головомойка от родителей. Как-никак посадить его под домашний арест и лишить карманных денег они должны, даже если к ремню, которого он, безусловно, заслуживает, вряд ли его родители прибегнут. А вместо этого Каспер пробрался к школе и, по всей видимости, поджидает Бланку. Похоже, он вошел во вкус дурного поведения, наслаждается им от души.

— Я вообще не понимаю, чего ради ввязался в эту драку с Каспером, — нудил Род. — Он же ходит

с Бланкой — всякий это знает. Ты видел, как они целовались на переменке. Зачем ты наслал меня на него? Это же *он*…

Род снова махнул рукой в сторону Оу.

— Это он ходит с Ди. И он ударил ее! Я с *ним* должен драться! — Род сжал кулаки, демонстрируя боевую готовность, но поостыл, когда еще раз взглянул на предполагаемого соперника. — Хотя, поди, он меня разукрасил бы почище, чем Каспер.

— Может, и так, — успокоил его Иэн. — Не переживай — думаю, скоро все переменится. Погоди еще немного. А с Оу я сам разберусь.

Иэн возобновил было свой путь в сторону «джунглей», но притормозил и ладонью показал Роду, чтобы не тащился за ним:

— Я сам.

Род отстал, раненое животное осталось позади. Иэн найдет способ отделаться от него. Но завтра. Сегодня есть задачи поважнее.

Оу смотрел на него. Когда Иэн подошел к «джунглям», Оу спросил:

— Чего *он* хочет?

Иэн присел на один из металлических прутьев, руками уперся в верхнюю перекладину.

— Род-то? Ничего. Он вообще ничто, пустое

место.

Оу посмотрел на Рода, который теперь ковылял к пиратскому кораблю.

— Не похоже. Чего ему надо от меня?

Иэн повис на руках.

— Роду нравится Ди. Поэтому он ревнует. Ревность — зеленоглазое чудовище, как выражается мой отец. И… — Иэн оценил момент и решил забросить пробный шар. — Он ей тоже нравится.

Оу напрягся, глаза стали дикие.

— Что? Он ей?

Иэн улыбнулся. Оу находится в таком состоянии, что поверит чему угодно — даже тому, что такое жалкое ничтожество, как Род, может интересовать Ди.

— Похоже, ты ошибся с выбором. Я тебя предупреждал.

Оу скрестил руки на груди и вцепился ладонями в подмышки. Казалось, он пытается задушить свою ярость.

— Она сама меня выбрала, — сказал он и помолчал. — Она сейчас придет сюда. Я хотел сказать ей, что все в порядке. Что я больше не сержусь. Но как я могу ей верить, как?

Он посмотрел на Иэна так, словно ждал от него каких-то доказательств, чтобы разрешить свои

сомнения.

Иэн с готовностью протянул их.

— А пенал, ты забыл? Как он оказался у Каспера?

Произнося эти слова, он отдавал себе отчет, что история с пеналом работает лишь до тех пор, пока никто не задаст вопроса. Как только Оу или Ди спросят Каспера или Бланку, откуда взялся пенал, участие Иэна тут же откроется и вся интрига рассыплется. Это слабое место его стратегии — необходимость самому участвовать в ее осуществлении. Поэтому удар нужно нанести немедленно — удар настолько сокрушительный, чтобы его последствия были необратимы, даже после того как роль Иэна всплывет на поверхность. В этот момент из школы выбежала Бланка и завернула за угол, где ее поджидал Каспер. Когда они обнялись, Бланка бросила рюкзак на землю. Пенал с клубничками, засунутый в передний не застегнутый карман, был хорошо виден.

— А что Ди сказала, когда ты ее спросил про пенал?

Лицо Оу помрачнело.

— Сказала, что забыла дома.

— Ну вот, сам видишь. — Иэн кивнул в сторону Бланки и рюкзака с пеналом. — Почему Ди совра-

ла тебе? Может, считает — можно вешать тебе лапшу на уши, и ты все проглотишь? Потому что ты тупой?

Он не добавил «и потому что ты черный». В этом не было необходимости — Оу сам достроил логическую цепочку. Его душевный крах происходил на глазах — как будто оседал песчаный замок на берегу.

— Не говори так.

— Я просто честно говорю, что думаю. Ди вообще-то хорошая. Я просто пытаюсь понять, почему она так поступает, что у нее в голове происходит. Она никогда не имела дела с чернокожими, сам понимаешь. Может, она пробует тебя на вкус, как новый сорт мороженого.

Оу закрыл глаза.

Хватит, — подумал Иэн. — *Я сказал достаточно. И момент выбрал самый подходящий.*

— А вот и Ди, — сказал он. — Оставлю вас, ребята, одних.

* * *

Когда раньше в школе что-то говорили или делали — подбрасывали бананы ему на парту, ухали, как обезьяны, перешептывались, что от него странно пахнет, или спрашивали, были ли

его бабушка с дедушкой рабами, — Осей сохранял достаточную дистанцию, которая смягчала удар, и не испытывал боли. Частенько он мог даже посмеяться над этим — пересказывая потом все Сиси и забавляясь тем, как невежественны и неоригинальны люди в своих предрассудках. «Неужели они не могут выдумать что-нибудь поинтереснее, чем обезьяна? — спросил он сестру. — Почему бы им не сравнить меня с пантерой? Она темнее, чем обезьяна».

Сиси усмехнулась. «Потому что белые боятся черных пантер». Она подняла кулак в традиционном приветствии.

В каком-то смысле расизм, основанный на открытых оскорблениях, переносить было легче. Ранили более тонкие детали. Например, когда ребята, которые дружили с ним в школе, не приглашали к себе на день рождения, куда позвали весь класс. Когда при его появлении обрывали разговор, и в комнате повисала пауза. Когда после скользкого замечания следовало уточнение: «Я не про тебя, Осей. Ты совсем другой». Или высказывания типа «Он черный, но не дурак» и неспособность понять, почему это оскорбительно. Заявления, что он хороший спортсмен, потому что — ну, вы знаете — все черные *такие,* а

еще что он хороший танцор или потенциальный преступник — по этой же причине. Или манера говорить про Африку, будто это одна большая страна. Сваливают всех чернокожих в одну кучу, словно Мухаммед Али не отличается от Джо Фрэзера, Тина Тёрнер от Ареты Франклин, а Флип Вилсон от Билла Кросби — хотя они совершенно не похожи друг на друга.

На себя он сердился гораздо больше, чем на Ди. На короткое время — всего лишь на одно утро — он ослабил бдительность, позволил себе думать, что Ди не такая, как все, что он понравился ей сам по себе, а не из-за внешних признаков — черный, необычный, экзотика и все прочее, неизведанная область, которую интересно исследовать. Он смотрел, как она идет к нему через школьный двор, и его чувства скакали зигзагом от обиды к злости и сожалению. Гораздо приятней пропустить слова Иэна мимо ушей — и тогда он сможет по-прежнему испытывать благодарность Ди за ее интерес и заботу, отвечать ей тем же, радоваться ее красоте. Но разве можно забыть про пенал с клубничками? Про эту ложь, которая изменила все в их отношениях. Он ведь открыл Ди свою душу, а, выходит, ей нельзя доверять. Ему вдруг захотелось, чтобы Сиси оказалась дома, и он бы

спросил ее: «Почему так трудно быть черным?»

«Возвращайся в Африку, малыш, — ответила бы она. — Там быть черным нормально, а смеются над белыми». Какая соблазнительная идея. И родители наверняка согласятся, если он попросит отдать его в школу-интернат в Гане.

— Привет, — сказала Ди, она подошла и стояла рядом, неуверенная, испуганная.

Оу скривил губы в недоброй ухмылке:

— Где ты пропадала? — Его вопрос прозвучал даже более надменно, чем он хотел.

— Нигде. Искала кое-что… в ящике с потерянными вещами. — Она ответила неохотно, уклончиво и жалобно.

— А что ты потеряла?

Последовала пауза, из которой он понял все, что хотел понять. Пока она придумывала ответ, ее лицо говорило лучше слов. Еще одна ложь в придачу к первой.

— Этот, как его… свитер. Думала, что забыла его на площадке, когда прыгала через скакалку вчера.

— Нашла?

— Нет.

— Может, дома оставила.

Ди молчала.

— А ты точно искала свитер? Может, что-то другое?

Ди замерла.

— Что ты хочешь сказать?

Осей кивнул в сторону Бланки и Каспера. Она сидела у него на коленях, обнимала его за шею, они болтали и смеялись, и Осей почувствовал, как острое копье зависти вонзилось в сердце при виде их счастья.

— А при чем тут они?

— Посмотри на рюкзак Бланки.

Ди прищурилась.

— А что я должна увидеть?

Сложно с такого расстояния разглядеть что-нибудь, если не знаешь, что должен увидеть.

— Залезь повыше — будет лучше видно.

Осей подтянулся на перекладине «джунглей».

Ди колебалась, стоя внизу.

— Почему ты просто не скажешь мне, что там?

— Лезь сюда, — настаивал Осей.

Она продолжала стоять, отказывалась подчиниться.

— Ди, если ты не залезешь сюда…

Ди начала карабкаться, медленно и осторожно, пока не залезла на самый верх, и там села на перекладину, крепко схватившись за две другие.

— Я залезла сюда как-то раз в четвертом классе. Мистеру Брабанту пришлось меня снимать.

Она посмотрела на него с надеждой, которая сменилась огорчением, когда Осей ничего не ответил.

— Я сюда залезла ради тебя — это многое значит, — добавила она. — Так куда мне смотреть?

— Вон туда. Посмотри, что у Бланки в кармане рюкзака. Может, ты это искала?

Ди долго всматривалась вдаль, потом сжала перекладины еще сильней.

— Как он к ней попал?

— Ты сказала, что забыла его дома во время обеда.

— Я так думала.

— Правда?

Ди вздохнула.

— Я не знала, где он.

— Значит, ты соврала мне.

— Я… я надеялась найти его… думала, что забыла его где-то и найду. Я не хотела огорчать тебя, потому и не сказала, что потеряла пенал.

— Значит, ты пенал искала в ящике с потерянными вещами.

Ди кивнула.

— Я же знаю, что это пенал твоей сестры и ты

им дорожишь. Я искала его, зачем же было говорить тебе, что он потерялся.

На мгновение Осей поверил. Ему очень хотелось поверить ей, а у нее был искренний и огорченный вид. Тут он краем глаза заметил сцену — Иэн сидит на краю пиратского корабля рядом с Родом, они свесили ноги и раскачивают ими туда-сюда.

— Слова, слова, слова.

— Это правда!

— Тогда как же он попал к Бланке?

— Понятия не имею. Давай спросим у нее.

— Незачем. Я и так знаю. Каспер подарил его Бланке, а ты — Касперу. Ты подарила пенал моей сестры какому-то парню.

— Нет! С чего мне дарить его Касперу?

— Вот и я хочу знать. *С чего* тебе дарить его Касперу?

Она посмотрела на него с недоумением и досадой из-за этого дешевого трюка — он повторил ее собственные слова. Не будь он так зол, ему стало бы стыдно за себя.

— Ты обманываешь меня, да? Ты ходишь с Каспером.

— Что?

— Вы же ходите с ним. Все, наверное, знают и

потешаются, как ловко ты обвела чернокожего вокруг пальца. — Он окинул взглядом школьный двор, который превратился в поле битвы, полное врагов.

— Осей, нет!

— Иэн — единственный честный человек, сказал мне правду. Открыл мне глаза на все.

— Иэн? Вот, значит, кто… — Недоумение на ее лице сменилось озарением. Она встряхнула головой. — Тебе следует знать, что Иэну нельзя верить. Если он что-то говорит, это неспроста, значит, ему это выгодно.

— Не вали с больной головы на здоровую.

— Но… — Ди постаралась взять себя в руки. — Осей, я никогда не ходила с Каспером, — медленно сказала она. — Я знаю его всю свою жизнь, но никогда не чувствовала к нему того, что чувствую — что чувствовала — к тебе. И потом, взгляни.

Она указала на Каспера с Бланкой.

— Ты же сам видишь, что он с Бланкой.

Осей слушал ее дрожащий от напряжения голос. Помолчал, потом открыл рот.

— Почему же тогда ты со мной все время про него говорила?

— Потому что он мог бы стать тебе хорошим другом. Мог бы тебе помочь. Иэн сказал… — Она

замолчала.

— Что сказал Иэн?

Но Ди смотрела уже в сторону пиратского корабля, откуда Иэн с Родом время от времени бросали гальку в мальчиков, которые играли в «шарики».

Его снова охватила злость, он очень рассердился, что она отвлеклась от важного разговора, и даже хотел дернуть ее. Он потянулся, чтобы схватить ее за руку, но Ди уже начала спускаться на землю, и он не смог достать до нее.

— Ди, — позвал он.

Она продолжала спускаться и, коснувшись земли, побежала к кораблю, где сидел Иэн.

— Не уходи от меня, Ди! — крикнул Осей.

От его крика мальчики перестали играть в «шарики», а девочки прыгать через скакалку. Всеобщее внимание обратилось на него, хотя он вовсе на него не рассчитывал. Но раз уж так вышло, нужно этим воспользоваться, чтобы проучить ее.

— Не уходи, — повторил он, еще громче. И добавил слово, которое ему приходилось слышать, но он не думал, что сам когда-нибудь его произнесет: — Шлюха!

Это слово разорвалось над школьным двором,

как бомба. Даже те, кто продолжали заниматься своим делом, побросали все. Даже Бланка с Каспером прекратили разыгрывать свой спектакль и уставились на Осея.

Ди замерла на месте, отведя одну ногу назад, коса на спине как восклицательный знак. Род приподнялся, чтобы спрыгнуть с корабля, но Иэн удержал его.

На другом конце двора мисс Лоуд отбросила книгу.

— Мне послышалось?..

Вид у нее был не только сбитый с толку, но и смущенный от того, что весь двор уставился на нее. Она сглотнула, подняла книгу и снова склонилась над ней.

— Вы знаете, что эта девочка шлюха? — прошипел Оу, обращаясь к своей аудитории: к мальчикам, которые играли в «шарики», к девочкам, которые прыгали через скакалку, к Касперу с Бланкой, к Иэну с Родом.

Всеобщее внимание придавало ему ощущение собственной значимости. Он улыбался так широко, что видны были боковые зубы, и напоминал оскалившегося волка.

— Вы знаете, что она дала Касперу? И мне обещала дать! — продолжал он, повысив голос.

Бланка вскрикнула и соскочила с коленей Каспера, а он отрицательно затряс головой.

Ди медленно повернула голову, глаза у нее были широко открыты, рот тоже, губы дрожали. Глядя на Осея, который сидел на верхушке «джунглей», она протянула руки ладонями вверх и крикнула:

— Что с тобой? Почему ты так говоришь?

Чувство вины проснулось в нем, но упоение тем, что его словам все внимают, было сильнее, и он продолжал, едва понимая, что говорит его язык:

— Она даже держала меня за член, так сильно ей хотелось его отведать. Всем белым девчонкам его очень хочется.

Мальчики с «шариками» завизжали и стали истерически хохотать. Девочки со скакалками хором охнули, и Ди перевела взгляд на них, на свою стаю. Они были явно потрясены, некоторые прижали руки к губам, другие перешептывались с соседками. Потом они захихикали, все — кроме Мими, которая трясла головой, словно отгоняла назойливую пчелу.

И тут Ди дрогнула. С воплем она сорвалась с места и побежала быстрей, чем Оу мог себе вообразить, ноги стучали об асфальт. Замешкалась у

запертых ворот, распахнула их и выскочила на улицу, захлопнув за собой. Когда она исчезла за углом, Род спрыгнул с корабля и попытался ее догнать, но Ди была слишком далеко, и он скоро вернулся.

Когда она убежала, обстановка во дворе изменилась, словно солнце заволоклось тучами. Все заговорили разом.

— Господи боже мой. Сначала Каспер, теперь Ди. Что за день сегодня такой?

— Нет, как он мог такое сказать? Ушам не верю.

— Может, и правда.

— Нет!

— Хотел бы я, чтобы она взяла меня за член.

— Заткнись ты!

— Сам заткнись!

— Бедняжка Ди!

— Ди не такая, быть этого не может.

— Кто знает. Она все утро рук с него не спускала.

— А в обед она его поцеловала, видели?

— А чем они занимались там, в песочнице?

— Да, она потаскушка. Я так и думал.

— Вот-вот.

Мими стояла в компании девочек со скакал-

ками и смотрела, не отрываясь, на Осея. Бланка скрестила руки на груди и орала на Каспера. Мисс Лоуд отложила свою книгу и встала, но вид у нее был совершенно растерянный. Посреди суматохи один Иэн сохранял спокойствие, сидел, развалившись, на корабле и улыбался.

Как я объясню это все Сиси? — подумал Осей. Уж она бы знала, что сказать всем этим белым.

— Черное прекрасно, — пробормотал он. Никогда раньше с такой силой не хотелось ему в это верить.

Еще больше ему хотелось положить голову сестре на плечо и заплакать.

* * *

Глядя на Осея, Мими переживала дежавю, это странное чувство, когда кажется, что такое уже было. Это состояние было не просто узнаванием чего-то уже знакомого, это было как выпадение из потока реальности. Порой Мими переживала дежавю по нескольку раз на дню, и ей начинало казаться, что она живет во сне, который перемежается кусочками реальности. Сейчас ей казалось, что она уже переживала позор Ди и подлый триумф новенького на вершине «джунглей», хотя, конечно, это не так. Никогда раньше никто

не унижал Ди, а Осей не злорадствовал.

Она потерла лицо, чтобы отогнать картину, зрителем которой только что стала, и пошла к «джунглям». Краем глаза она заметила, как Иэн спрыгнул с корабля, и сообразила, что времени у нее немного.

— Осей, зачем ты врешь? — крикнула она снизу. — Ты же знаешь, что это неправда.

Оу посмотрел на нее с вершины, как только что коронованный король джунглей.

— Я знаю, что говорю, — ответил он. — У меня есть доказательство.

— Какое еще доказательство? Как ты можешь говорить такое про Ди?

— Залезай сюда наверх, и ты увидишь доказательство своими глазами. — Оу махнул рукой в сторону Бланки.

Мими нахмурилась, не понимая, о чем он говорит, но подумала, а вдруг у него и правда есть какое-то доказательство. Этого она не вынесет. Мими дружит с Ди почти с рождения, и как ужасно будет обнаружить, что совсем не знает ее.

Но любопытство одолело, к тому же Иэн неуклонно приближался к ней, и она полезла вверх. Поднялась футов на шесть от земли и спросила Оу:

— Куда смотреть? — И тут почувствовала, как чужие руки схватили ее за лодыжки и со всей силы рванули вниз.

Зависнув в воздухе на долю секунды с запрокинутой шеей, Мими приземлилась на спину, и острая боль залила все ее тело, так что удара головой об асфальт она уже не почувствовала. Звезды кружились и взрывались перед глазами, как головастики, и на мгновение она потеряла сознание.

Когда Мими очнулась, голова болела гораздо сильнее и настырнее, чем во время обычного приступа. Она лежала неподвижно, дышала с трудом. Боль была такой сильной, что Мими не могла ни кричать, ни плакать, только надеялась, что эта боль прокатится сквозь тело и сойдет на нет, как прилив. Она открыла глаза, Иэн стоял рядом, его лицо ничего не выражало, головой подал еле заметный знак, предназначенный только для нее. Подобно черной луне возвышался над ним Осей, который сидел на «джунглях», на лице у него был испуг.

— Как ты, Мими? — спросил он.

Бланка оттолкнула Иэна и кинулась на колени возле Мими, рюкзак соскользнул с плеча и упал рядом.

— Боже, Мими! — кричала она, прижимая ладони к щекам. — Ты умерла?

В то же самое время Каспер тащил Иэна в сторону со словами:

— Какого черта ты натворил?

Мими скользнула взглядом вбок, увидела рюкзак, в наружном кармане — пенал с клубничками. Она постаралась прогнать мелькание и дрожание перед глазами, чтобы получше разглядеть клубнички, которые были совсем близко к ее лицу. Почему-то она испытала облегчение, увидев их. Хотя им вроде не полагалось тут быть, и она не могла вспомнить, почему они тут оказались. Мими прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться.

— Она умирает! — слышала она вопли Бланки. — Моя подруга умирает прямо у меня на руках!

Мими не открыла глаз, чтобы успокоить всех и заставить Бланку замолчать, а лежала в темноте и покачивалась на волнах пульсирующей боли.

Потом раздался голос мисс Лоуд, та требовала, чтобы посторонились, но возбужденные мальчики ее не пропускали.

— Ты что натворил? — кричал Каспер. — Смотри, как Мими ударилась!

— Руки убери, скотина! — отвечал Иэн. — Тебя

что, назначили шерифом двора? Помалкивал бы лучше! Посмотри, глаз у Рода совсем почернел.

— Все видели, как ты сбросил Мими. Тебе не поздоровится, парень.

— Себя пожалей! Разве тебя не выгнали? Ты же наказан, или я ошибаюсь? Тебе вообще нельзя совать нос в школьный двор. Если учителя увидят, тебя вышвырнут. Ты по уши в дерьме, амиго, так что спасай свою задницу. Сделай нам всем одолжение — канай отсюда.

Злоба. Презрение. Страх. Коварство. С закрытыми глазами слух у Мими так обострился, что она улавливала малейшие оттенки в интонации Иэна, пока он пытался переключить внимание с себя на Каспера. Он даже ругался, хотя никогда раньше этого не делал. *И зачем только я ходила с ним*? — думала она. — *У нас вообще нет ничего общего.*

— Мальчики! Прекратите. Бланка, отойди. — Мисс Лоуд присела на корточки и похлопала Мими по щеке. Та заморгала и открыла глаза.

— Она жива! — воскликнула Бланка.

— Мими, как ты себя чувствуешь? Где болит?

— Голова болит, а больше я ничего не чувствую.

Мими попыталась пошевелить ногами, но не

поняла, удалось ли. Ей казалось, что она отморозила все тело.

— Род, беги и попроси миссис Дьюк вызвать «Скорую».

Мисс Лоуд старалась говорить спокойным голосом, но Мими уловила в нем панику.

— Ох, где же Ричард? Он знает, что делать!

Род стоял и смотрел на Мими.

— Побыстрей, пожалуйста. — Мисс Лоуд повысила голос: — Беги! А ты, Бланка, отыщи мистера Брабанта и попроси его прийти сюда.

Бланка и Род вышли из оцепенения и побежали к школе.

У Мими перед глазами снова замелькало, и она поняла, что этот приступ головной боли всем приступам приступ. Она остановила взгляд на Осее, который по-прежнему сидел на верхушке «джунглей». Вид у него был жуткий, темная кожа приобрела необычный серый цвет. Мими не предполагала, что чернокожие люди могут так бледнеть.

Король джунглей, — думала она. — *Но какой жалкий король*.

— Осей, — позвала она его. — Ты это хотел мне показать?

Мими, невзирая на боль, чуть повернула голову

в сторону пенала.

Оу кивнул.

— Мими, тебе не нужно сейчас разговаривать, лежи спокойно, — прервала ее мисс Лоуд, потом повысила голос:

— А вы все — ступайте по домам. Каспер, что ты тут делаешь? Ты же наказан.

Но на нее никто не обращал внимания.

— Как, по-твоему, этот пенал попал к Бланке? — спросила Мими.

Иэн нахмурился.

— Каспер подарил ей, а Касперу подарила Ди. Она ходит с ним. Она ходит сразу с двумя, и Каспер тоже.

Каспер отрицательно потряс головой.

— Нет, парень. Не знаю, о чем ты. Я не хожу с Ди. И никогда не ходил. А про пенал Бланка то же самое сморозила. Только я ей ничего не дарил, да она меня и слушать не стала.

Тут Иэн тоже затряс головой.

— Молчи, — шепнул он Мими.

Мими не послушалась его. Он уже изувечил ее. Что еще он может ей сделать?

— Осей, клянусь тебе, пенал Бланке передал Иэн и сказал, что от Каспера.

Мисс Лоуд переводила взгляд туда-сюда.

— О чем вы тут говорите? — взмолилась она.

Осей уставился на Мими.

— А ты откуда знаешь?

— Потому что я сама отдала его Иэну. Ди случайно выронила его, а я подобрала и отдала Иэну, это я отдала пенал, а не Ди.

— Но зачем? Зачем ты это сделала?

— Чего ты привязался к Мими? — встрял Иэн. — Она просто мелкая сучка.

— Иэн! Что за выражения! Прекратите немедленно, вы все! Господи, где же Ричард? Где миссис Дьюк? Я не знаю, что делать! — И мисс Лоуд заплакала.

— Я отдала пенал Иэну, потому что он попросил, — говорила Мими, обращаясь только к Осею. — Я хотела откупиться от него, чтобы он оставил меня в покое. Подчиняться ему — я больше не могла это терпеть.

— Прости меня, — добавила она. — Я не думала, что он использует пенал против тебя.

Произнося эти слова, Мими осознавала, что говорит не всю правду. Она же понимала, отдавая пенал Иэну, что тот использует его исключительно во зло.

Осей не сводил с нее глаз. *Значит, и тебе нельзя верить*? — говорил его взгляд.

Мими сморгнула слезы с ресниц, ее терзали муки совести от того, что она сыграла такую роль, пусть вопреки своему амплуа. Ей предстояло с этими муками жить.

Теперь Осей повернулся к Иэну:

— Почему ты это сделал?

— Потому что смог. — Иэн пожал плечами.

Мисс Лоуд слушала разговор детей с таким выражением, будто решала математическую задачу, которую не понимала.

— Мими, кто же во всем виноват? — прошептала она.

— Иэн, — ответила Мими. — Это все Иэн.

Мисс Лоуд глубоко вздохнула, вытерла глаза и поднялась на ноги.

— Иэн, что ты можешь сказать?

— Ничего. Мне нечего сказать. — Иэн крепко сжал губы, показывая, что не проронит ни слова.

Иэн напомнил Мими маленького мальчика, которого застукали за неприглядным поступком — за воровством например, и он закрывает глаза, полагая, что если он никого не видит, то и его никто не видит. Иэн начал пятиться, глаза его метались туда-сюда, словно выискивая путь для отступления.

Тяжелые мужские шаги приближались к ним.

— Что тут происходит, бога ради? — Мими услышала голос мистера Брабанта, потом увидела его самого. — Где Ди?

— Она ушла домой, — ответил Каспер. — Я так думаю.

— С ней все хорошо?

— Надеюсь.

— Как это понимать — «надеюсь»?

Каспер молчал.

Рассерженное лицо мистера Брабанта оказалось прямо перед глазами Мими, выражение его было ужасно, она никогда не видела ничего подобного. Какое-то время он смотрел тяжелым взглядом на нее, потом запрокинул голову и посмотрел вверх.

— Осей, что ты сделал с Мими? Спускайся немедленно! Я тебя предупреждал!

Его слова не возымели, казалось, никакого действия: новенький сидел, сжавшись, наверху «джунглей» и бесстрастно смотрел на учителя.

Послышался звук сирены, который постепенно становился громче.

— Ричард, я не думаю…

— Ты слышишь меня, парень? — Мистер Брабант был накален добела, как электролампочка, которая вот-вот перегорит. — Спускайся немед-

ленно, ниггер!

Мими дернула головой — единственной частью тела, которая могла двигаться. Родители учили ее, что это слово нельзя говорить никогда ни при каких обстоятельствах. Никогда. Ни при каких. Вообще забыть.

Все школьники стояли молча и не шевелились, оцепенев от этого слова, произнесенного в полный голос, только Иэн продолжал отступать со сцены за кулисы.

— Стоп! — крикнула мисс Лоуд и залилась пунцовой краской. Мими подумала, что она приказывает Иэну остановиться, но мисс Лоуд продолжила:

— Прекратите это немедленно, Ричард! Вы не смеете говорить так. Только не вы.

Мистер Брабант не подал виду, что услышал ее, он по-прежнему смотрел на Осея. Новенький встрепенулся, но, вместо того чтобы начать спускаться, он выпрямился в полный рост и осторожно балансировал на самой верхней перекладине. С раскинутыми в стороны руками, он возвышался над двором. Потом сжал руку в кулак и поднял высоко, продолжая пристально смотреть на мистера Брабанта. Мими видела этот жест раньше, на какой-то фотографии.

— Знаете что? — сказал Осей не громко, но все равно убедительно. — Черное прекрасно!

— Осей, пожалуйста, спустись на землю. — Мими услышала откуда-то сзади спокойный, властный голос миссис Дьюк, почувствовала густой запах ее духов. — Мне кажется, на сегодня нам хватит трагедий.

Осей посмотрел на нее.

— Хотите, чтобы я спустился на землю? — так же спокойно спросил он у нее.

— Да, пожалуйста.

Он перевел взгляд на мистера Брабанта.

— И *вы* тоже хотите? — повторил он немного громче.

Мистер Брабант кивнул, не сводя глаз с Осея.

— Хорошо. Я спущусь. — По-прежнему с поднятым кулаком, Осей покачнулся на перекладине. Нечаянно или нарочно? Мими не поняла.

— Перестань! — крикнул мистер Брабант, прекрасно понимая уже, что бессилен.

Мими хотела добавить: *не надо, а то будет, как со мной*. Она совсем не могла пошевелить ногами. Похоже, что для нее это последний день на школьном дворе. И для Иэна тоже — Каспер поймал его за руку и не дал ускользнуть. Иэна исключат, а то и хуже. И для Ди — разве она сможет

вернуться сюда после всего, что случилось?

Оставался еще Осей, король, который шатался на троне. Ему нужно сделать выбор. Он его сделал, поняла Мими. За секунду до его падения раздался крик мисс Лоуд: «Осей, не надо!» Потом тьма объяла Мими, и свет на сцене погас.